

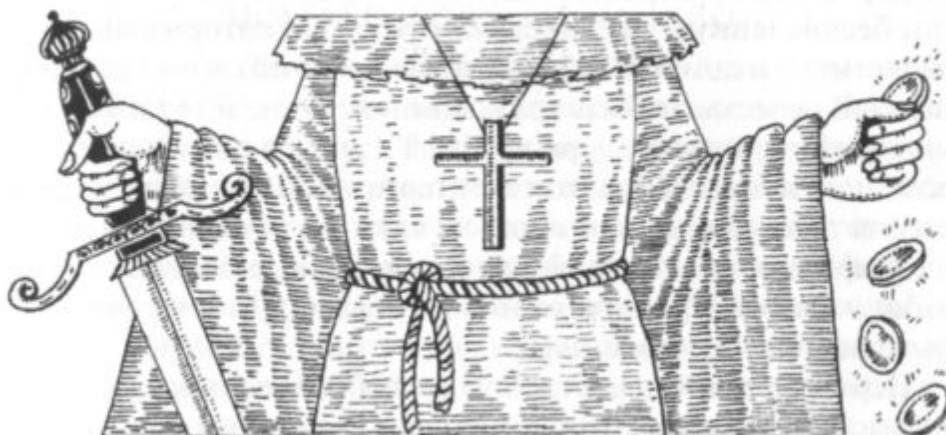

Генри Чарлз Ли

Возникновение и устройство инквизиции

К концу XII века католическая церковь сделалась владычицей всего западного мира. В истории нет другого примера более полного торжества разума над грубой силой. В эпоху смут и кровавых битв гордые воины должны были склоняться перед служителями алтаря, которые не располагали никакой материальной силой и все могущество которых основывалось на внутреннем сознании верующих. Церковь превратилась в абсолютную монархию, и это породило духовный деспотизм, подчинивший все своей воле.

Глава I Церковь

Самый скромный священник обладал сверхъестественным могуществом, которое ставило его выше окружающих людей. Как бы ни были велики его преступления, он не был подсуден светскому суду — рука мирянина не могла коснуться его. В подобном же исключительном положении находилась и недвижимость духовных лиц, которая образовывалась из добровольных пожертвований многих поколений набожных мирян; значительная часть плодородных земель Европы принадлежала церкви. Связанные с этими владениями сеньориальные права включали в себя очень широкую светскую юрисдикцию, которая предоставляла их пользователям те же права над личностью, которыми обладали и феодальные сеньоры.

Ставший обязательным после долгой борьбы обет безбрачия резко отделил священников от мирян, всецело закрепил за церковью обширные владения и предоставил к ее услугам бесчисленную армию слугителей, для которых она стала и семьей и домом. Человек, посвящавший себя служению церкви, переставал быть гражданином; он не имел ни забот, ни семейных связей; церковь была для него новым отечеством, и интересы ее стали его интересами. В качестве возмещения того, чего они лишились, слугители церкви получали уверенность в завтрашнем дне и освобождались от всех забот о хлебе насущном; от них требовалось лишь одно — не выходить из повиновения.

Церковь принимала в свои ряды любого человека, не интересуясь ни его происхождением, ни его социальным положением, тогда как в феодальном обществе с его классовыми перегородками возвышение и переход из одного сословия в другое был почти невозможен. Правда, в церкви происхождение тоже облегчало доступ к высшим должностям, но все же в ней можно было выдвинуться благодаря энергии и природным дарованиям. Происхождение пап Урбана II и Адриана IV точно не известно; Александр V был из нищей семьи; Григорий VII — сын плотника, Бенедикт XII — булочника, Николай V — бедного доктора, Сикст IV — крестьянина, Урбан IV и Иоанн XXII были сыновьями сапожников, а Бенедикт XI и Сикст V — сыновьями пастухов. Просматривая церковные летописи, мы видим, что они полны имен людей, которые вышли из низших слоев общества и достигли высших ступеней в церковной иерархии.

В ряды слугителей церкви устремлялось немало способных людей. Часто они меньше заботились о спасении душ, чем о приумножении богатств и привилегий церкви. Самые высшие должности в церковной иерархии обычно занимались теми, кто ставил мирские блага выше идеалов христианства. На вершину нередко всходили люди, искушенные в интригах. Бывало, что должности покупались. Французский король Генрих I на глазах у всех торговал епископскими кафедрами.

Правда, время от времени появлялись среди духовенства люди высоконравственные, но все их усилия восстановить уважение к церкви и поднять нравственность духовенства ни к чему не приводили: зло укоренялось повсюду, и им оставалось только своей личной жизнью подавать благие примеры, следовать которым охотников находилось мало.

Прелаты и бароны одинаково были буйны, одинаково суетны. В 1272 году мы видим епископов в армии Филиппа Смелого, а в 1303 и 1304 годах епископы и прочие духовные лица принимали участие в походе Филиппа Красивого во Фландрию. Когда речь шла об их личных интересах, епископы без всяких уговоров обнажали оружие. Вормсский епископ Лупольд во время войн между императорами Филиппом и Оттоном IV со своими войсками сражался за первого и, когда его солдаты опасались грабить церковь, уверял их, что достаточно просто оставить в покое кости мертвых, а добро можно брать без угрызений совести.

Всем известна история Ричарда Английского и Филиппа де Дрё, епископа города Бовэ. Когда этот епископ, равно прославившийся как своей жестокостью, так и своим знанием военного дела, попал в плен, то он обратился с жалобой к папе Целестину III на то, что плен его является нарушением привилегий церкви. Папа не одобрил склонности епископа к бранным подвигам, но тем не менее начал хлопотать о его освобождении. Тогда король Ричард послал папе железную кольчугу епископа с вопросом, предложенном в Библии Иакову: «Посмотри, сына ли твоего эта одежда или нет?» Папа ничего не ответил на это и взял обратно свое ходатайство. Немного позднее Феодор, маркиз Монферратский, разбил и взял в плен Аймона, епископа Верчельского. В это время находился в Женеве кардинал Тальяферро, папский легат Арагонии; узнав о святотатстве маркиза, он написал ему грозное послание, на которое тот ответил так же, как и

король Ричард, причем препроводил ему шпагу епископа, покрытую свежими пятнами крови.

Поведение воинствующих епископов производило на современников отталкивающее впечатление. Они были подсудны только суду Рима; но нужно было дойти до самых крайних пределов отчаяния, чтобы решиться жаловаться на них в Рим; даже и в случае подачи жалобы безнаказанность обвиняемого была более чем вероятна: во-первых, трудно было доказать виновность; во-вторых, дела тянулись бесконечно долго, и, в-третьих, всем прекрасно была известна продажность Римской курии. Обвинения против епископов легко могли кончиться печально для самих обвинителей.

Правда, когда папский престол занимал энергичный и неподкупный папа, вроде Иннокентия III, появлялась некоторая надежда добиться справедливости; число судебных дел против епископов во время этого папы показывает, сколь многочисленны были их прегрешения. Но даже и при Иннокентии III волокита в делах и явное нежелание Рима выносить обвинительные приговоры епископам служили достаточным основанием, чтобы удерживать недовольных от жалоб. Так, например, в 1198 году Жерар де Ружмон, архиепископ Безансонский, был обвинен своим капитулом в клятвopеступлении, симонии и кровосмешении. Вызванные в Рим обвинители, не отказываясь от своих слов, не решились, однако, подтвердить свои претензии, и папа Иннокентий, приведя евангельский рассказ о блуднице, отпустил архиепископа с миром, ограничившись данным ему советом впредь не грешить. Но поведение архиепископа не изменилось к лучшему, и в конце концов в Безансонской епархии религия стала предметом всеобщих насмешек. Жерар продолжал жить с одной из своих родственниц, ремиремонской аббатисой и с другими наложницами, из которых одна была монахиней, а другая — дочерью священника; ни одной церкви не освящал он, ни одного таинства не совершал, не получив предварительно крупной платы; лихоимство архиепископа разоряло подвластное ему духовенство, которое жило беднее крестьян и презиралось своими прихожанами. Монахам и монахиням за взятки архиепископ разрешал выходить из монастыря и вступать в брак. Наконец долготерпение горожан истощилось, и они силой прогнали Жерара де Ружмона, который удалился в аббатство Бельво, где и умер в 1225 году.

Похожими подвигами прославился епископ Туля Маге Лотарингский. Посвященный в 1200 году, он проявил такие хищнические наклонности, что уже через два года капитул обратился к папе Иннокентию с просьбой о его смещении, но прошло целых десять лет в расследованиях и апелляциях, прежде чем он был низложен. После этого Маге Лотарингский весь ушел в охоту, разврат и пиры; любимой его наложницей была родная дочь, прижитая им с одной монахиней. В 1217 году он заказал убийство своего преемника Рено де Санлиса. После этого, видимо, истощилось терпение даже его близких родственников, и Маге был убит своим дядей, герцогом Лотарингским Тибо, который не считал возможным положиться на правосудие.

В Нарбонне архиепископ Беранже, побочный сын Раймунда Беранже, графа Барселонского, не жил в своей епархии, предпочитая ей Арагон, где он пользовался тем, что давало богатое аббатство и Леридская епископия. В Нарбонну он был назначен в 1190 году, но впервые побывал там в 1204 году, хотя и получал с нее огромные доходы, как законные, так и незаконные, от продажи бенефиций и епископских мест. На продаваемые им церковные должности часто попадали люди самого распущенного образа жизни. А случалось и так, что на епископские кафедры назначались совсем еще юноши. Эти почти что дети быстро входили во вкус легкой наживы, начинали торговать алтарями и выворачивать карманы верующих.

В 1200 году Иннокентий III потребовал от Беранже подробного отчета и вызвал его к себе. Архиепископ вызов проигнорировал. Папа потребовал его снова и затем писал к Беранже еще несколько лет, но без особого успеха — архиепископ тянул время. Наконец, выйдя из терпения, в 1210 году Иннокентий предписал своему легату немедленно приступить к рассмотрению дела архиепископа Нарбонны. Но, несмотря на все это, Беранже был отрешен от кафедры только в 1217 году. Да и то только, потому что папский легат Арно Ситоский пожелал занять его кафедру. В ином случае, весьма вероятно, Беранже еще многие годы преспокойно вел бы привычный образ жизни и получал доходы с церковных владений.

Ковентрийский епископ имел обыкновение раздавать церкви детям, не достигшим еще десятилетнего возраста; он ограничивался лишь предписанием, чтобы в этих случаях приходы

поручались викариям, пока назначенное лицо не достигнет четырнадцати лет.

Что касается злоупотребления при раздаче духовных должностей, то нельзя было ожидать, чтобы Римская курия положила этому предел, так как она сама в самых широких масштабах злоупотребляла подобными делами. Целая армия прихлебателей и дармоедов, жившая под ее кровом, зорко наблюдала за богатыми бенефициями по всей Европе, и папы беспрестанно писали епископам и капитулам, испрашивая места для своих друзей. Бенефиция, купленная за деньги, являлась простым и спокойным местом, из которого следовало извлекать как можно больше доходов, не стесняясь ни лихоимства, ни всевозможных происков; прямые же обязанности христианского пастыря сводились до минимума.

Вошло в норму, чтобы каждый шаг священника приносил ему определенный доход. Нередко священник отказывался венчать или хоронить, требуя уплаты денег вперед. Кроме того, многие священники преступали правило, по которому, за исключением особых случаев, нельзя было служить более одной обедни в день; желавшие соблюсти внешнюю благопристойность прибегали к остроумной выдумке: они разделяли одну обедню на целых шесть часов и получали за каждую из них соответствующую плату.

Даже труп христианина представлял известную ценность. Часто священник отказывал умирающему в последнем напутствии, от которого зависело спасение его души, если ему не давали за это что-либо из вещей умирающего, хотя бы, например, простыни с его постели. Еще более распространен был обычай пугать умирающих муками вечного огня, если они не оставляли своего состояния на благотворительные цели. Значительная часть церковного имущества была собрана именно таким путем.

Даже и после смерти человека церковь не упускала из виду его душу и извлекала из нее выгоды. Повсеместно существовал обычай оставлять значительные суммы, чтобы церковь своими молитвами смягчала муки чистилища. Даже само предание тел земле было для духовенства крупным источником дохода. В конце концов приходские церкви объявили, что тело всякого прихожанина составляет их неотъемлемую собственность и что никто не имеет права избирать себе по своему усмотрению место погребения.

В 1160 году тамплиеры жаловались Александру III, что все их труды в интересах Святой земли сводятся на нет страшным лихоимством папских легатов и нунциев, которые не довольствуются домами и содержанием, выделяемым им по праву, а вымогают еще и деньги. Папа милостиво предоставил тамплиерам право сокращать аппетиты своих послов — за исключением тех случаев, когда ими были кардиналы.

Еще хуже обстояло дело, когда приезжал сам папа. Избранный папой в Лионе Климент V отправился оттуда в Рим через Бордо. По дороге он и его свита так беззастенчиво грабили приходы, что после их отъезда из Буржа архиепископ Эгидий оказался совершенно разоренным. Пребывание папы в богатом приорстве Граммон настолько разорило монастырь, что приор, отчаявшись поправить дела, удалился на покой, а его преемник был вынужден обложить огромными налогами все приписные монастыри.

Англия — после изъявления королем Иоанном покорности папе — была особенно изнурена папскими поборами. Все богатые бенефиции были розданы иностранцам, которые и не думали жить в них, а между тем суммы, собираемые ими ежегодно с острова, достигали весьма солидной цифры.

Всякий протест, всякое сопротивление подавлялись отлучением от церкви. Если какой-нибудь несчастный отказывался подчиниться незаконному требованию, его немедленно отлучали от церкви, после чего он должен был уплатить не только то, что с него раньше незаконно требовали, но еще и за снятие отлучения.

Продажность многих епископских судов была существенной причиной бедствий народа. О характере судебных прений и о характере защиты в этих судах можно составить себе достаточно ясное представление на основании изучения реформы, предпринятой в 1231 году на Руанском соборе. На этом соборе было решено требовать от адвокатов клятву, что они не будут выкрадывать бумаги противника, предъявлять фальшивые документы и выставять лжесвидетелей. Не лучше адвокатов выглядели судьи. Они не останавливались ни перед каким вымогательством, чтобы очистить карманы тяжущихся до последнего гроша.

Другой род гнета вытекал из побуждений более возвышенных, но народу от этого легче не было. Примерно в это время вошло в обычай сооружать церкви, украшенные расписными стеклами и пышной отделкой, на что требовались серьезные средства. Несомненно, эти здания были выразителями горячей веры, но еще в большей степени свидетельствовали они о тщеславии прелатов, которые руководили их постройкой.

Особенно щекотливы были отношения между духовенством и мирянами в вопросах нравственного порядка. Жестоко ошиблись те, кто, вводя celibат, рассчитывал через это сделать духовенство целомудренным. Лишенный семейной обстановки священник вместо законной жены заводил себе наложницу или сразу несколько любовниц. Обязанности священника и исповедника предоставляли ему в этом отношении особые преимущества. Мужчины, каясь на исповеди в незаконной связи, не решались назвать имени своей возлюбленной, боясь, чтобы священник не отбил ее.

Следствием обязательного безбрачия духовенства явилось ложное представление о нравственности, что было великим злом как для светского общества, так и для церкви. Раз священник не нарушал открыто церковных канонических законов и не вступал в законный брак, то ему все было прощательно. В 1064 году один священник в Оранже был уличен в прелюбодеянии с женой своего отца, и папа Александр II, который много потрудился над введением celibата, решил, что его не следует лишать права совершать таинства, чтобы он не впал в отчаяние; этому священнику сохранили сан и лишь перевели его на худшее место. Два года спустя тот же папа милостиво сложил епитимию, наложенную на одного падуанского священника, обвиненного в кровосмешении со своей матерью; вопрос же о том, оставить или нет этого священника в духовном звании, папа передал на усмотрение местного епископа. Не трудно представить, как развращающе действовали подобные примеры на народные массы.

Но самой главной причиной деморализации духовенства и возникновения противоречий между ним и мирянами была неподсудность лиц духовного звания светскому суду. Относительная безнаказанность привлекала в число служителей церкви людей испорченных и порочных; не бросая своих мирских привычек, они занимали низшие духовные должности и широко пользовались своей неприкосновенностью, подрывая этим всякое уважение к духовному званию и ко всему, с ним связанному.

Монашеские ордены, в свою очередь, добились неподсудности епископскому суду и отдачи их под непосредственный контроль Рима, и это было одной из главных причин нравственного падения монастырей. В огромном большинстве случаев монастыри сделались очагами разврата и мятежей; женские монастыри походили на публичные дома, а мужские монастыри превратились в феодальные замки; причем монахи воевали против своих соседей не менее свирепо, чем самые буйные бароны. Смерть настоятеля, власть которого, само собой разумеется, не была наследственной, часто вызывала между претендентами споры, междоусобные войны и, бывало, приводила к вмешательству извне.

Правда, не все монастыри забыли, что их богатства создались от щедрот верующих и что это накладывает на них известные обязанности. Во время голода 1197 года аббат Гебгардт, хотя Гайстербахский монастырь и не был тогда богат, кормил иногда до 1500 человек в день; еще щедрее оказался главный Геменродский монастырь, который кормил на свой счет до самой уборки хлеба всех бедняков округи; в это же время один цистерцианский монастырь в Вестфалии пожертвовал все свои стада и заложил все до последней книги и церковные сосуды, чтобы кормить голодных, толпами стоявших у его ворот. Справедливости ради следует сказать, что все крупные издержки, производимые монастырями в подобных случаях, всегда возмещались новыми приношениями верующих. Этими примерами обыкновенно пользуются, чтобы до известной степени поднять уважение к монастырям.

Тем не менее нельзя не признать, что под монастырской сенью укрывалось очень много дурного. В этом нет ничего удивительного, если принять во внимание, кто давал монашеские обеты. Признается непреложным фактом, что худшие монахи выходили из молодых людей, воспитанных в монастырях, и что именно они чаще всего оказывались вероотступниками. Что же касается людей, вступивших в монастырь в более зрелом возрасте, то разнообразные мотивы, побуждавшие их отречься от мира, всегда были эгоистичны — в лучшем случае это были страх

смерти, боязнь ада и искание рая. Часто, вступая в монастыри, избегали заслуженного наказания преступники. Один барон, приговоренный в 1209 году к смерти, был принят аббатом Шонауского монастыря Даниилом в цистерцианский орден и тем самым спасен, поскольку выпал из юрисдикции светского суда. Собор, бывший в 1129 году в испанской Паленсии, постановил, что всякий, кто обольстит женщину или ограбит священника, монаха, богомольца, путника или купца, должен быть изгнан или заключен в монастырь.

Немногим лучше были монахи из тех, кто под влиянием внезапного угрызения совести оставлял мир и удалялся в тихую обитель; эти люди были еще полны сил, и в них бушевали страсти. В 1071 Гербальд, рыцарь, убивший своего сюзерена, впал в раскаяние и отправился в Рим, где, явившись к папе Григорию VII, умолял приговорить себя — в искупление вины — к отсечению руки. Григорий VII согласился и приказал исполнить желание рыцаря; но в то же время он тайно распорядился, что если Гербальд, увидев поднятый топор, отдернет руку, то отрубить ему ее без всякой жалости; но если кающийся не дрогнет — объявить ему помилование. Гербальд, когда над ним вознесли топор, не дрогнул ни одним мускулом, и папа, объявив, что отныне руки его принадлежат Богу, отправил рыцаря в Ключи под начало святого аббата Гуго, где он мирно окончил свои дни смиренным монахом. Но очень часто случалось, что горячие нравом люди, лишь только проходил первый порыв раскаяния, снова возвращались к старым привычкам, внося смуту в монастырский быт.

В разношерстных толпах, ютившихся под монастырским кровом, невозможно было соблюдать основной принцип устава св. Бенедикта — общность имущества. В монастырях процветали кражи, многие занимались накопительством. Григорий Великий, в бытность свою аббатом римского монастыря Св. Андрея, лишил последнего напутствия умирающего брата за то, что в его одеждах нашли зашитыми три золотые монеты. Позднее в этом монастыре явилось на свет постановление, в силу которого всякий монах, пойманный на краже одежды в спальне или посуды в трапезной, изгонялся из монастыря как святотатец и вор. В некоторых аббатствах у каждого монаха был в стене позади его места в трапезной особый шкафчик, запиравшийся на ключ, куда он по окончании еды прятал ложку, чашку и тарелку, чтобы они не попали в руки его сотрапезников. В спальне было еще хуже. Кто мог завести себе сундук, тот каждое утро, вставая с постели, запирает в него простыни; те же, у кого не было сундуков, постоянно жаловались на кражи.

Печальная слава монахов умножалась еще более огромным числом бродяг и нищих, которые под прикрытием монашеской рясы, питаясь милостыней и обманами, торгуя поддельными реликвиями и показывая ложные чудеса, проникали во все углы христианского мира. Часто их ловили на месте преступления и тут же без всякой жалости творили самосуд.

Конечно, не было никогда недостатка в попытках восстановить в монастырских рядах падающую дисциплину. Один за другим различные монастыри подвергались реформам; но вскоре разврат снова свивал в них свое гнездо. Немало было положено труда на создание новых и более строгих уставов; таковы, например, уставы премонстрантов, картезианцев и цистерцианцев, цель которых — не допускать в монастыри людей, не имеющих истинного призвания; но по мере того, как росла слава монастыря, щедрость верующих наполняла его земными благами, а с богатством приходило растление. Бывало иногда и так, что скромная пустынь, основанная несколькими смиренными отшельниками, все помыслы которых были направлены лишь к одному — снискать вечное блаженство, убить грешную плоть, уйти от мирских соблазнов, — становилась обладательницей святых мощей, чудодейственная сила которых привлекала в пустынь толпы богомольцев и больных, ищущих исцеления. Начинали поступать приношения, и тихая обитель превращалась в разукрашенный монастырь, а суровые подвиги основателей отходили в область предания.

Преподобный Гильберт, аббат Жанблу, в 1190 году со стыдом признавался, что монашество — позор и язва, предмет непристойных насмешек и горьких упреков в устах христиан. Под воздействием порочащих свое звание священников и монахов религия стала совершенно отличной от той, которую завещали Иисус Христос и апостол Павел. Это не значит, что люди сделались безразличны к будущей судьбе своих душ; совершенно напротив: ни в одну еще эпоху, быть может, ужасы ада, блаженство рая, постоянные козни дьявола не занимали так умы

людей среди забот повседневной жизни. Но религия во многих отношениях превратилась в грубый фетишизм. Грешник верил, что отпущение грехов можно заслужить повторением известное число раз «Отче наш» и «Богородицы», соединенным с магическим таинством покаяния. Когда на Страстной неделе целая толпа молящихся скопом исповедовалась и оптом получала отпущение грехов, то таинство покаяния превращалось в какое-то шаманское чародейство, при котором никто не заботился о состоянии души человека.

Еще более выгодной для церкви и столь же губительной для нравственности была вера в то, что щедрые пожертвования после смерти на сооружение монастырей или украшение храмов могут загладить жестокости и грабежи, которые грешник совершал на протяжении всей своей жизни; также же считалось, что служба в течение нескольких недель против врагов папы заглаживает все грехи того, кто истреблял своих же братьев христиан.

Не меньше вреда приносили индульгенции, которые вначале были лишь заменой каким-либо богоугодным делам. Однако когда индульгенция превратилась в плату Богу, то решили, что Бог нуждается в особом казначее, каким, естественно, явился папа. Иннокентий IV, проповедуя после смерти Фридриха I крестовый поход против императора Конрада IV, обещал всем участникам похода полное отпущение грехов. При этом крестоносец мог откупиться от службы, уплатив, согласно своему положению в армии, известную сумму. Но позже такая система показалась чересчур сложной, и приобретение вечного спасения было упрощено: оно стало продаваться за деньги всем желающим. По городам и весям ходили продавцы индульгенций, которые считали себя вправе не только обещать вечное блаженство живым, но и давать освобождение осужденным, уже томящимся в преисподней. Дело было только в цене.

Продажа индульгенций прекрасно характеризует христианство Средних веков. Верующий никогда не имел прямых сношений с Создателем. Необходимым посредником между Богом и человеком являлся священник. Средства, которые давали ему господство над массой — причастие, мощи, святая вода, святое миро, молитва и заклинание бесов, — превратились в своего рода кумиры, одаренные особой силой, которая не зависела ни от нравственного и духовного состояния тех, кто предлагал их, ни от поведения тех, кому они предлагались. В глазах толпы обряды религии были просто магическими формулами, которые таинственно служили ее нуждам.

Латеранский собор 1215 года принял немало канонов, направленных к искоренению главных злоупотреблений. Но это ничего не изменило. Четыре года спустя папа Гонорий III в энциклике, обращенной ко всем прелатам христианского мира, говорит: «Служители алтаря хуже животных, роющихся в навозе; слава их — в бесчестии, как слава Содомы. Они — ловушка и бич католиков. Многие прелаты растрачивают данные им на хранение деньги и разбрасывают по публичным местам церковные средства; они дают повышения людям недостойным, расточают церковные доходы на людей дурных и превращают церкви в тайные притоны для своих родных. Монахи и монахини нарушают обеты и делаются такими же презренными, как навоз. Поэтому-то и процветает ересь».

Глава II

Ересь

Церковь, стоявшая, как мы видели, так далеко от своего идеала и так небрежно относившаяся к своим обязанностям, очутилась почти неожиданно для себя перед новыми опасностями, грозившими подорвать в корне ее могущество. Как раз в тот момент, когда она только что отпраздновала победу над своими светскими врагами — королями и императорами, подчинив их своей власти, новый страшный враг выступил против нее; этим врагом было пробуждавшееся сознание людей.

Ересь первоначально распространялась среди массы простого народа. Удары, поставившие существование церковной иерархии в действительную опасность, были нанесены людьми, проповедовавшими между бедными и угнетенными, которые чувствовали, что церковь не выполняет своего назначения, видели, что служители ее суетны, понимали, что в ее учение вкралось немало заблуждений.

Ереси, привлекавшие к себе толпы последователей, делились на два разряда: секты, твердо сохранявшие все основные положения христианского учения, но отрицавшие священство; и манихеи, или дуалисты. Почти всегда сведения о них мы черпаем из сочинений противников ереси; за исключением нескольких вальденских трактатов и служебника катаров, вся литература еретиков погибла. Один инквизитор, объясняя причины успеха ереси, отмечает нравственную грязь духовенства, его невежество и заблуждения, бессодержательность его проповедей, презрительное отношение к таинствам и ненависть, которую питали к нему почти многие верующие. Излюбленными аргументами еретиков против церкви были заносчивость, алчность и распущенность духовенства.

Все ереси, отрицавшие священство, были направлены против злоупотреблений служителей церкви. В XII веке Альберо, священник из Мерка близ Кельна, учил, что таинство, совершенное порочным священником, не имеет силы, но был вынужден отречься от своих слов, так как отцы церкви держались противоположного взгляда; тогда он создал новую теорию, по которой таинства, совершаемые недостойным священнослужителем, приносят пользу только тем людям, которые не знают о недостойном поведении священника. Эта теория также была признана еретической. Тогда Альберо предложил доказать справедливость своего учения посредством испытания огнем, но его предложение было отвергнуто, поскольку посчитали, что колдовство может подействовать ему вытерпеть пытку и доставить торжество ложному учению. В 1230 году папа Григорий IX постановил, что всякий священник, впавший в смертный грех, временно отрешается от исполнения своих обязанностей в отношении лично самого себя, пока не раскается и не получит отпущение греха, но отправляемые им службы имеют силу, так как он не отрешается от исполнения обязанностей по отношению к другим, если грех не сделался общеизвестным благодаря его собственному признанию или судебному решению.

Около 1108 года на острове Зеланд появился проповедник Танхельм, по-видимому монах-

вероотступник, человек ловкий и изворотливый в диспутах. Он отрицал всю церковную иерархию, начиная от папы и кончая последним священником, учил, что причастие нельзя принимать из рук порочного священнослужителя, и призывал к неплатежу десятины. Центром его деятельности стал Антверпен. Этот город был в то время уже многолюдным, богатым и торговым, но тем не менее в нем был только один священник, да и тот, увлеченный связью с одной из своих родственниц, не имел ни охоты, ни времени к исполнению своих пастырских обязанностей. Поэтому население города стало легкой добычей для искusstителя — оно последовало за Танхельмом и оказывало ему такое благоговейное уважение, что как святыню хранило воду, в которой он мылся. Без труда собрал он войско в 3000 человек, при помощи которого захватил в свои руки власть в округе: герцог и епископ поначалу были бессильны перед ним, но закончилось все для Танхельма плохо. Он и его спутники были схвачены в Кельне. Правда, самому Танхельму удалось бежать, но в 1115 году ему разможил голову палкой один священник. В Антверпене последствия деятельности Танхельма давали знать о себе довольно долго; католичество там было окончательно восстановлено только в 1126 году.

Немного позднее с еретической проповедью выступил в Бретани Эон де Этуаль, но это был, несомненно, человек ненормальный. Он происходил из знатной фамилии и уже пользовался славой святого за свою отшельническую жизнь, когда однажды вдруг возомнил себя Сыном Божиим. Сумасшествие заразительно, и скоро вокруг Эона собрались поклонники, с чьей помощью он начал отбирать у церквей неправильно приобретенные ими богатства и раздавать их бедным. Тогда против еретиков были посланы войска. Многие из последователей Эона де Этуалья, не пожелавшие отречься от своих заблуждений, были сожжены живыми, а его схватили и отправили к папе Евгению III на Руанский собор. Здесь Эон так ясно продемонстрировал свое безумие, что его милостиво отдали под опеку аббата Сен-Дени, где он умер в скором времени. Но ученики упорно продолжали верить в него, и упорство приводило их на костер.

Наиболее долговечными и опасными для церкви были ереси, появившиеся в это же время на юге Франции. Первым их проповедником был Петр Брюйсенский. Его учение было полным отрицанием таинств: крещение детей бесполезно, излишни вклады в церкви, раздача милостыни, обеды, молитвы, совершаемые в память умерших, так как каждый будет судим по своим заслугам; сами церкви бессмысленны, и их следует разрушить, так как христианин не нуждается для молитвы в освященных местах — Бог внимает достойным всюду; Церковь Христова есть единение и согласие верующих; глупо обращаться с молитвами к неодушевленному предмету — кресту, и лучше совсем уничтожить эту эмблему, напоминающую о жестоких страданиях Спасителя. Прелаты Эмбрена, Гапа и Ди тщетно старались помешать распространению ереси; в конце концов они прибегли к помощи короля, и Петр, изгнанный из страны, бежал в Гасконь, где открыто — и с успехом — проповедовал целых двадцать лет. Рассказывают, что однажды он, в доказательство своего презрения к предметам, почитаемым духовенством, приказал спилить множество освященных крестов, сложил их в кучу, поджег и изжарил на их углях мясо. В 1126 году, однако, Петр был схвачен и сожжен на костре. Последователи продолжали распространять его учение, и спустя шесть лет после гибели Петра аббат Ключийского монастыря считал эту ересь настолько грозной, что посвятил ей особый трактат.

На смену Петру Брюйсенскому явился новый ересиарх, еще более опасный для церкви, — Генрих, монах из Лозанны. Явившись в Мане, он строгостью своей жизни вызвал к себе почитание народа. Мансский епископ на публичном диспуте опроверг ересь и принудил Генриха удалиться из своей епархии, но не подверг его никакому наказанию. После этого Генрих проповедовал в Пуатье и Бордо; в Арле его наконец арестовали и в 1134 году отправили на Пизанский собор. Здесь Генриха приговорили к тюремному заключению. Спустя некоторое время его сослали в Лозаннский монастырь, но вскоре он уже оказался на юге Франции, где стал горячим последователем учения Петра Брюйсенского.

Успех его проповеди был невероятный. Св. Бернар, основатель знаменитого монастыря в Клерво, в 1147 году с полным отчаянием описывал положение католической церкви в обширных владениях Тулузского графства: «Церкви без верных, верные без священников, священники без уважения, христиане без Христа. На церкви смотрят как на синагоги; не почитают более святилища Господа нашего и Владыки; таинства не считают святыми, праздники не празднуют,

люди умирают в грехах, и души их идут на Страшный суд, не очищенные покаянием, не укрепленные святым причастием. Малые дети Христа лишены жизни, так как им отказано в крещении. Голос одного еретика заглушает соединенные голоса апостолов и пророков, созвавших все народы в лоно церкви Христовой».

Прелаты юга Франции, не будучи в состоянии остановить распространение ереси, взывали о помощи. Св. Бернар был в это время болен; но опасность, угрожавшая церкви, пробудила его рвение, и он, не задумываясь, принял тяжелую миссию. Он вызвал Генриха на диспут, но еретик благоразумно уклонился — отчасти потому, что боялся своего красноречивого противника, отчасти потому, что не был уверен в своей безопасности. Но какова бы ни была истинная причина отказа, уклонение Генриха от вызова дискредитировало его в глазах многих дворян, дотоле ему покровительствовавших, и он был вынужден бежать. В следующем году его схватили и, скованного, привели к епископу. Как, где и когда он умер, нам не известно, но предполагают, что он кончил дни свои в темнице.

В разных странах существовали небольшие группы сектантов, примыкавших к учению Генриха. Под предводительством некоего Понса, который своей строгой жизнью привлек к себе много сторонников среди дворян, священников, монахов и монахинь, они потрясли Перигор. Кроме отрицания таинств, эти еретики, предворяя св. Франциска, проповедовали нищету как необходимое условие спасения и отказывались брать деньги.

Итальянский священник Арнольд Брешианский имел свой взгляд на крещение детей и таинство евхаристии. Но главная его вина в глазах церкви состояла в том, что он энергично бичевал пороки духовенства и возбуждал мирян отбирать у церкви присвоенные ею привилегии и богатства. Он учил, что церковь не должна иметь ни мирских имуществ, ни права суда; что она должна строго ограничиваться отправлением своих духовных обязанностей. Второй Латеранский собор 1139 года попытался подавить возбужденное Арнольдом брожение в городах Ломбардии и запретил ему проповедь, но Арнольд отказался подчиниться. Позже он явился в Рим и, по-видимому, примирился с папой Евгением III. Но в 1148 году они опять разошлись во взглядах, и Евгений III убедил императора Фридриха Барбароссу, что Арнольд — его враг.

Когда на папский престол вступил Адриан IV, он в 1154 году отлучил от церкви Рим до тех пор, пока римляне не изгонят Арнольда, и тот вынужден был удалиться в замок одного из своих друзей. В 1155 году в Рим вступил Фридрих Барбаросса. Покровителям Арнольда было предложено выдать его, и они исполнили это требование. Духовный суд обвинил Арнольда в ереси и передал его уже как еретика светской власти. Ему было обещано прощение, если он отречется от своих заблуждений, но он категорически отказался от этого. Тогда ему оказали особую милость: не возвели на костер, а повесили, а потом уже сожгли труп и пепел бросили в Тибр. Последователи Арнольда в течение столетий тайно сохраняли его учение и чтили его память.

Более серьезным и продолжительным по своим результатам было движение, которое в середине XII века основал Петр Вальдо, богатый лионский купец. Он принялся за изучение Священного Писания и пришел к убеждению, что церковь не сохранила чистоты, которая содержится в учении Иисуса Христа. Увлеченный евангельским идеалом, он распродал все свое движимое имущество, а деньги раздал бедным. К нему стекалось множество последователей, которые проповедовали в церквях, толковали Священное Писание на площадях и всюду находили слушателей — тем более внимательных, что духовенство давно уже забросило проповеди. Себя они называли «лионские нищие».

Начав учить народ слову Божию и толковать правила религии, призывая людей к покаянию и убеждая стремиться к вечному спасению, последователи Вальдо не щадили пороков и преступлений духовенства. Тем не менее с церковью они не порывали и в 1179 году были даже на Латеранском соборе, где предъявили свои толкования Священного Писания. Позднее они просили у Рима разрешения основать орден проповедников, но папа Луций III им в этой просьбе отказал, а вскоре предал их анафеме на Веронском соборе 1184 года.

Вальденсы полагали, что следует повиноваться только тем священникам, которые ведут праведную жизнь, и что только они имеют право отпускать грехи. Тогда как богослужение и требы, совершаемые недостойными священниками, не имеют никакого значения. Вальденсы

отрицали индульгенции. Они признавали три существенных требования нравственности: всякая ложь есть смертный грех; всякая клятва, даже и перед судом, запрещена; пролитие крови человеческой всегда недопустимо, даже на войне и по приговору суда. Вдохновенные миссионеры, они переходили из страны в страну, проповедуя свое учение и находя повсюду радушный прием, особенно среди низших классов. Число их быстро росло по всей Европе — во время Вальдо и в эпоху, следовавшую непосредственно за ним, на вальденских соборах в среднем собиралось до 700 человек.

В 1194 году Альфонс II Арагонский начал преследование вальденсов. Им было велено покинуть владения короля в кратчайшие сроки. Всякий, кто даст им приют, кто накормит их и будет слушать их проповедь, отныне мог быть обвинен в государственной измене и подвергнуться конфискации имущества. Первый встречный мог безнаказанно ограбить еретика, не выехавшего через три дня после назначенного срока; всякое насилие и беззаконие в отношении вальденсов, кроме увечья и убийства, рассматривались теперь как поступок в интересах короля. Сын Альфонса Петр II на национальном соборе в Жероне в 1197 году подтвердил указ своего отца. Если же какой-либо знатный сеньор отказывался изгнать вальденсов из пределов своих владений, то ему, согласно указу Петра, угрожал арест. Все чиновники обязаны были явиться к епископу или его наместнику и принести присягу в том, что будут строго исполнять этот указ. На вальденсов смотрели как на очень опасных врагов, которых следует преследовать без всякой жалости.

По мере дальнейшего развития эта секта пришла к отрицанию всех посредников, которых церковь ставила между Богом и человеком. Вальденская система церковной организации была очень проста и стремилась к тому, чтобы стать еще более простой. Мирянин мог исповедовать, крестить и проповедовать; в некоторых общинах в Великий четверг каждый глава семьи причащал своих домашних, освящая для этого хлеб и вино и сам раздавая их. Было, впрочем, и у вальденсов правильно организованное духовенство, члены которого, известные под именем «Совершенные», поучали верующих и обращали неверующих. Они отрекались от всякой собственности и расставались со своими женами; некоторые из них с юных лет сохраняли самое строгое целомудрие. Эти священники обходили область за областью, исповедуя своих приверженцев и привлекая новых последователей; жили они на добровольные подаяния.

Религиозное учение вальденсов было прежде всего нравственным. Один несчастный на суде инквизиции в Тулузе на вопрос, чему его учили наставники, ответил: «Никогда не делать и не говорить ничего дурного; не делать другому, чего не хочешь себе; не лгать и не клясться». Гонимая церковь почти всегда сохраняет свою чистоту, и люди, которые в течение долгих и мрачных веков вынуждены тайно и под вечным страхом костра распространять истинно евангельское, по их мнению, учение, не могли запятнать свою высокую миссию низкими пороками, в которых обвиняли их некоторые противники. И действительно, большинство преследователей вальденсов признавали, что их образ жизни достоин похвалы. Один инквизитор описывает вальденсов в следующих выражениях: «Эти еретики отличаются нравами и языком, ибо они скромны и воздержаны в речах. Они не проявляют суетности в одежде, которая всегда проста и чиста. Они никогда не пускаются в торговлю, боясь, что им придется обманывать и нарушать свое слово; они предпочитают жить личным трудом, как простые рабочие. Они не копят богатств, довольствуясь необходимым. Они умеренны и в пище и в питье. Они не посещают ни кабаков, ни балов, ни других каких-либо мест развлечения. Они умеют сдерживать свой гнев. Всегда найдете вы их за работой; а так как они то учат, то учатся, то у них остается мало времени на молитву. Их можно еще узнать по ясности и скромности их выражений; они избегают в разговоре шуток, пересудов, неприличных выражений, лжи и божбы. Они даже не говорят „истинно“ или „несомненно“, считая это равносильным клятве». Другой инквизитор открыто заявляет, что он не верит возводимым на вальденсов обвинениям в страшной распущенности, так как ему ни разу не удалось получить на этот счет ни одного свидетельства, достойного веры. Никаких фактов, порочащих вальденсов, не находим мы и в судебных процессах против них, пока инквизиторы Пьемонта и Прованса в XIV и XV веках не стали пытками вымучивать у своих несчастных жертв признания в чудовищных преступлениях.

В сущности, главным пороком вальденсов была их благоговейная любовь к Священному

Писанию. Пассауский инквизитор сообщает, что у них был полный перевод Библии на простонародный язык. Этот инквизитор лично видел одного крестьянина, который знал наизусть всю Книгу Иова. Многие из вальденсов знали наизусть Евангелие и, несмотря на всю свою простоту, были опасными противниками на диспутах. Мужчины и женщины, молодые и старые, все они без устали учили и учились, и каждый ученик через десять дней учения уже сам искал себе учеников.

Вальденсы умирали исключительно за свою любовь к Иисусу Христу. Как глубоко верили они в правоту своего учения, видно из того, что тысячи из них с радостью шли в тюрьму, на пытки и костер, упорно отказываясь вернуться в лоно церкви, которую они считали удалившейся от истины. В 1320 году одна женщина была приговорена к ужасному наказанию как еретичка за то только, что она, согласно воззрениям вальденсов, отказалась принять присягу; на все вопросы, касающиеся догматов веры, она отвечала как истинная католичка; но, когда ей предложили спокойную жизнь при условии, что она присягнет на Евангелии, она ответила отказом и взойшла на костер.

Глава III Катары

Отличительной чертой религиозных настроений XI–XII веков было то, что самая горячая ненависть к Риму основывалась на учении, которое не имело ничего общего с католичеством; это учение распространялось так быстро и сохранялось так упорно, несмотря на все принимаемые против него меры, что одно время оно угрожало даже самому существованию католицизма.

Речь идет о манихействе, которое возникло в первые века существования христианства. Название это учение получило по имени своего основателя Манеса, который так искусно соединил древнеперсидский дуализм (учение о борьбе добра и зла) не только с христианством, но и с гностицизмом и буддизмом, что нашел себе последователей как в высших, так и в низших классах, как среди образованных людей, так и среди простых тружеников. Манихеи и их преемники с VII века — павликиане отождествили добро с духом, а зло с материей. В учении павликиан мы находим два равносильных начала: Бог и Сатана, из которых первый был творцом мира невидимого, духовного и вечного, а второй — мира видимого, вещественного и тленного. Иегова Ветхого Завета — это Сатана, а пророки и патриархи — его темные слуги, и поэтому, по мнению павликиан, надо было отвергнуть все книги Ветхого Завета. Новый Завет является истинным Священным Писанием, но Христос не был человеком; это был призрак, фантом. Это только видимость, что он родился от Девы Марии, но в действительности сошел с неба, чтобы разрушить культ Сатаны. Таинства признавались павликианами не имеющими никакого значения, а священники и отцы церкви — простыми наставниками. Основы павликианства тождественны основным положениям учения катаров — дуалистов XI–XIII веков.

Катары отрицали весь церковный строй как нечто бесполезное; в их глазах римская церковь была местом обиталища Сатаны, спасение в которой немыслимо. Исходя из этого, они отрицали таинства, обеды, предстательство Девы Марии и святых, чистилище, мощи, иконы, кресты,

святую воду, индульгенции и вообще все то, что, по словам священников, обеспечивало вечное спасение, а кроме того, отвергали десятинный налог и приношения, которые делали для духовенства прибыльной заботой о спасении людских душ. Для отправления крайне простого богослужения у них было особое духовенство. Катары называли себя просто «христианами»; над паствой у них стояли избираемые из духовных наставников епископ, старший сын, младший сын и диакон; главной их обязанностью было посещать членов церкви и наставлять в вере.

Ритуал катаров был суровым в своей простоте. Католическая евхаристия была заменена у них благословением хлеба, происходившим ежедневно за столом. Ежемесячно происходила исповедь, на которой присутствовали все верующие общины. Торжественная церемония вступления в церковь катаров, при которой неопит давал обет вести чистую и безупречную жизнь, считалась символом отречения от Духа Зла и возвращения души к Богу. Если вступающий находился в браке, то требовалось обязательное согласие обоих супругов.

У катаров существовало стремление к аскетизму; это было неизбежным следствием дуализма, лежавшего в основе их учения. Так как все вещественное было создано Сатаной и являлось поэтому злом, катары в своих молитвах просили Бога не щадить их тела, рожденные в грехе, но быть милостивым к их душам, заключенным в телесной оболочке, как в тюрьме. Отсюда вытекало требование избегать всего, что вело за собой воспроизведение животной жизни. Чтобы подавлять плотские желания, катары три дня в неделю ели только хлеб и воду; в году у них было три поста по сорок дней каждый. Наиболее ревностные из них выступали за запрещение брака. Катары были убеждены, что занятия сексом помогают Сатане сохранять свою власть над людьми.

На суде Тулузской инквизиции в 1310 году об одном из наставников ереси было сказано, что он ни за какие блага мира не коснется женщины; при рассмотрении другого дела одна женщина показала, что ее отец, после того как над ним была совершена еретификация (так инквизиция называла посвящение в катары), запретил ей прикасаться к нему, и она не нарушала этого запрещения даже у его смертного одра. Аскетизм катаров доходил до полного запрета на употребление в пищу всего, что имеет животное происхождение, — мяса, яиц и молока; исключение делалось только для рыбы. Осуждение брака, запрещение мяса и отрицание клятвы были главными внешними признаками, на которых позже основывалась инквизиция при привлечении их к суду. В 1229 году два видных тосканских катара публично в присутствии папы Григория IX отреклись от своих заблуждений; через два дня они торжественно засвидетельствовали искренность своего обращения, вкусив мяса перед собранием епископов, что и отмечено в официальном протоколе.

Вскоре после основания инквизиции один из обвиняемых, защищаясь пред ее судом в Тулузе, сказал: «Я не еретик, так как имею жену, сплю с ней, имею детей, ем мясо, лгу, клянусь; таким образом, я верующий христианин». Катары, повешенные в Госларе в 1052 году, даже у виселицы отказались зарезать цыпленка; в XIII веке это испытание считалось верным средством узнать еретика. Вообще же инквизиторы не тратили времени на поиск свидетельств в подтверждение заведомо ложных преступлений «Если вы спросите еретиков, — пишет св. Бернар, — то окажется, что они самые лучшие христиане; в речах их вы не найдете ничего предосудительного, а дела их не расходятся со словами. Согласно своему нравственному учению, они никого не обманывают, никого не притесняют, никого не бьют; щеки их бледные от постоянных постов, они не сидят сложа руки и трудами снискивают себе хлеб». Действительно, катары в большинстве были трудолюбивыми работниками; во Франции они были известны как «ткачи», так как ересь особенно сильно распространилась среди представителей этого ремесленного цеха — монотонное занятие давало ткачам много свободного времени для размышлений.

Хотя масса катаров и была необразованна, их наставники являлись сведущими богословами, и у них была богатая народная литература, бесследно погибшая, за исключением перевода Нового Завета и краткого служебника. По всей вероятности, катары уже в 1178 году имели переводы Нового Завета на народные языки; под этим годом записан диспут в Тулузе кардинала-легата с двумя катарскими епископами, совершенно не знавшими латинского языка, но очень начитанными в Священном Писании. Формула исповеди, которую они приносили в своих

собраниях, показывает, насколько строго умели они подавлять суетность мысли и слова.

Не было ничего привлекательного в учении катаров для людей чувственных, скорее, оно должно было отталкивать их, и если катаризм смог распространиться с поразительной быстротой, то объяснение этому нужно искать в недовольстве, которое в народных массах вызывала церковь. Хотя аскетизм, возводимый катарами в закон, и был совершенно неприменим в действительной жизни огромной массы людей, но нравственная сторона этого учения была поистине удивительна, и в общем основные его положения соблюдались в жизни строго. Люди, оставшиеся верными церкви, с чувством стыда и сожаления сознавались, что в этом отношении еретики стояли много выше их. Но с другой стороны, осуждение брака, учение, что сношение между мужчиной и женщиной равносильно преступлению, и другие подобные преувеличения вызывали толки, что кровосмешение среди еретиков — обычное явление; рассказывались небывалые истории о ночных оргиях, на которых люди предавались свальному греху; а если после этого рождался ребенок, то его будто бы держали над огнем, пока он не испускал дух, а потом из его тела делали адские дары, обладавшие такой силой, что всякий, вкусивший их, не мог более выйти из секты.

До нас дошло много подобных рассказов, которые пускались в обращение с очевидной целью возбудить против еретиков народную ненависть; но не надо забывать, что инквизиторы, то есть люди, знавшие лучше всех правду о еретиках, всегда утверждали, что все рассказы о тайном разврате катаров — пустая выдумка. Во многих сотнях судебных отчетов и приговоров нет даже намека на это — кроме нескольких следственных дел, которые вел в 1387 году инквизитор фра Антонио Секко в альпийских долинах.

Но особенно страшна была для церкви способность катаров к соращению других в свою ересь. Миссионеры катаров по всей Европе призывали к покаянию и обращению: их можно было встретить даже у подножий костров, на которых сжигались их братья. Часто они выдавали себя за католиков и образцово соблюдали все церковные обряды, пока, заручившись доверием соседей, не начинали тайно трудиться над их обращением. Они раздавали свои листки, в которых сулили прощение грехов тем, кто будет читать их и распространять. Много католических священников перешли в ересь благодаря чтению этих листков. Занятый прием был пущен в ход катарами во Франции: они сделали образ Божьей Матери и нарисовали ее кривой и безобразной, говоря, что Иисус Христос, чтобы показать свое смирение, нарочно избрал Себе в матери такую безобразную женщину; затем они стали творить этим образом чудеса исцеления, притворяясь для этого больными; образ этот быстро прославился настолько, что многочисленные копии с него помещались повсюду в церквях и часовнях, пока еретики не открыли своего обмана. Нечто подобное проделали они и с распятием, у которого не доставало верхней перекладины и на котором ноги Спасителя были сложены крестом и прибиты тремя гвоздями. Этот новый тип распятия вызвал много подражаний, пока, к великому смущению многих, не открылось, что он был сделан катарами в насмешку.

Мы с трудом можем представить себе, что, собственно, в учении катаров порождало энтузиазм и ревностное искание мученической смерти; но никакое другое вероучение не может дать нам такого длинного списка людей, которые предпочитали бы ужасную смерть на костре вероотступничеству. Если бы было верно, что из крови мучеников рождаются семена церкви, то катаризм был бы в настоящее время господствующей религией Европы. Во время первых гонений, о которых сохранились известия, в 1017 году в Орлеане, тринадцать катаров из пятнадцати остались непоколебимы перед пылающими кострами. Когда в 1040 году были выявлены катары в Монфорте и миланский архиепископ призвал к себе их главу Джерардо, то последний не замедлил явиться и добровольно изложил свое учение, счастливый, что ему представился случай запечатлеть свою веру ценой жизни. Глубокое впечатление на всех тем радостным мужеством, с которым они встретили ужасную смерть, произвели катары, сожженные в Кельне в 1163 году. Когда они были уже в предсмертной агонии, то их глава Арнольд, по словам очевидцев уже наполовину обгоревший, освободил руку и, протянув ее к своим ученикам, сказал: «Будьте тверды в вере вашей. Сегодня будете вы со святым Лаврентием». Во время крестового похода против альбигойцев крестоносцы, взяв один замок, предложили пленным на выбор отречение или костер; нашлось сто восемьдесят человек, которые предпочли

смерть. Один хорошо осведомленный инквизитор говорит, что катары, если даже они не отдавались добровольно в руки инквизиции, всегда были готовы умереть за свою веру в противоположность вальденсам, которые ради сохранения жизни не останавливались перед притворным отречением от ереси. Католические писатели изо всех сил стараются уверить нас, что непоколебимая твердость в убеждениях у этих несчастных не имела ничего общего с твердостью христианских мучеников, но была просто ожесточением сердца, внушенным Сатаной.

Вполне естественно, что катаров обвиняли в поклонении дьяволу. Люди, сроднившиеся с повседневной церковной практикой, с покупкой всего просимого и желаемого ценой молитвы, вкладов и добрых дел, конечно, думали, что катары, признававшие Сатану творцом всего вещественного, призывали его, дабы испросить себе земных благ. Но мы не находим ни одного свидетельства, чтобы катары когда-либо поколебались в своей вере в Иисуса Христа или стремились к какому-либо иному благу, кроме единения с Богом.

Почва для восприятия учения катаров была, по всей вероятности, подготовлена павликианством. Около 970 года византийский император Иоанн Цимисхий переселил павликиан во Фракию, откуда они очень быстро распространились по всему Балканскому полуострову. В Далмации павликиане основали приморский город Дугунтию, который стал местопребыванием одного из главных их епископов. В эпоху Иннокентия III число павликиан на полуострове было огромно, они обращали местных жителей целыми толпами и причиняли папе немало хлопот. Даже тогда, когда катары стали очень многочисленны в Западной Европе, они не забывали, что главная их опора находится на правом берегу Адриатики, и обращались к балканским епископам за разрешением возникавших между ними богословских недоразумений и споров.

Вскоре после водворения павликиан в Болгарии влияние их миссионеров сказалось и на Западе. Правда, от этой эпохи до нас дошло мало документальных известий, и нам часто приходится довольствоваться случайными указаниями, но если мы видим, что Герберт д'Аурильяк, избранный в 991 году архиепископом Реймским, счел необходимым в своем исповедании веры заявить, что Сатана творит зло по своей доброй воле, что Ветхий и Новый Заветы имеют равное значение, что брак и употребление мяса в пищу разрешены, то мы вправе заключить из этого, что павликианское учение проникло уже до Шампани, где ему пытались противостоять. К этому же времени относится рассказ о равенском грамматике Вильгарде, который по внушению злых духов, являвшихся ему в образах Вергилия, Горация и Ювенала, составил из латинских поэтов непогрешимое руководство к жизни и распространял учение, во многом несогласное с верой. По всей вероятности, его учение в основе своей было катарское. Вильгард имел многочисленных учеников по всем городам Италии, которые были частью сожжены, частью перебиты. Эта же ересь распространилась в Сардинии и Испании, где ее подавили с невероятной жестокостью.

Немного позднее катары появляются в Аквитании, и оттуда их учение распространилось по всему югу Франции. В 1017 году эту ересь обнаружили даже в Орлеане при обстоятельствах, обративших на себя всеобщее внимание, — ее распространяли видные лица из числа местного духовенства. Узнав об этом, король Роберт Благочестивый немедленно поспешил в Орлеан. Призванные на допрос еретики заявили, что они скорее умрут, чем отрекутся от катаризма. Тогда их вывели за городские стены и там, перед пылающим костром, еще раз предложили отречься от своих заблуждений; они предпочли смерть, и их мученический конец поразил всех присутствовавших. В 1205 году новый очаг ереси был открыт в Люттихе, но эти еретики проявили меньшую твердость и получили прощение, после того как отреклись от своих заблуждений.

Примерно в это же время появились еретики в Ломбардии, в замке Монфорте, близ Асти; причем среди них оказалась и графиня Монфорте. Около 1040 года архиепископ Миланский Эриберто, объезжая свою епархию, посетил Асти, и еретики явились к нему без всякого колебания по первому зову. Возбужденная чернь, вопреки воле епископа, предложила им выбор между крестом и костром. Немногие сдались, большинство же, закрыв лицо руками, сами бросились в пламя. В 1045 году еретики появились в Шалоне; епископ Рожер обратился к люттихскому епископу Вазо за советом, что ему делать с ними и не следует ли ему обратиться к светской власти, чтобы погасить ересь в зародыше, пока она не охватила всего населения. Вазо

уже слышал, будто еретики выделяются бледным цветом лица и что духовные судьи, воображая, что всякий бледный должен быть еретиком, отправили на тот свет огромное число добрых, но бледных католиков. Это заставило его быть осмотрительным в своем ответе: «Те, кого мы считаем врагами Бога, могут быть помещены Им на небе выше нас».

Уже в 1052 году ересь появляется в Германии, где благочестивый император Генрих Черный перевешал много еретиков в Госларе. В XII столетии ересь стала распространяться по северу Франции. Покровителем еретиков считался граф Иоанн Суассонский, но, несмотря на это, суассонский епископ Лизиард захватил нескольких из них и первый применил к ним, в целях обнаружения их виновности, суд Божий, что стало впоследствии правилом. Один из осужденных, брошенный в воду, над которой было произнесено заклинание, всплыл на поверхность; сильно смущенный этим, епископ заключил всех еретиков в тюрьму, а сам отправился на собор в Бовэ (1114 год), чтобы посоветоваться с другими епископами. Но чернь не разделила сомнений епископа: боясь, что добыча ускользнет из ее рук, она ворвалась в тюрьму и сожгла всех еретиков, не дожидаясь решения собора; составитель хроники с похвалой отзываясь об этом проявлении благочестивой ревности.

В это же время новый очаг катаризма был открыт во Фландрии. Здешний ересиарх открыто исповедовал свои убеждения; его заперли в хижину, которую подожгли со всех сторон, и он умер, славословя Бога. У него было много сторонников, особенно среди ткачей. По мере удаления от XI века случаи обнаружения ереси становились более частыми. В 1144 году ее выявили в Люттихе, в 1153 году — в Артуа, в 1157 году — в Реймсе, в 1163 году — в Везеле.

В 1170 году катары объявляются в Безансоне, а в 1180 году их снова обнаруживают в Реймсе. Последний случай представляет невероятные подробности, сохраненные нам неким Жерве де Тильбюри. Однажды после полудня он ехал верхом в свите своего архиепископа Гильома, как вдруг его внимание привлекла красивая девушка, работавшая одна в винограднике; недолго думая, он обратился к ней с любезными предложениями, но она отвергла их, говоря, что, если послушается его, будет бесповоротно осуждена. Такая строгая добродетель была очевидным признаком ереси, и архиепископ тут же приказал отвести девушку в тюрьму, по подозрению в катаризме. Обвиняемая была допрошена архиепископом и назвала имя женщины, наставившей ее; последняя была немедленно схвачена и на допросе проявила такое знакомство со Священным Писанием, что ни у кого не осталось сомнения, что ее учил ответам сам Сатана. Сбитые с толку богословы отложили дело до другого дня; обе обвиняемые решительно отказались уступить, несмотря ни на угрозы, ни на обещания, и их единогласно присудили к сожжению. Тогда старшая из женщин вынула из-под платья клубок ниток и, держа нитку за конец, бросила его за окно, громко при этом закричав: «Возьми его!» Клубок взвился на воздух; женщина вылетела за ним из окна и пропала... Молодая девушка осталась и безропотно приняла смерть на костре.

Население германских стран стояло сравнительно в стороне от религиозного движения, хотя близкое соседство рейнских провинций и Франции вызывало отдельные случаи проявления ереси. От 1100 года до нас дошло известие о нескольких еретиках в Трире, которые, по-видимому, остались безнаказанными, хотя двое из них были священниками; в 1200 году в том же городе было снова обнаружено восемь человек еретиков, некоторые из них были преданы суду, но, пока тянулось дело, чернь захватила пленников в свои руки и тут же сожгла их. По-видимому, в Кельне в эту эпоху уже существовала правильно организованная катарская церковь, так как один из сожженных называется епископом. В 1163 году в Кельне выявили восемь мужчин и трех женщин, пришедших сюда из Фландрии, где в то время свирепствовали гонения; они радостно пошли на костер.

В 1166 году в Англии обнаружили тридцать еретиков, мужчин и женщин, по-видимому фламандцев, которые перебрались за море и выступили там с проповедью своего учения. Им удалось соблазнить только одну женщину, да и та отреклась на суде от своих заблуждений; сами же они остались непреклонны. Король Генрих II, желавший подчеркнуть свою верность церкви, собрал под своим председательством собор епископов в Оксфорде, чтобы выяснить вопрос о религиозных воззрениях этих лиц. Еретики были присуждены к наказанию кнутом, заклеены знаком ключа на лице и в суровую зиму высланы в сельскую местность, где погибли все до

единого, так как никто не хотел дать им приюта. Англия оказалась страной, негостеприимной для ереси. После этого случая только в конце столетия было обнаружено несколько еретиков в Йорке, а в начале XIII века раскрыли общину еретиков в Лондоне, и одного из них сожгли на костре.

Сильно была заражена ересью Италия; центром ереси считался Милан; отсюда выходили миссионеры, сюда приходили учиться пилигримы из западных стран; здесь же, наконец, впервые появилось несчастное название «патарены», под которым вскоре катары стали известны у всех народов Европы. В романских наречиях «pates» значит «старое белье»; тряпичники назывались в Ломбардии «патары»; квартал в Милане, населенный ими, назывался Патария. Впрочем, в официальном языке инквизиции XIII века для обозначения еретиков всегда использовалось слово «катар».

В 1198 году на папский престол вступил Иннокентий III, и борьба против ереси тотчас усилилась. В марте 1199 года жители Витербо изгнали своего епископа и поставили во главе города человека, отлученного от церкви. Негодование папы не знало границ. «Если бы, — писал он к жителям Витербо, — стихии сговорились уничтожить вас всех, без различия пола и возраста, предав вашу память на вечный позор, то и это наказание было бы для вас еще мало». Он велел водворить обратно изгнанного епископа и строго соблюдать законы против ереси; если же в течение пятнадцати дней старый порядок не будет восстановлен, то, потребовал папа, жители соседних городов и замков должны поднять оружие и поступить с Витербо как с мятежным городом. Однако Витербо проявил упорство, и только в июне 1207 года, когда Иннокентий сам прибыл в город, он был очищен от патаренов, все их дома разрушены и имущество конфисковано. Более или менее суровые меры, принятые в Милане, Ферраре, Вероне, Римини, Флоренции, Прато, Пьяченце, Фаэнце и Тревизо, показывают, как широко распространилась ересь в Италии.

Но особенно острое противостояние развернулось на юге Франции. Здесь на протяжении нескольких десятков лет соборы один за другим призывали на головы еретиков всевозможные кары, но словами все и ограничивалось: у церкви не было средств вести борьбу со столь сильным врагом. Катары даже созвали собор в Сен-Феликс-де-Карамане, близ Тулузы. Председательствовать на соборе прибыл из Константинополя епископ Никита, высшее духовное лицо катаров; приехали также делегаты из Ломбардии. На этом соборе были избраны епископы на вакантные кафедры Тулузы, Валь-д'Арана, Каркассона, Альби и территории Франции к северу от Луары, а также комиссары для разграничения Тулузской и Каркассонской епархий. Одним словом, дело велось так, как будто это был собор независимой и признанной церкви, предназначенной заменить собой старую римскую церковь.

В 1177 папа Александр III потребовал от Раймунда Тулузского, пользовавшегося властью независимого государя, остановить распространение ереси. Катары составляли большинство жителей Тулузского графства, и многие здешние рыцари и сеньоры тайно или явно покровительствовали ереси. Но Раймунд был настолько благоразумен, что не пожелал истощать силы в борьбе со своими же подданными; при этом, решившись сохранить, по крайней мере, внешние приличия, он обратился к Людовику VII и Генриху Клервоскому, настоятелю ордена цистерцианцев. В самых мрачных красках Раймунд описал положение вещей в своих владениях: духовенство развращено, церкви пусты или, того хуже, лежат в развалинах, таинства в презрении и т. д.

Людовик VII обещал ему поддержку, а затем в дело ввязался и английский король Генрих II, бывший одновременно герцогом Аквитании — территории на юго-западе Франции. Короли послали к Раймунду посольство, в состав которого вошли кардинал-легат, архиепископы Нарбонны и Буржа, Генрих Клервоский и другие прелаты. Посланцам королей были розданы длинные списки еретиков; первой жертвой преследования наметили богача Петра Морана, который пользовался огромным уважением среди еретиков. Чтобы спасти свое состояние от конфискации, Моран отрекся от ереси и добровольно принял унижительное наказание: раздетого до пояса и жестоко бичуемого с двух сторон — епископом Тулузским и аббатом из Сен-Сернена, — его провели на глазах несметной толпы к алтарю собора Св. Стефана, где объявили, что он должен отправиться на три года в Святую землю, а до отъезда ежедневно подвергаться

публичному бичеванию на улицах Тулузы.

Это произвело впечатление на катаров, и множество людей вернулось в лоно католической церкви, но искренности в этом не было ни на грош. Когда же легат попытался уничтожить двух ересиархов, катарских епископов Валь-д'Арана и Тулузы, то ничего у него не вышло. Епископы согласились явиться к нему, но им пришлось выдать охранные грамоты, и все их наказание свелось к отлучению от церкви. В конце концов посольство королей вернулось восвояси, не достигнув, по свидетельству хроник, желаемых результатов; правда, по требованию приезжих прелатов Раймунд Тулузский издал указ об изгнании еретиков, но никто не думал его выполнять.

В сентябре 1178 года Александр III созвал Третий Латеранский собор; в приглашении говорилось о плевелах, которые заглушают пшеницу и должны быть вырваны с корнем. Собор объявил крестовый поход против всех врагов церкви; это был первый случай применения столь грозного оружия против христиан. Всем, кто поднимет оружие на защиту святого дела, было обещано прощение любых грехов на два года вперед, а тем, кто падет в борьбе за ее интересы, церковь обещала вечное спасение. Понятно, что подобные обещания привлекли под знамена церковной рати массу воинов, на душе которых лежали всевозможные преступления.

Возглавить крестовый поход в качестве папского легата было поручено Генриху Клервоскому. Со значительными силами он вторгся в 1181 году во владения виконта Безье и осадил крепость Лавор, где со многими видными катарами укрылась дочь Раймунда Тулузского, виконтесса Аделаида. Лавор был взят. Виконт Роже де Безье покорился и клятвенно обещал не поддерживать больше еретиков, а захваченные в крепости катарские епископы Раймунд де Бэмиак и Бернар Раймунд отреклись от ереси. Но стоило распустить крестоносное войско, как выяснилось, что происшедшее нельзя считать за большую победу. Число еретиков в землях, опустошенных крестоносцами, только возросло.

После этого в течение четверти столетия катарская ересь сравнительно свободно распространялась в Гаскони, Лангедоке и Провансе. Быть может, взятие Иерусалима неверными в 1186 году направило на Палестину сохранившийся религиозный жар, не оставив ничего на поддержание веры в самой Европе. Фактически на ересь не было предпринято ни одного серьезного наступления.

Во время затишья еретики проповедовали и обращали в ересь открыто, без всякой помехи. Они были полновластными хозяевами в округах Альби, Каркассона и Лорагэ (в Лангедоке), вся область между Бордо и Безье была заражена ересью. Еретиков было много в Анжу, Аквитании и Бургундии. Один немецкий инквизитор утверждает, что в Ломбардии, Провансе и в других странах было больше еретических богословских школ, чем истинно католических, что еретики вели публичные диспуты, на которые народ стекался толпами, что они проповедовали на площадях и в домах и что никто не пытался остановить их. У еретиков были правильно организованные епархии; у них существовали не только мужские школы, но и женские, и однажды в одном женском монастыре все монахини перешли в катаризм, не бросив монастыря и не переменяв своей одежды.

Вряд ли когда переживала церковь столь опасное положение, как то, в котором она оказалась, когда надел папскую тиару тридцативосьмилетний Лотарио Конти, более известный как Иннокентий III. В своей вступительной речи он заявил, что его главной заботой будет уничтожение ереси, и, несмотря на бесконечные столкновения с императорами и королями, которые отвлекали его от выполнения этой задачи, он до самой смерти оставался верен своему слову.

Глава IV

Крестовые походы против альбигойцев

В своей речи при открытии Большого Латеранского собора Иннокентий III не задумался бросить упрек в лицо собравшимся священникам. «В падении нравственности народа, — сказал он, — прежде всего виновато духовенство. От него все зло в христианском мире; вера гаснет, религия падает, свобода закована в цепи, правосудие поперано ногами, еретики множатся, схизматики поднимают голову, неверные усиливаются, сарадины побеждают».

Мы уже видели, с какой решительностью приступил Иннокентий к подавлению ереси в Италии; не меньшую энергию проявил он и по другую сторону Альп. В 1201 году на костер взошел рыцарь Эверар де Шатонейф, управляющий владениями графа Гервея Неверского. Что любопытно, ему отсрочили казнь, чтобы он мог дать отчет графу по управлению владениями. Племянник казненного рыцаря Тьерри, такой же закоренелый еретик, бежал в Тулузу, где через пять лет сделался альбигойским епископом, к великой радости местных катаров, залучивших в свои ряды французского вельможу. В Труа были в 1200 году сожжены восемь катаров, в том числе три женщины; в 1204 году было сожжено несколько еретиков в Брэне, в их числе был лучший французский художник той эпохи — Николя.

Но более всего, что вполне понятно, беспокоило Римскую курию укоренение ереси на юге Франции. В 1195 году Раймунд VI Тулузский, 38 лет от роду, наследовал своему отцу; это был самый могущественный вассал короля Франции, среди его собственных вассалов было четырнадцать графов. Раймунд VI находился в близком родстве с королевскими домами Кастилии, Арагона, Наварры, Франции и Англии. Могущественный граф сам не был еретиком, но безразлично относился к тому, что одни его бароны придерживались ереси, а другие снисходительно к ней относились. Один летописец того времени передает, что во владениях Раймунда на несколько тысяч еретиков приходилось только несколько католиков. В 1195 году собор в Монпелье предал анафеме тех владетелей, которые не будут преследовать еретиков. Раймунд не пожелал восстанавливать против себя своих подданных и сделал вид, будто решения собора его не касаются.

Это не могло, понятно, не вызвать негодования Иннокентия III. Сначала он послал во Францию двух доверенных людей, Ренье и Ги, с грамотами к прелатам, князьям, сеньорам и всему народу. Адресатам предлагалось немедленно принять все возможные меры, направленные к тому, чтобы отвратить от церкви опасность, которой ей угрожал рост числа катаров и вальденсов. Еретиков, которые не захотят вернуться в лоно церкви, следовало изгонять и лишать всего имущества; все же, кто будет иметь какие-либо сношения с еретиками, должны были наказываться как погрязшие в ереси. В июле 1199 года власть Ренье была еще более расширена, так как ему было дано звание папского легата и, следовательно, все должны были повиноваться ему и оказывать почтение как самому папе. Летом 1202 года Ренье захворал, и его заменили два цистерцианских монаха из Фонфруа — Петр де Кастельно и Рауль. Угрозами они принудили магистрат Тулузы отречься от ереси и изгнать еретиков.

Но искоренить ересь оказалось не так-то просто. Почти в то же время Эсклармонда, сестра могущественного графа де Фуа, вместе с пятью другими знатными дамами присоединилась к

ереси на публичном собрании катаров, где присутствовало много знати и рыцарей. Было замечено, что только один человек из знати не приветствовал катарских священнослужителей. После этого, по словам Иннокентия, только новый потоп мог очистить Францию.

Решившись испробовать крайнее средство, папа назначил легатом «аббата аббатов» Арнольда Ситосского, главу цистерцианского ордена, человека настойчивого, энергичного, непреклонного поборника католицизма. В конце мая 1204 года Иннокентий предоставил чрезвычайные полномочия комиссии, составленной из Арнольда и монахов Фонфруа. Легатам было дано полномочие «разрушать повсюду, где были еретики, все, подлежащее разрушению, и насаждать все, подлежащее насаждению». Прелатам зараженных ересью провинций повелевалось во всем повиноваться легатам. Таким образом, самостоятельность местных церквей была уничтожена одним росчерком пера: Рим объявил свою диктатуру.

Согласно инструкциям, данным легатам, всякий нераскаявшийся еретик должен быть передан в руки светской власти; затем его следовало осудить на смерть, а имущество конфисковать. Сверх того легаты должны были предложить французскому королю Филиппу-Августу и его сыну, Людовику Львиное Сердце, если они будут помогать в подавлении ереси, полное отпущение грехов, как будто они совершили крестовый поход в Святую землю; то же обещали всем сеньорам. Но Филипп-Август не соблазнился обещанием земных и небесных благ, которыми его старались прельстить. Он уже имел отпущение грехов за крестовый поход и, по всей вероятности, находил, что оно не стоило принесенных им жертв; к тому же недавние приобретения в Нормандии, Анжу, Пуату и Аквитании, сделанные на счет Иоанна Английского, поглощали все его внимание. Он вполне мог бы потерять эти земли, если бы в погоне за новыми завоеваниями создал себе новых врагов. Поэтому на призыв папы Филипп-Август не отозвался.

Второе обращение к Филиппу-Августу в феврале 1205 года также осталось без всякого результата. Тогда в июне следующего года Иннокентий обратился к Петру II Арагонскому и обещал ему все земли, которые тот отберет у еретиков; через год папа предложил ему и все их имущество. Единственным следствием этих переговоров стало то, что Петр захватил замок Эскюр, принадлежавший папе, но занятый катарами. Правда, положение дел в Тулузе внешне изменилось, и даже были вырыты и сожжены кости нескольких людей, уличенных в ереси. Но эта пустая победа была тотчас же сведена на нет муниципалитетом, издавшим закон, воспрещающий возбуждать преследования против мертвых, которые не были обвинены еще при жизни, если только они не приняли посвящения в ересь на смертном одре.

Однажды во время диспута, где катары, по обыкновению, одержали победу, епископ Тулузский Фульк спросил у Понса Родельского, рыцаря, известного своей мудростью и преданностью церкви, почему не изгоняет он из своих владений тех, кто явно исповедует ересь? «Как же мы можем это сделать? — возразил рыцарь. — Ведь мы учились с ними, ведь у нас есть среди них родные, и, наконец, мы все видим чистоту их жизни». Рвение богословов было бессильно обратить в ненависть эти добрые чувства.

Тем временем Петр де Кастельно отправился в Прованс в надежде подвигнуть местных дворян на борьбу против еретиков. Но Раймунд VI Тулузский отказался ему повиноваться, и бесстрашный монах отлучил его от церкви, обвинив в тайной принадлежности к ереси. 29 мая 1207 года особой грамотой Иннокентий подтвердил решение легата. В грамоте говорилось, что отлучение от церкви не будет снято до тех пор, пока Раймунд не удовлетворит всех требований церкви; если же он будет медлить, то лишится областей, полученных от церкви, а если и это не возымеет на него действия, то папа призовет всех христианских князей разделить между собой его владения, чтобы можно было навсегда очистить их от ереси.

Некоторое время папа ждал результатов своих угроз, а затем отступил, сохранив хорошую мину при плохой игре: отлучение с Раймунда было снято, поскольку тот якобы выполнил предъявленные требования. Но сдаваться папа не собирался: почти одновременно с этим, 17 ноября 1207 года, он разослал грамоты ко всем могущественным сеньорам Франции с призывом выступить против ереси. Всем, кто откликнется на это воззвание, было обещано такое же отпущение грехов, как и крестоносцам, шедшим на освобождение Гроба Господня. Церковь брала под свое покровительство земли тех, кто поднимет оружие на ее защиту, и уже заранее отдавала им земли еретиков. Всем заимодавцам новых крестоносцев предписывалось отложить взыскания

по их долговым обязательствам без права требовать за это время проценты, а духовным лицам, взявшим в руки оружие, разрешалось заложить свои доходы за два года вперед. Однако король Филипп-Август и на этот раз предпочел уклониться от участия в крестовом походе против собственных подданных, сухо ответив, что напряженные отношения с Англией не позволяют ему раздроблять силы.

Таково было положение вещей, когда неожиданный случай разом все изменил. 16 января 1208 года был убит легат Петр де Кастельно. Рассказы об этом трагическом происшествии настолько противоречивы, что в настоящее время невозможно восстановить подробности. Мы знаем, что Петр резко задевал за живое Раймунда в своих речах; знаем далее, что граф, опасавшийся грозящего ему крестового похода, пригласил легатов на свидание в Сен-Жиль, заранее обещая церкви сыновнюю покорность; наконец, мы знаем, что во время совещания возникли споры, так как Раймунд не нашел возможным выполнить все требования легатов. По провансальской версии, убийство Петра произошло следующим образом: он вступил в жаркий спор по вопросам религии с одним из придворных, который в пылу спора заколол его кинжалом. Раймунд был очень огорчен этим грустным происшествием, и убийцу хотели немедленно судить, но он бежал и скрылся у одного из своих друзей в Бокере. В совершенно ином виде представлено дело в донесении, посланном тогда же в Рим епископами Консеранса и Тулузы, которые желали возбудить гнев Иннокентия против Раймунда. Там говорится, что после долгих и бесплодных рассуждений легаты заявили о своем желании уехать; тогда граф начал грозить им смертью, добавив, что он будет преследовать их на суше и на воде. Аббат Сен-Жиля и горожане, не будучи в состоянии укротить гнев графа, дали легатам конвой, и им удалось благополучно достигнуть берега Роны, где они и расположились на ночь. На другой день, 16 января 1208 года, утром, когда легаты собирались переправиться через реку, к ним подошли два иностранца, один из которых пронзил Петра копьем; повернувшись лицом к убийце, Петр воскликнул: «Да простит тебя Бог, как я прощаю тебя!»

Весьма возможно, что гордый граф, раздраженный постоянными упреками и бесконечными угрозами, сказал в минуту гнева что-нибудь лишнее, что и было поспешно исполнено не в меру ревностным слугой; во всяком случае, Раймунду так и не удалось смыть с себя подозрения в участии в этом убийстве. Но с другой стороны, немало есть указаний на то, что сам Иннокентий никогда не верил в виновность графа, хотя и воспользовался происшедшим в интересах церкви. 10 марта он разослал ко всем прелатам зараженных ересью провинций послания, в которых предписывалось предавать анафеме убийц Петра и их покровителей. Все вассалы Раймунда были освобождены от присяги, и всякому желающему католику разрешалось свободно устраиваться в его владениях. Раймунду же для доказательства своей лояльности предлагалось уничтожить всех еретиков в своих владениях. Были посланы особые комиссары для переговоров о заключении перемирия на два года между Францией и Англией, дабы французский король мог без опасений, что Англия ударит с тыла, принять участие в крестовом походе. Одним словом, не было упущено ничего, лишь бы превратить в кроважадное рвение то ужасное впечатление, которое действительно произвело на всех убийство легата.

Арнольд Ситосский поспешил созвать капитул своего ордена; на этом собрании было единогласно постановлено проповедовать крестовый поход. И вскоре множество монахов стали трудиться над тем, чтобы зажечь народные страсти, обещая по всем церквам и площадям Европы вечное спасение будущим крестоносцам.

Чтобы понять, с какой силой разгорался в Средние века религиозный гнев, мы должны помнить, как легко народы той эпохи поддавались впечатлению минуты и доходили до исступления, о котором у нас сохранилось лишь одно воспоминание. В то время как проповедовался этот крестовый поход, многие города и посады Германии наводнились женщинами, которые, не имея возможности удовлетворить свое религиозное рвение вступлением в ряды крестоносцев, в экстазе сбрасывали одежды и голые бегали по улицам и дорогам. Еще более ярким признаком умоисступления той эпохи является крестовый поход детей, которые тысячами бросали свои дома. По всей стране можно было видеть толпы юных католиков, направлявшихся в Святую землю без всякого предводителя или проводника; на вопрос, что они хотят делать, они отвечали просто, что идут в Иерусалим. Тщетно родители запирали их на

замок; они убегали и пропадали. Немногие из них вернулись домой, и вернувшиеся не могли ничем объяснить охватившее их исступление.

Не нужно также упускать из виду других, менее возвышенных причин. Под знамена крестоносцев становилось немало людей, которые искали случая пограбить да погулять, снискать себе неприкосновенность или не платить долги. Один негодяй, например, вступил в ряды крестоносцев, чтобы не платить долга, сделанного им на ярмарке в Лилле. В самый последний момент он был задержан и выдан своему кредитору, но архиепископ Реймса усмотрел в этом нарушение обещанной папой неприкосновенности, отлучил от церкви графиню Матильду Фландрскую и наложил интердикт, то есть запрет совершать все церковные действия, на всю страну, чтобы добиться освобождения неисправного плательщика. Граф Овернский Ги совершил непростительное преступление, заключив в тюрьму своего брата епископа Клермонского, и был за это отлучен от церкви, но получил полное отпущение грехов, лишь только выразил желание присоединиться к крестоносцам. Понятно и без дальнейших пояснений, каков был состав армии, набранной подобным путем.

Были еще и другие мотивы, сделавшие крестовый поход популярным. Между Северной и Южной Францией существовала старинная вражда. Более чем сомнительно, чтобы Филипп-Август открыто распял ее, но он предоставил своим баронам полную свободу действий, а сам воспользовался обстоятельствами, чтобы соблюсти собственный интерес и получить разрешение на развод с женой. Он отказался от личного участия в походе, но в то же время заявил папе, что никто не имеет права конфисковать владения Раймунда раньше, чем тот будет обвинен в ереси. Если же он будет обвинен, то назначить наказание будет делом сюзерена, а не Святого престола.

Раймунд попытался предотвратить опасность. Сознывая всю серьезность положения, он поспешно отправился к Филиппу-Августу, который посоветовал ему покориться и просить о присылке новых легатов. Иннокентий потребовал, чтобы Раймунд в доказательство своего чистосердечного раскаяния передал в распоряжение церкви семь своих наиболее важных замков. Раймунд принял эти условия и оказал самый лучший прием новым представителям церкви Мило и Феодосию; последние, в свою очередь, проявили в отношении его самое дружеское расположение. Раймунд не знал, что легаты получили от папы тайные инструкции прельщать его радужными обещаниями, чтобы оторвать от еретиков, а затем, когда крестоносцы одержат верх над катарами, поступить с ним по своему усмотрению.

Таким образом, Раймунд заключил с церковью весьма унижительный договор. 18 июня 1209 года он предстал перед легатом Мило и двенадцатью архиепископами раздетый до пояса, как кающийся грешник, и у мощей св. Эгидия поклялся во всем повиноваться церкви; во время шествия его били прутьями по спине и плечам. Пред алтарем ему было дано прощение. Раймунда заставили спуститься в склеп, где покоилось тело Петра де Кастельно, и с окровавленной спиной обвели вокруг гробницы. Но ценой этого унижения Раймунд получил только разрешение принять участие в крестовом походе и присутствовать при покорении своей страны. Через четыре дня после отпущения грехов он торжественно получил из рук легата Мило крест и дал следующую клятву: «Во имя Всемогущего Бога! Я, Раймунд, герцог Нарбоннский, граф Тулузский и маркиз Прованский, клянусь пред святым Евангелием, что, когда придут в мои владения вожди крестоносцев, я буду во всем послушен им; не только в том, что касается их личной безопасности, но и во всем, что прикажут они в разумении своего блага и нужд их армий». В июле 1209 года двуличный Иннокентий поздравил Раймунда с изъявлением покорности и пообещал за это ему небесные и земные блага, но его посланец, привезший эту грамоту, доставил и письмо, адресованное Мило, в котором папа призывал легата не ослаблять давления на Раймунда. «Что касается графа Тулузского, — писал легат в ответном послании, — то это враг всякой правды и справедливости... Не внимайте его речам, ловким только в злословии, но сделайте так, чтобы он, как он этого заслуживает, с каждым днем все сильнее чувствовал на себе тяжелую руку церкви». И этого человека Раймунд считал своим преданным другом и покровителем!

Вскоре Мило в тайном донесении папе обвинил Раймунда в клятвopреступлении и нарушении обетов. Разрешение от грехов после этого было взято обратно, и графа вновь отлучили от церкви, а на его владения наложили интердикт под тем предлогом, что он в течение

шестидесяти дней, когда принимал участие в крестовом походе, не изгнал всех еретиков. Особой анафеме подверглась Тулуза за то, что не выдала крестоносцам всех своих граждан, обвиняемых в ереси.

Между тем крестоносцы собрались 24 июня в Лионе. Арнольд Ситосский утверждал без особого преувеличения, что их было до двадцати тысяч всадников и до двухсот тысяч пеших, считая крестьян и простолюдинов. К ним обратился папа со словами: «Вперед, храбрые воины Христа! Спешите навстречу предтечам Антихриста и низвергните служителей ветхозаветного змия. Доселе вы, возможно, сражались из-за преходящей славы, сразитесь теперь за славу вечную. Вы сражались прежде за мир, сразитесь теперь за Бога. Мы не обещаем вам награды здесь, на земле, за вашу службу Богу с оружием в руках; нет, вы войдете в Царствие Небесное, и мы уверенно обещаем вам это!» В Лион явился и Раймунд: словно завершая свой позор, он повел крестоносцев против своего племянника, виконта Безье. Виконт выразил свою покорность легату, но последний отверг ее; тогда виконт стал спешно укреплять свои крепости и собирать войско.

Эта война, объявленная ее зачинщиками религиозной, принимала характер войны национальной. Покорность Раймунда и готовность покориться виконта Безье лишили церковь благовидного предлога для враждебных действий; но жители севера горели нетерпением закончить завоевание, начатое еще за семь веков перед этим Хлодвигом, а население юга — и католики, и еретики — единодушно решило сопротивляться.

Когда крестоносцы подошли к стенам Безье, Арнольд Ситосский поручил объявить горожанам, что пощадит их, если они согласятся изгнать или выдать еретиков, поименованных в списке. Но жители Безье ответили, что будут защищаться до последней капли крови. Этот ответ так рассердил легата, что он поклялся уничтожить город, не щадя ни женщин, ни детей, и не оставить там камня на камне. Легат сдержал свое слово: произошла беспримерная резня. Семь тысяч человек было перебито в церкви Марии Магдалины, где они пытались найти убежище. Сами легаты определяли общее число убитых приблизительно в 20 000, а достойные меньшего доверия летописцы дают цифру в четыре и пять раз большую. Один современник, ярый цистерцианец, сообщает нам, что к Арнольду обратились с вопросом, следует ли щадить католиков. Представитель папы, боясь, чтобы не ускользнули еретики, выдающие себя за католиков, ответил: «Убивайте всех, Бог уж их разберет!»

Тем временем успех сопутствовал и небольшим отрядам крестоносцев, шедшим на соединение с главной армией. Один из отрядов, которым предводительствовали виконт Тюренский и Ги Овернский, после недолгой осады взял приступом почти неприступный замок Шаснейль. Гарнизон заключил с крестоносцами договор, и ему была дана свобода, а жителям предложили выбор между обращением в католичество и костром, и так как все они отказались отречься от своих заблуждений, то их сожгли. После этого такой страх объял юг Франции, что, когда в замок Вильмюр явился гонец с известием, что приближаются крестоносцы, жители сами подожгли свои жилища и бежали. Бесчисленное множество крепостей сдалось без всякого сопротивления или были покинуты защитниками, несмотря на то что были хорошо укреплены и имели большие запасы провизии. Гористая страна, вся усеянная крепкими замками, была покорена в течение двух месяцев, хотя она могла легко защищаться целые годы.

Не останавливаясь на развалинах Безье, крестоносцы, ведомые Раймундом Тулузским, двинулись к считавшейся неприступной крепости Каркассон, где засел виконт Безье Раймунд Роже. Первый пригород, защищенный весьма плохо, был взят и сожжен после безнадежного сопротивления; второй пригород, хорошо укрепленный, оказал упорное сопротивление, но и его в конце концов взяли крестоносцы. Сам город, однако, стоял непоколебимо. По преданию, Карл Великий в свое время семь лет безуспешно осаждал его и одолел только благодаря чуду. Осаждавшие вступили в переговоры с виконтом; ему предложили свободно выйти из города в сопровождении одиннадцати лиц по его выбору, а город и все жители должны были остаться на волю крестоносцев. Раймунд Роже с негодованием отверг это предложение. Но положение его становилось невыносимым: город был набит беглецами, пришедшими со всех окрестностей; лето было сухое, и не хватало воды; открылась эпидемия уносившая ежедневно множество людей. Кончилось все тем, что Раймунд Роже, желая заключить почетный мир, явился во вражеский

лагерь, где его изменнически пленили; через несколько дней он умер, по официальным сведениям, от дизентерии. Лишившись своего вождя, жители потеряли мужество и сдали город, согласившись отдать все свое имущество. Победители разрешили горожанам выйти только с одними их грехами — мужчинам в штанах, а женщинам в рубашках. Им еще повезло, поскольку никто из них не был сожжен.

После взятия Каркассона крестоносцы, по-видимому, решили, что их миссия была уже окончена; они уже отслужили сорок дней — срок, достаточный для получения отпущения грехов, и с нетерпением стремились домой. Легат же, естественно, полагал, что покоренная страна должна быть занята и устроена таким образом, чтобы в ней не могла более свить себе гнездо ересь. Была избрана комиссия из двух епископов и четырех рыцарей под председательством Арнольда, чтобы решить, кому должны принадлежать завоеванные земли; единогласно члены комиссии остановились на графе Монфоре, который весьма отличился при взятии Каркассона. Легат приказал ему от имени Святого престола взять завоеванные земли. Монфор согласился на это при условии, что ему будет оказана поддержка во всех затруднениях.

Обещание было дано, но никто и не думал при этом о его исполнении. Граф Неверский, поссорившись с герцогом Бургундским, удалился почти тотчас же после взятия Каркассона, и за ним последовала большая часть крестоносцев. Монфор остался приблизительно с 4500 человек, преимущественно бургундцев и немцев, которым он должен был платить двойное жалованье. Он вскоре оказался в опасном положении. В августе под свежим впечатлением от побед легаты на собрании в Авиньоне предписали епископам потребовать от всех рыцарей, дворян и городских советов клятвенные обязательства уничтожить ересь. Но эти обязательства, данные под влиянием страха, были пустой формальностью; не больше имело значения изъявление верноподданнических чувств, принесенное Монфору его новыми вассалами. Некоторые замки, уже изъявившие свою покорность, восстали снова; другие были отняты у крестоносцев прежними владельцами. Мало-помалу страна оправлялась от страха.

Началась партизанская война, и вскоре действительная власть Монфора не простиралась далее его копья. Тем не менее ему удалось захватить несколько замков и распространить свою власть на графство Фуа. Иннокентий выражал свою радость по поводу успехов Монфора и заклинал его неустанно уничтожать ересь. При этом папа извинялся, что не может прийти к нему на помощь; в свое оправдание он ссылался на необходимость направлять средства на нужды Палестины.

Положение Монфора несколько улучшилось весной 1210 года, когда в его войско влились отряды «пилигримов» — как называли себя искатели приключений, принимавшие участие в войне против альбигойцев. Так как срок, который они отбывали по обету, был очень короток, то Монфор решил не откладывая воспользоваться их присутствием, чтобы вернуть обратно потерянные земли и еще какие-нибудь приобрести. Мы не станем входить в подробности его многочисленных походов, которые обыкновенно кончались взятием какого-либо замка — причем когда гарнизон был перебит, тем, кто не принимал участия в сражении, предлагали выбор между подчинением Риму и костром. Сотни энтузиастов, имена которых до нас не дошли, предпочли мученическую смерть. Сохранилось множество свидетельств о том, как много может сделать зла человек человеку и как много может он вынести и претерпеть во славу Бога. Когда капитулировал Миневр, Роберт Мовуазен, самый верный соратник Монфора, восстал против решения щадить еретиков, которые принесут раскаяние. Легат Арнольд заметил на это, что он может не беспокоиться, так как, несомненно, обращений будет очень мало, и Арнольд оказался прав: за исключением трех женщин, все побежденные, как один человек, отказались купить жизнь ценой вероотступничества; они избавили победителей от труда вести их на костер и сами бросились в пламя.

Раймунд Тулузский, несомненно, воображал, что очень ловко спасся за счет своего племянника виконта Безье. Он оказал церкви важные услуги, сражаясь против своих старинных друзей, и теперь решил, что настало время удостоверить свою невинность, — он просил праведного суда, который снимет с него все обвинения и возвратит отобранные замки. Папа Иннокентий сделал вид, что идет ему навстречу: он предписал архиепископам Нарбонны и Арля созвать собрание прелатов и дворян, чтобы судить Раймунда, как он сам того просит. Было

указано, что если появится кто-нибудь, кто станет обвинять Раймунда в ереси и в соучастии в убийстве Петра де Кастельно, то должны быть заслушаны обе стороны и вынесено решение, которое следует представить в Рим, где и будет принято окончательное постановление; если же обвинение не будет ясно доказано, то на Раймунда следует наложить соответствующее покаяние и только после этого можно будет признать его добрым католиком и вернуть ему замки. С виду все выглядело законно, но на самом деле для Раймунда готовилась ловушка — было задумано лишить его всех принадлежащих ему земель.

Папа и его представители отлично знали, что Раймунд оправдывается во всех возводимых на него обвинениях, но при этом в руках у них имелся убийственный аргумент: граф Тулузский не исполнил возложенной на него невыполнимой задачи — не уничтожил ереси в своей стране. На суде ему холодно объявили, что он совершил клятвопреступление, не сдержав обещания, а коли так, то, само собой разумеется, нет веры и его оправданиям в таких серьезных делах, как обвинение в ереси и убийство легата; не большего доверия заслуживает и присяга его свидетелей. При этом, однако, ему было сказано, что благоприятные для него решения папы не за горами и будут приведены в исполнение, когда он покажет себя достойным снисхождения. Рим играл с ним, как кошка с мышью.

Раймунд, несмотря на все свое простодушие, понял наконец свое положение. Тем не менее он продолжал вести безуспешные переговоры с легатами и Монфором, что не помешало Монфору 3 мая 1211 года захватить несколько замков Раймунда и вознамериться осадить Тулузу. Как только жители Тулузы узнали об угрозе осады, они немедленно отправили послов к крестоносцам просить пощады. В ответ от них потребовали прекратить все связи с Раймундом. Тулузцы эти требования отвергли и, собравшись с силами, совершили несколько вылазок против подошедших крестоносцев. После этого Монфор счел за лучшее отступить от города; затем, разграбив его окрестности, он отправился опустошать земли графа Фуа.

Мужественное отражение тулузцами вторжения было истолковано в Риме как преступное расположение к ереси. Иннокентий снова отлучил Раймунда и его столицу от церкви за то, что жители «преследовали» Монфора и крестоносцев.

Весна и осень 1212 года принесли ряд приобретений Монфору; владения Раймунда ограничивались теперь только Монтобаном и Тулузой, которая, переполненная женщинами, была, в сущности, в осаде, так как засевшие в соседних замках крестоносцы производили набег до самых городских стен. Монфор просил папу признать за ним право на вновь завоеванные земли. Ответ папы был неожиданным: «Граф Раймунд провинился перед церковью, почему он и был отлучен от нее, а владения его предоставлены первому пришедшему; но потеря большинства их является уже наказанием, к тому же граф, подозреваемый в ереси и убийстве легата, ни разу еще не был осужден». Таким образом, писал папа, необходимо назначить над графом новый суд, иначе на церковь падет обвинение в обмане, потому что она продолжает пользоваться замками, данными ей только в залог. В заключение Иннокентий уже в который раз потребовал от легатов полного отчета по делу Раймунда.

Легаты Феодосий и епископ Риезский сообщили в ответ, что они неоднократно вызывали Раймунда на суд, но он и не думает оправдываться в своих преступлениях. Это обвинение выглядело довольно странно на фоне военных действий, развязанных Монфором. В то же время, чтобы показать, что они считаются с приказаниями папы, легаты созвали собор в Лаворе, укрепленном местечке, находившемся очень близко от Тулузы и бывшем в руках Монфора. По просьбе Петра II Арагонского Монфор объявил перемирие на восемь дней, чтобы ничто не могло помешать собору.

Гордый своей недавней победой над маврами под Навас-де-Толозой, Петр считался в то время правителем, мнение которого нельзя было игнорировать. Его интересы на юге Франции были настолько значительны, что он не мог оставаться безучастным зрителем образования могущественного владения Монфора. Петр послал посольство к папе с жалобой на действия легатов, которые он считал несправедливыми и несогласными с интересами церкви. Он прибыл в Лавор с твердым намерением действовать в пользу Раймунда VI, который приходился ему одновременно и зятем, и сватом. Раймунд состоял в браке с сестрой Петра — Элеонорой, а его сын, тоже Раймунд, был женат на дочери арагонского короля.

В январе 1213 года Петр выступил в Лаворе, прося о снисхождении к лишенным имущества сеньорам. Он представил акт формального отречения, подписанный Раймундом и его сыном, и подобные же документы от Гастона Беарнского и графов Фуа и Комменжа; этими актами все названные лица уступали ему свои земли, права и юрисдикцию, с тем чтобы он мог по своему усмотрению и, если надо, силой заставить население исполнять распоряжения папы. Петр просил, чтобы всем им были возвращены отнятые у них земли, как только они оправдаются перед церковью. Если окажется невозможным судить Раймунда, то, предлагал Петр, он должен будет отречься от своих прав в пользу сына и удалиться в Испанию или Палестину сражаться с неверными. Но собравшиеся в Лаворе прелаты были глухи к предложениям восстановить мир. Для их благоденствия и личной безопасности нужно было полное уничтожение Тулузского дома.

Легаты опросили прелатов — членов суда, должно ли допустить Раймунда на суд, чтобы он доказал свою невиновность. Ответ был отрицательный. Прелаты заявили, что Раймунд — клятвопреступник, на совести которого во время последней войны смерть многих крестоносцев. Легаты, в свою очередь, сообщили Раймунду, что не могут идти против мнения прелатов. Королю Петру прелаты заявили, что поступки Раймунда сделали его недостойным сожаления. Трех других сеньоров прелаты обвинили в том, что они совершили великое преступление, защищаясь против крестоносцев; им объявили, что если они получат отпущение грехов, то их согласятся выслушать, но при этом все понимали, что отпущения грехов им не видать. Одновременно легат Арнольд угрожал Петру Арагонскому отлучением от церкви за то, что он живет в мире с отлученными и заподозренными в ереси.

Прелаты, участвовавшие в соборе, направили папе послание, заклиная его срубить дерево ереси под самый корень. Раймунда они описывали в самых мрачных красках. Утверждали даже, что Раймунд просил поддержки у султана Марокко, чем поставил в опасность само существование христианства. Но, боясь, что всех этих наветов окажется недостаточно, епископы заинтересованных в деле епархий завалили Иннокентия своими письмами, в которых уверяли его, что мир и благоденствие шли по стопам крестоносцев, что религия и неприкосновенность личности были восстановлены в стране, раньше разорвавшейся разбойниками и еретиками, и что если бы было сделано последнее усилие и была разрушена Тулуза, достойная называться Содомом и Гоморрой, то католики имели бы теперь новую обетованную землю. Если же Раймунд поднимет голову, то снова наступит хаос и церкви будет лучше тогда искать себе убежище где-нибудь среди язычников.

Иннокентий написал грозное послание Петру Арагонскому, приказывая перестать покровительствовать еретикам и грозя в противном случае крестовым походом. Решение судебных графов Фуа, Комменжа и Наварры было передано на усмотрение Арнольда. Было заявлено также, что Тулуза может получить прощение при условии, что горожане согласятся на изгнание всех тех, на кого укажет епископ Фульк, непримиримый фанатик. О Раймунде Иннокентий нигде не упомянул ни словом, и это молчание было грознее всякого жестокого обвинения: его существования совершенно не признавали, с ним не считались в тех серьезных вопросах, о которых шла речь.

Получив папский указ, Петр Арагонский сделал вид, что он покоряется ему, но при этом начал готовиться к войне с Монфором. Напряжение нарастало, разрыв был неизбежен. Петр развязал военные действия как раз в тот момент, когда в распоряжении Монфора было очень мало войска. Набрав армию в Испании, он перешел Пиренеи и был радостно встречен всеми, чьи земли перед этим захватил Монфор. У замка Мюре в десяти милях от Тулузы Петр соединился с графами Тулузы, Фуа и Комменжа. Соединенные силы составили внушительную армию; правда, большая часть ее состояла из пехоты, вчерашних горожан, совершенно неопытных в военном деле.

Осада Мюре, где Монфор оставил незначительный гарнизон, началась 12 сентября 1213 года. Монфор в это время находился на расстоянии двадцати пяти миль, в Фанжо. Он тут же поспешил на помощь осажденным и 13 сентября вошел в Мюре; его свободно пропустили, надеясь взять в плен. На другой день, утром 13 сентября, крестоносцы, имевшие не больше тысячи всадников, бросились в атаку. Монфор был храбрым полководцем, а бывшие с ним крестоносцы опытными вояками. Они смяли арагонских рыцарей, после чего в лагере

осаждавших началась паника. Петр был убит, а пехота тулузцев безжалостно вырезана. Современники сообщают, что крестоносцы не потеряли убитыми и двадцати человек, тогда как потери их противников составили от пятнадцати до двадцати тысяч.

Располагая незначительной армией, Монфор не мог сразу сполна воспользоваться своей победой. Когда епископ Фульк потребовал от жителей Тулузы двести человек заложников, они отказались дать более шестидесяти; а когда епископ согласился на это, взяли обратно свои слова. Монфор явился под стены Тулузы, чтобы наказать город за дерзкое поведение, однако у него не хватило для этого сил, и он был вынужден отступить. Нарбонна, куда он прибыл вслед за этим, отказалась открыть ему городские ворота; то же произошло и в Монпелье. Но постепенно дела приняли другой оборот. Армия Монфора пополнилась почти сотней тысяч пилигримов, а из Рима прибыл новый легат, кардинал Петр Беневентский, снабженный от папы самыми широкими полномочиями, и, опираясь на военную силу, принял в Нарбонне изъявление покорности от графов Тулузы, Фуа и Комменжа и виконта Нарбонны Эмерика. Они обещали изгнать еретиков и исполнить все требования церкви. Оказавшийся в безвыходном положении, Раймунд передал легату все свои владения и обязался, если ему прикажут, удалиться в любую ссылку. Вскоре он вместе с сыном отправился к английскому двору и принес ленную присягу королю Иоанну. Коль скоро все требования Рима были удовлетворены, легат отпустил грехи всем покаявшимся и объявил их воссоединенными с церковью.

Но те, кто надеялся покорностью купить мир, жестоко ошиблись. Все это было только новым действием в старой трагикомедии, которую давно уже разыгрывали Иннокентий и его прелаты. Орды крестоносцев, жаждущих добычи и отпущения грехов, продолжали заполнять несчастные провинции. Первым их подвигом был захват Мориака, сразу после чего было сожжено семь взятых в плен еретиков. Затем настала очередь Ажана, Керси, Лимузена, Руэрга и Перигора. Тулузой завладел Ги, брат Монфора, и срыл ее стены. Были также разрушены стены Нарбонны.

В Риме 1 ноября 1215 года Иннокентий III собрал Двенадцатый Вселенский (Латеранский) собор для решения накопившихся церковных и политических вопросов. В решении собора, объявленном Иннокентием 15 декабря 1215 года, указывалось на те усилия, каких стоило церкви очистить от ереси Нарбоннскую провинцию. Раймунд был признан виновным в ереси и грабежах, почему и был лишен власти и осужден проводить остальную жизнь в покаянии и в оплакивании своих грехов; ему была обещана ежегодная пенсия в четыреста марок, если он будет послушен церкви. Жене его оставили земли — так называемую вдовью часть. Все покоренные крестоносцами области, включая Тулузу, гнездо ереси, и Монтобан, были переданы Монфору как первому борцу за веру. Те же владения Раймунда, которые еще находились в его руках, отдавались церкви, которая должна была отдать их его сыну, молодому Раймунду, если он по достижении совершеннолетия окажется достойным этого. Дело графа Раймунда было решено в окончательной форме; отныне церковь называла его «бывшим графом». Решения, принятые в отношении графств Фуа и Комменж, ограничивали притязания графа Монфора, однако ни местное дворянство, ни простых людей они не удовлетворили.

Юг Франции с нетерпением ждал, что наконец-то будет заглажен длинный ряд несправедливостей; когда же надежда эта не оправдалась, то возбужденный до исступления народ поднял восстание. Этим решил воспользоваться Раймунд, чтобы попытаться вернуть утраченные земли. Небольшая часть родовых земель, все-таки оставленных ему церковью, находилась к востоку от Роны; здесь в начале 1216 года он и объявился вместе с сыном и встал во главе восставших. Немного спустя Раймунд-старший отправился в Испанию набирать войско, тогда как вокруг Раймунда-младшего продолжали сплачиваться недовольные. Их становилось все больше и больше, и неожиданно Монфор обнаружил, что уже одержанная победа может внезапно обернуться поражением.

Перед лицом этой новой опасности он проявил свою обычную энергию и, полный гнева, двинулся на Тулузу, которая опять выказывала признаки расположения своему прежнему сеньору. Монфор сжег несколько городских кварталов, но горожане забаррикадировали улицы и на каждом шагу оказывали сопротивление войскам. В конце концов был заключен мирный договор, согласно которому Монфор удовлетворился контрибуцией в 30 000 марок. В начале 1217 года Монфор во главе армии перешел Рону и вторгся в области, оставленные молодому

Раймунду, но его продвижение остановило известие, что в Тулузу вступил Раймунд VI, пришедший с испанскими войсками, что графства Фуа и Комменж со всем местным дворянством присоединились к Тулузе и приветствовали своего старого сеньора и что, наконец, весьма опасно положение графини Монфор в Нар-боннском замке.

В сентябре 1217 года Монфор вернулся к Тулузе, и началась вторая осада города. Кардинал-легат приказал крестоносцам перебить всех, не щадя ни женщин, ни детей, ни стариков. Город не был укреплен, и тем не менее осада длилась девять месяцев. Крестоносцы несли немалые потери. Были серьезно ранены Ги, брат Монфора, и Амори, его старший сын. Монфор выходил из себя и совершал необдуманные поступки. В один из дней он, выйдя на передовую линию, наблюдал за переделкой своих осадных машин, и в это время камень, брошенный из метательного снаряда, которым, по тулузскому преданию, управляли женщины, попал ему точно в голову. Монфор умер на месте.

Гибель Монфора придала новый импульс восстанию. Повсюду, где французские гарнизоны были не очень сильны, народ поднялся, перебил завоевателей и вернул своих старых вождей. Безуспешно Людовик Львиное Сердце, сопровождаемый папским легатом кардиналом Бертраном, двинул на юг хорошо оснащенную армию, в составе которой было тридцать два графа и двадцать епископов. Крестоносцам удалось дойти до Тулузы, но третья осада оказалась не удачнее двух первых, и Людовику пришлось вернуться домой, не добыв себе славы, и ограничиться лишь резней в Марманде, где было перебито до 5000 человек, включая женщин и детей. Невероятная жестокость крестоносцев, не щадивших никого, сильно способствовала тому, что всюду их встречало упорное сопротивление. Одна за другой крепости, занятые ими в разное время, были у них отбиты.

В июне к королю Франции Филиппу-Августу, своему сеньору и родственнику, обратился молодой Раймунд. В самых почтительных выражениях он умолял короля примирить его с церковью. По всей вероятности, Раймунд предпринял такой шаг ввиду плохого здоровья отца, Раймунда VI, который и умер вскоре после этого в августе 1222 года.

Раймунд VI еще в 1218 году завещал похоронить себя в монастыре Госпитальеров в Тулузе. В самый день своей смерти он два раза молился, но предсмертная агония была очень непродолжительна, и он лишился языка, когда священник пришел дать ему последнее напутствие. Случившийся при этом госпитальер бросил на умирающего свой плащ с крестом, чтобы дать монастырю право похоронить графа на своем кладбище, но приходский священник из Сен-Серне-на сдернул плащ, и над телом умирающего вспыхнул жаркий спор: аббат во все горло предъявлял свои права на труп, так как смерть произошла в его приходе. Этот спор над бранными останками графа Тулузского тем противнее, что церковь запретила предавать их земле, так как покойник был признан ее врагом. Тело оставалось непогребенным, несмотря на все хлопоты Раймунда VII; ни к чему не привели и выводы следственной комиссии, назначенной в 1247 году папой Иннокентием IV, хотя свидетельства ста пятидесяти лиц подтвердили, что Раймунд VI был ревностным католиком. Полтора года останки Раймунда находились в распоряжении крыс монастыря Госпитальеров, а затем бесследно пропали; сохранялся лишь череп — по крайней мере до конца XVII века.

Амори, наследовавший Монфору, в начале 1222 года, и Раймунд VII некоторое время продолжали борьбу, начатую их отцами. Но летом 1223 года они заключили перемирие, после чего был созван собор, который, как все надеялись, мог принести окончательный мир. Оба, и Амори и Раймунд VII, устали от войны и были склонны к взаимным уступкам. Но 14 июля внезапно скончался король Филипп-Август. Его смерть сразу перевернула положение вещей. В день коронации новый король Людовик дал легату обещание предпринять крестовый поход против южан. Таким образом, у Раймунда появился сильный противник — король Франции.

Возложив на голову корону, Людовик пообещал через три недели после Пасхи войти в Лангедок во главе армии крестоносцев, чтобы присоединить к короне все земли Тулузского дома. Однако на Парижском парламенте 5 мая 1224 года легат объявил более недействительными индульгенции, выданные за поход против альбигойцев, и признал Раймунда добрым католиком. Людовик был возмущен таким решением церкви. Впрочем, его военные приготовления не пропали даром: он воспользовался ими, чтобы отнять у Генриха III значительную часть

английских владений на французской территории.

Таким образом, угрозу нового крестового похода в Лангедок отклонили. Молодой Раймунд, сопровождаемый своими первыми вассалами, 2 июня, в день Св. Троицы, встретился в Монпелье с Арнольдом и епископами и торжественно заявил, что будет во всех своих владениях сохранять и поддерживать католическую веру; что он изгонит всех еретиков и конфискует их имущество; установит мир и распустит банды наемников; восстановит права и привилегии церкви; уплатит двадцать тысяч марок в возмещение убытков церкви и на удовлетворение Амори при условии, что последний откажется от своих притязаний и вернет все документы, подтверждающие их.

Чего еще могла желать церковь? Раймунд приносил ей такую повинную, какую его отцу могли предложить только в минуту его самого безнадежного положения. Папа Гонорий III и собранный по его повелению 20 августа 1224 года в Монпелье собор взяли с Раймунда и его вассалов клятву на этих условиях.

Однако превратностям и неожиданностям не предвиделось конца. Когда в октябре месяце прибыли в Рим послы Раймунда, чтобы получить папскую санкцию, то они столкнулись там с Ги де Монфором, которого король Франции уполномочил выступить против них. За его спиной стояли епископы Лангедока, которые не желали возвращать земли, присвоенные ими в смутное время; в их интересах было утверждать, что Раймунд еретик до мозга костей. Прелаты открыто говорили, что никакой мир несовместим с поддержкой Раймунда, и требовали предоставить Людовику десятую часть церковных доходов, если он изъявит готовность предпринять священную войну. Гонорий III колебался в своем решении, но в глубине души склонялся поддержать прелатов. «Страна железа и меди, — писал он о Лангедоке, — ржавчину которой можно уничтожить только огнем». И в конце концов решение в пользу нового крестового похода было принято.

Но Людовик, при всем своем легкомыслии и алчности, не решался помериться силами с экзальтированными патриотами юга, пока у него были враждебные отношения с королем Англии. Поэтому он настаивал, чтобы Гонорий запретил Генриху III угрожать французской территории, пока продолжается крестовый поход. Когда Генрих получил папские грамоты, он как раз готовился помочь своему брату Ричарду Корнуэльскому в войне против Людовика, но его советники убедили его этого не делать, а один из них, астролог Вильгельм Пьерпон, предсказал, что Людовик обязательно или потеряет жизнь, или потерпит жестокое поражение. Между тем были получены новые известия от Ричарда, который сообщал о достигнутых успехах. Генрих успокоился и, несмотря на то что незадолго перед этим заключил союз с Раймундом, согласился некоторое время не тревожить Людовика.

Организация крестового похода велась крайне энергично. Крестовый поход проповедовался по всей стране, и, как всегда, крестоносцам давалось отпущение грехов. 28 января 1226 года сеньоры послали королю адрес; они обещали ему свою помощь, хотя многие из них, как сообщают современники, сделали это против воли, считая несправедливым нападать на Раймунда. Наконец Людовик приказал своим вассалам собраться в Бурже 17 мая в полном вооружении и быть готовыми воевать, сколько потребуется. Ограничение срока службы сорока днями, что так часто мешало Монфору, не должно было более мешать достижению окончательной победы.

Людовик выступил из Лиона во главе блестящей армии, в которой, как утверждается, одних конных было до 50 000 человек. Он наводил на всех ужас, и многие вассалы и города Раймунда спешили изъявить покорность; уже до начала военных действий дело графа казалось проигранным. Но тут случилась заминка: когда армия подошла к Авиньону, испуганные столь большим войском горожане заперли городские ворота и предложили королю идти в обход. Разгневанный король, хотя Авиньон и был в числе его ленных владений, решил осадить город. Горожане были объявлены еретиками, и легат кардинал Романо пригласил крестоносцев оружием уничтожить ересь. Но дело оказалось трудным. Три месяца, с 10 июня по 10 сентября, авиньонцы отчаянно защищались, нанося осаждающим крупный урон. В стане крестоносцев разразилась эпидемия, и тучи мух переносили заразу с мертвых на живых. К тому же начались распри между королем и некоторыми могущественными сеньорами. Столь блестяще начатый поход был близок к провалу, но тут осажденные, доведенные до последней крайности, неожиданно сдались.

От Авиньона Людовик двинулся на запад, всюду получая изъявления покорности от городов и сеньоров. Он находился уже в нескольких милях от Тулузы. Оставалось, по-видимому, только разрушить этот очаг ереси, чтобы Раймунд пал бесповоротно, а крестоносцы покрыли бы себя славой, но вдруг Людовик неожиданно повернул на север. Ни одна хроника не дает нам объяснений этого странного маневра; без сомнения, оно было вызвано дурным санитарным состоянием армии и, быть может, первыми проявлениями болезни короля. 8 ноября в Монпансье он скоротечностью скончался.

Смерть Людовика совершенно изменила положение дел. Раймунд, чудом спасшийся от неминуемой гибели, не стал терять даром времени и отвоевал часть своих земель. Тринадцатилетний Людовик IX, коронованный в Реймсе, и регентша Бланш Кастильская, мать юного короля, не были для него серьезной угрозой. У регентши было много причин желать заключения мира из-за осложнений отношений с Англией и некоторыми из собственных могущественных баронов; часть королевства постоянно находилась на военном положении, получение десятины становилось все более трудным. С другой стороны, и Раймунд не переставал искать мира, и была некоторая надежда укрепить за французской короной богатое наследство Тулузского дома, так как единственной наследницей Раймунда была незамужняя дочь Иоанна. Брак этой наследницы с одним из младших братьев Людовика IX, с передачей им и их наследникам владений графа, мог мирным путем принести те же политические выгоды, что и крестовый поход.

Новый папа Григорий IX был очень рад положить конец войне, начатой Иннокентием двадцать лет тому назад. Уже в марте 1228 года он написал Людовику IX, убеждая его заключить мир. В основу переговоров было положено сватовство; это подтверждается письмом папы от 23 июня. Другое послание папы от 21 октября, призывавшее прелатов вновь проповедовать крестовый поход, по-видимому, указывает на то, что Раймунд в чем-то упорствовал и надо было оказать на него давление. Наконец в декабре 1228 года Раймунд уполномочил аббата Грансельва принять все предложения папы.

Мир был заключен 12 апреля 1229 года. Перед главным входом собора Парижской Богоматери Раймунд смиренно подошел к легату и просил присоединить его к церкви; босой и в одной рубашке, как кающийся грешник, он был подведен к алтарю; в присутствии высшего духовенства и высших сановников государства ему дали отпущение грехов и сняли отлучение, тяготевшее над его товарищами. После этого он в качестве пленника был помещен в Лувр и оставался там как заложник, пока его дочь не была отправлена ко двору Людовика, а пять его замков не были заняты королевскими войсками; кроме того, было разрушено пятьсот туазов, то есть около километра, тулузских городских стен.

Условия были суровы и унижительны. Королевский манифест, где был опубликован договор, представлял дело так, что Раймунд, следуя указаниям легата, просил у церкви и короля не суда, а милости. Он дал присягу всеми силами преследовать еретиков, их единомышленников и тех, кто дает им пристанище; он не должен был щадить ни самых близких своих родных, ни друзей, ни вассалов. Все должны быть наказаны в самое короткое время, а для обнаружения еретиков следовало основать инквизицию. На нужды этого судилища Раймунд соглашался уплачивать по две марки за каждого еретика, который будет схвачен в течение первых двух лет, и по одной марке по истечении этого срока. Его бальи, или местные судьи, должны были быть все добрыми католиками без всякой тени подозрения; он обязался защищать церковь, всех ее членов и все ее привилегии, а также подкреплять решения духовных судов, подвергая конфискации имущество всякого, кого отлучат от церкви. Раймунду предписывалось восстановить все церковные имения, отнятые у церквей с самого начала смут, и уплатить 10 000 серебряных марок за разграбленное имущество частных лиц; в виде особого штрафа он должен был внести пять тысяч марок в пять монастырей, которые ему укажут, шесть тысяч марок на укрепление замков, которые король займет в обеспечение интересов церкви, и, наконец, от трех до четырех тысяч марок на содержание в Тулузе в течение десяти лет двух магистров богословия, двух докторов канонического права, шести учителей грамматики и свободных искусств. Кроме того, тотчас же по получении отпущения грехов Раймунд должен был вступить в ряды крестоносцев и не позднее чем через два года отправиться на пять лет в Палестину. Впрочем, несмотря на неоднократные

напоминания, Раймунд так и не исполнил этой епитимии, а когда в 1247 году он стал наконец готовиться к отъезду, смерть навсегда оставила его в родной стране. Народ же должен был принести присягу, повторяемую каждые пять лет, которой каждый обязывался всеми средствами преследовать еретиков, их сообщников и всех, кто будет давать им приют.

Брак Иоанны с одним из братьев короля и в самом деле был знаком примирения. Раймунда лишили многих владений, но король передал ему область старой Тулузской епархии, с тем чтобы после смерти графа она перешла к его дочери и к зятю; таким путем это наследство было упрочено за королевским домом. Кроме того, Раймунду были даны Ажан, Руэрг, Керси (за исключением Кагора) и часть Альбигойи, с тем чтобы эти земли после его смерти также перешли к дочери, минуя иных наследников; обширные же пространства, заключенные между герцогством Нарбоннским и графствами Велэ, Жеводан, Вивье и Лодев, король оставлял себе. Прованский маркизат был отдан церкви. Таким образом, Раймунд потерял две трети своих владений. Кроме того, он должен был разрушить укрепления Тулузы и тридцати других замков без права когда-либо возводить на их месте новые, передать королю восемь других укрепленных замков и ежегодно в течение пяти лет выдавать ему на их содержание по 1500 марок; он должен был принять энергичные меры против своих упорствующих вассалов, в частности против графа де Фуа. Раймунд также обязывался обеспечить общественное спокойствие и уничтожить навсегда грабителей больших дорог. Все вассалы Раймунда и весь народ подвластных ему областей должны были скрепить эти условия своей присягой и свято выполнять их; сверх всего, если в течение сорока дней после манифеста он не исполнял какого-либо из принятых им обязательств, то все предоставленные ему земли переходили к королю, его подданные освобождались от всяких обязательств по отношению к нему, а сам он, как и прежде, подвергался отлучению от церкви.

Амори за отказ от земель, принадлежавших Монфору, было дано право на пожизненное звание коннетабля. В 1237 году он имел неблагоприятное стечение обстоятельств: принял титул герцога Нарбоннского, сделал безуспешную попытку завладеть Дофинэ и захватил графство Мельгейль. Возбешенный этим, Григорий IX наложил на него епитимию и велел присоединиться к отправлявшимся в Святую землю крестоносцам. Амори подчинился, но злой рок продолжал преследовать его; в 1241 году он попал в плен к сарацинам и был выкуплен Григорием за 4000 марок. Умер он в том же году в Отранте на обратном пути из Палестины, окончив, таким образом, жизнь, полную самых неожиданных превратностей и почти непрерывных неудач.

Некогда могущественный Тулузский дом пал окончательно; имевший более обширные владения, чем сам король, граф Тулузский дошел до такого состояния, что с ним никто уже не считался; правда, в 1234 году ему вернули Прованс — по всей вероятности, в награду за его ревностное преследование еретиков. Раймунд не занимал уже первого места среди шести светских пэров Франции, а был низведен на четвертое. Парижский договор оправдал возлагавшиеся на него надежды. Иоанне Тулузской и предназначенному ей супругу, брату Людовика Альфонсу, было в 1229 году по девять лет. Свадьба их состоялась в 1237 году, и, когда в 1249 году умер Раймунд, они унаследовали все его земли. В 1271 году они умерли один за другим, не оставив после себя наследников; тогда Филипп III завладел не только графством Тулузским, но и всем югом Франции.

Если такая слабая монархия, как Франция во время детства Людовика IX, могла предъявить Раймунду столь тяжелые и унижительные требования, то это случилось только благодаря тому, что споры с церковью довели Раймунда до полного нравственного одиночества. Церковная анафема, тяготевшая над ним, парализовала его действия и лежала на нем постоянным проклятием. Согласно государственному праву той эпохи он был вне закона; даже защищаясь, он совершал преступление, и единственным средством для него вернуться в общество было примириться с церковью. Утомление и упадок духа сломали в конце концов его мужество.

Многое можно было бы привести в оправдание Раймунда, если бы он нуждался в нем. Родившись в 1197 году, он был еще ребенком, когда гроза разразилась над головой его отца; вступив в сознательный возраст, он увидел свою страну добычей жестоких рыцарей с севера и бродячих орд, столь же жадных до добычи, как и до индulgенций. В течение двадцати лет

несчастное население, остававшееся верным ему, не знало ни минуты покоя. Только чудом во время последнего крестового похода южане избавились от полного истребления, а будущее их рисовалось в самых мрачных красках, так как римская церковь угрожала наводнить юг новыми полчищами мародеров под сенью креста.

Понятно, Раймунд не мог быть преданным сыном той церкви, которая была для него всегда мачехой, но тем не менее еретиком он не был. Если он предпочитал скорее терпеть ересь среди своих подданных, чем казнить их через десятого, то, с другой стороны, он мог спросить себя, должна ли эта веротерпимость быть куплена ценой спасения всего народа? Ему предоставлялся выбор между двумя политиками: одна из них требовала частичной жертвы, другая — полной. Первая, очевидно более благоразумная, согласовалась с природным инстинктом самосохранения. Раз он принял известное решение, он неизменно держался его и сознательно работал над уничтожением ереси, хотя не раз и вмешивался, когда ревность инквизиторов грозила вызвать волнения. В общем, Раймунд был вполне сыном своего времени; если бы он стал выше окружающих его, то он мог бы прославиться как мученик, но народ его от этого ничего не выиграл бы.

Борьба веротерпимости против религиозной ненависти была проиграна. После такого красноречивого предупреждения, как падение двух Раймундов, нечего было опасаться, что явятся новые владетельные князья, которые проявят терпимость к еретикам. Церковь, призвав на помощь себе государство, поторопилась извлечь выгоду из общей победы, и вскоре среди тех, кто так долго мешал ей, открыла свои действия инквизиция. Можно удивляться, что Европа так единодушно признала законным и необходимым власть церкви, зная недостатки и пороки духовенства. Но это факт, и факт этот свидетельствует о крайнем извращении религии Христа.

Глава V Гонения

В простых общинах апостольских времен люди были связаны между собой узами любви; дух учения того времени прекрасно выразился в словах апостола Павла: «Братья! Если и впадет человек в какое согрешение, вы, духовные, исправляйте такового в духе кротости, наблюдая каждый за собою, чтобы не быть искушенным. Носите бремена друг друга и таким образом исполните Закон Христов».

Иисус заповедал своим ученикам прощать своим братьям семьдесят семь раз. Во времена апостола Павла учение Христа было еще настолько свежо, что не могло быть погребено под массой обрядов и догматов, в которых мертвящая буква душит живой смысл. Великие вечные

идеи христианства удовлетворяли горячее чувство верующих. Догматическое богословие со своими бесконечными хитросплетениями и метафизическими тонкостями еще не родилось; не была еще создана даже его терминология. Надо было еще извлечь из мыслей, проскользнувших у писателей, трактовавших совсем о других предметах, бесчисленные догматы веры, надо было еще создать их путем дословного толкования поэтических метафор Священного Писания.

Испытываешь чувство истинного облегчения, когда от тонкостей, почти недоступных человеческому разуму, обращаешься к полным глубокого смысла словам апостола Павла к Тимофею: «Отходя в Македонию, я просил тебя пребыть в Ефесе и увещавать некоторых, чтобы они не учили иному и не занимались баснями и родословиями бесконечными, которые производят больше споры, чем Божие назидание в вере. Цель же увещания есть любовь от чистого сердца, и доброй совести, и нелицемерной веры». Тех, кто находил удовольствие в этих бесконечных спорах, апостол Павел называет «желающими быть законоучителями, но не понимающими ни того, что говорят, ни того, что утверждают» и дает следующий совет своему любимому ученику: «От глупых и невежественных состязаний уклоняйся, зная, что они рожают ссоры».

Но уже было брошено семя, которое должно было дать богатую жатву злых дел и бедствий. Сам апостол Павел не допускает уже, чтобы отклонялись от учения, приносимого им: «Но если бы даже мы или Ангел с неба стал благовествовать нам не то, что мы благовествовали вам, да будет анафема». В другом месте апостол Павел говорит, что он предал Сатане Именея и Александра, «дабы они научились не богохульствовать». Быстрое развитие религиозной нетерпимости уже ясно видно в угрозах Апокалипсиса.

Богословие выдвинуло вопросы, на которые у евангелистов не дано ответа. В пылу споров богословы перестали считать христианами тех, кто расходился с ними в вопросах обрядности и учения или в некоторых догматических тонкостях. Люди, занимавшие высокое положение в церкви, могли давать силу закона своим мнениям; менее же сильные были объявлены отпавшими от католичества, и деление между праведниками и еретиками становилось все заметнее.

И не только богословская нетерпимость, не только гордость человеческой мысли или желание чистоты веры возбуждали эти пагубные страсти. Богатство и власть имели обаяние в глазах даже епископа и священника, и чем шире с течением времени распространялись пределы церкви, тем более ее богатства и сила оказывались в зависимости от послушания стада. Самым опасным мятежником являлся теоретик, высказывавший сомнения относительно правильности мнений лица высшего, чем он, в церковной иерархии; и если ему удавалось собрать около себя учеников, то он становился главой еретического направления. Там, где еретиков было достаточно много, чтобы образовать свою общину, они не обращали никакого внимания на то, что их отсекали от церкви. Результатом было то, что этих сектантов стали преследовать с большей жестокостью, чем самых закоренелых преступников. Уже одно то, что они отказались склониться перед признанным авторитетом, являлось тяжким преступлением, перед которым казались ничтожными все другие грехи и которое, так сказать, сводило к нулю все добродетели и все благочестие, которые могли проявить виновные. Даже сам св. Августин в той горячей восторженности, с которой донатисты, сторонники религиозного движения в римской Северной Африке в IV–V веках, переносили мученическую смерть и даже искали ее, не находил ничего такого, что могло бы смягчить его отвращение к ним. По логике святого, если бы они имели в своем сердце Христа, то их самоотречение заслуживало бы похвалы, но они действовали по внушению Сатаны, как евангельские свиньи, которых нечистый дух увлек на дно озера. Даже мученический венец, принятый во имя Христа, не может спасти схизматиков и еретиков от вечного огня, где они будут жариться вместе с Сатаной.

Однако дух ненависти и преследования так сильно противоречил учению Христа, что он не мог восторжествовать без долгой предварительной борьбы. В сущности, было вполне естественно, что церковь, сама еще гонимая, поначалу защищала принцип веротерпимости, а тот факт, что даже и тогда дух нетерпимости стремился пробиться наружу, мог бы заранее показать миру, чего ждать ему от церкви, когда она получит возможность навязывать свое учение сопротивляющимся.

Торжество нетерпимости стало неизбежным с того дня, когда христианство сделалось

государственной религией. Хотя учителя церкви и думали, что их главная обязанность заключается в том, чтобы не допускать распространения учений, казавшихся губительными для церкви, они все же не решались доводить нетерпимость до крайних ее логических выводов и добиваться единства церкви ценой крови. Но по-видимому, они уже подумывали об этом, так как император Юлиан прямо заявляет, что он никогда не видал диких зверей, который были бы столь кровожадны, как большинство христиан в отношении своих единоверцев. Император Константин под страхом смерти предписал выдать все арианские книги, утверждавшие, что Христос не единосущен Богу, но, по-видимому, никто из нарушивших это требование не был приговорен к смерти. В конце концов Константин, утомленный постоянными спорами, приказал св. Афанасию допускать всех христиан, без различия сект, до посещения храмов, но его старания были бессильны против возрастающей бури догматических споров. Сообщают, что император Валент II в 370 году предал смерти восемьдесят духовных лиц, пожаловавшихся ему на насилие ариан, которые на недолгое время взяли верх; правда, это не было казнью по суду, но префекту Модесту было дано тайное приказание заманить несчастных на корабль и сжечь его в открытом море.

Впервые применение смертной казни за принадлежность к ереси произошло в 385 году, и вызванный этим повсюду ужас показывает, что все отнеслись к казни как к отвратительному новшеству. Приписанные испанскому епископу Присциллиану гностические и манихейские умозрения вызвали то исключительное отвращение, которое церковь всегда питала к ересям этого рода; но когда он, осужденный тираном Максимом в Трире, был подвергнут пытке и предан казни с шестью своими учениками, а остальные были сосланы на острова по ту сторону Бретани, то по всей Европе раздался громкий крик негодования. Из двух епископов, преследовавших Присциллиана, один был прогнан со своей кафедры, а другой сам удалился на покой. Св. Мартин Турский, сделавший все зависевшее от него, чтобы помешать этому жестокому решению, отказался иметь общение не только с этими епископами, но и с теми, кто находился с ними в переписке.

Если церковь не решалась еще проливать кровь, то она уже не стеснялась прибегать ко всем другим средствам, чтобы доставить торжество установленной религии. В начале V века св. Иоанн Златоуст учит, что ересь должна быть подавляема, что на уста еретиков должно быть накладываемо молчание, что они должны быть поставлены в такое положение, чтобы не могли совращать других, и что, наконец, их тайные сборища нельзя допускать; но при всем том он добавляет, что к еретикам не следует применять смертную казнь. Около того же времени св. Августин умоляет префекта Африки не предавать донатистов смертной казни; ибо, говорит он, если будут преследования, то ни один священник не решится выдать донатиста, так как он предпочтет умереть сам, чем быть причиной смерти другого. Однако Августин одобрил императорские законы, согласно которым донатисты изгонялись, подвергались штрафам, лишались церкви и права делать духовные завещания.

Мало-помалу все сомнения были устранены, и люди нашли доводы, чтобы дать свободу своей ненависти и злобе. Через шестьдесят два года после казни Присциллиана и его единомышленников, вызвавшей такое содрогание, папа Лев I, когда ересь снова проявилась в 447 году, не только одобрил действия тирана Максима, но даже объявил, что если сохранять жизнь последователям подобной, достойной осуждения, ереси, то это будет нарушением Божеских и человеческих законов. Таким образом, решительный шаг был сделан.

Эволюции, поворотные пункты которой мы отмечаем, в значительной степени благоприятствовала ответственность, которая падала на церковь вследствие ее тесных связей с государством. Когда она могла добиться от монарха издания указов, осуждающих еретиков на изгнание, ссылку, каторгу и смерть, она думала, что Бог дал в ее руки силу, которой отнюдь не следует пренебрегать. Св. Исидор Севильский ясно формулировал это правило, сказав, что долг князей не только в том, чтобы быть самым верными церкви, но и в том, чтобы поддерживать веру в ее чистоте, применяя к еретикам все доступные средства. Печальные результаты этого учения, постоянно повторяемого, проходят красной нитью через всю средневековую историю церкви. Ереси уничтожались одна за другой без всякого снисхождения, включительно до костра, который был принят на Константинопольском соборе, при патриархе Михаиле Оксиде, как мера

наказания для сторонников секты богомоллов.

Нужно, однако, сказать, что и сами еретики, когда им представлялся к этому случай, также применяли приемы своих противников. Стоит вспомнить преследования католиков вандалами-арийцами в Африке при Гензерихе; а когда Гуннерих наследовал Гензериху и император Зенон отверг его предложения относительно взаимной веротерпимости, король вандалов перешел все, даже самые ужасные пределы. Преследовались арианами верные церкви католики и в Аквитании при Эврихе, короле визиготском (правил в 467–485 годах). Но все же нужно сказать, что вообще ариане давали достойный подражания пример веротерпимости. Обращение их в католичество также отмечено лишь немногими случаями жестокости. Французские Меровинги, по-видимому, никогда не преследовали своих подданных ариан, которых было много в Бургундии и Аквитании; обращение их происходило последовательно и, судя по всему, мирным путем.

В X веке Западная Европа находилась как бы в умственном оцепенении, что, конечно, мало благоприятствовало развитию ересей, требующему известного брожения умов. Церковь, единолично господствуя над спящей совестью, сложила заржавленное оружие преследования и разучилась владеть им. В 1018 году епископ Бурхардт составил свой сборник канонического права, и в нем нет даже упоминаний о еретических мнениях и о наказаниях за них. Преследование катаров, имевшее место в Орлеане в 1017 году, было делом не церкви, а короля Роберта Благочестивого; немного позднее были зажжены костры в Милане, но произошло это по воле толпы и против воли архиепископа. Церковь так мало была подготовлена к своим новым и ужасным обязанностям, что когда в 1045 году были выявлены в Шалоне несколько манихеев, то епископ Роже обратился к льежскому епископу Вазо с запросом, что с ними делать и нужно ли передать их в руки светской власти для наложения на них наказания; добродушный Вазо ответил на это, что не следует лишать их жизни, так как Бог, их Создатель и Хранитель, проявил к ним Свое долготерпение и милость. Биограф Вазо, каноник Ансельм, горячо осуждает казни, бывшие в Госларе в 1052 году при Генрихе III, говоря, что, если бы Вазо был там, он восстал бы против этого, подобно св. Мартину в деле Присциллиана. Еще в 1144 году в Льежской епархии радовались, что удалось вырвать большую часть уличенных и осужденных катаров из рук неистовой толпы, которая хотела их сжечь. Спасенных разместили по городским монастырям и послали к папе Луцию II запрос, как поступить с ними.

У церкви не было ни определенного взгляда, ни установившегося правила; то строго преследовали еретиков, то относились к ним снисходительно; все зависело от характера прелата, ведшего дело. Теодвин, преемник Вазо по кафедре в Льеже, писал в 1050 году французскому королю Генриху I, убеждая его наказать всех единомышленников Беранже Турского и не слушать их объяснений. Эти колебания от строгости к прощению отразились в замечаниях св. Бернара, сделанных им по поводу событий в Кельне в 1145 году, когда чернь, несмотря на сопротивление духовенства, схватила катаров и сожгла их живыми. Он утверждает, что еретики должны быть обращаемы убеждениями, а не силой; если же они продолжают упорствовать, то нужно прекратить с ними всякое общение; одобряя ревность жителей Кельна, он не хвалит самого их поступка.

Папа Александр III явно склонялся к прощению, когда в 1162 году отказался судить присланных к нему реймским архиепископом катаров, сказав, что лучше простить виновных, чем предать смерти невинных. Даже еще в конце XII столетия Петр Кантор утверждал, что апостол приказал избегать еретиков, а не убивать их, и он указывал, как непоследовательно строго карать самые незначительные отступления от веры и оставлять безнаказанными самые возмутительные преступления против нравственности. Первые мероприятия Иннокентия III против альбигойцев в 1199 году ограничивались изгнанием и конфискацией; он ни словом не намекает на более тяжелые наказания; да и указанные им могли заменяться такой легкой епитимией, как путешествие на поклонение святыням Рима или Компостеллы.

Но по мере того как разгоралась борьба, наказания становились более жестокими. В 1212 году в Страсбурге было сожжено восемьдесят еретиков. Мы уже упоминали, что Петр II Арагонский первый ввел в свод законов эдиктом 1197 года эту варварскую форму наказания. Пример его не скоро нашел подражателей. Оттон I в своей конституции 1210 года ограничивает наказание еретиков изгнанием их из империи, конфискацией имущества и разрушением домов.

Фридрих II в своем знаменитом статуте 22 ноября 1220 года, которым преследование еретиков было введено в государственное право Европы, ограничился по отношению к ним конфискацией имущества и признанием их вне закона; последнее, в сущности, равнялось смертной казни, так как ставило жизнь еретика в зависимость от каприза первого встречного. В своей конституции, опубликованной в марте 1224 года, он пошел дальше и постановил, чтобы еретики предавались смертной казни или через сожжение, или через вырывание языка, предоставив суду право выбора того или другого наказания. И только в своей Сицилийской конституции 1231 года Фридрих сделал обязательным сожжение на костре; этот вид казни особенно часто практиковался в неаполитанских владениях императора. Равеннский эдикт, изданный в марте 1232 года, определяет смертную казнь за принадлежность к ереси, но не указывает ее вида; зато Кремонский эдикт, изданный в мае 1238 года, распространил сицилийский закон на всю империю. В Венеции с 1249 года дож, вступая в управление, давал присягу сжигать всех еретиков. В 1255 году король Кастильский Альфонс Мудрый назначил сожжение на костре за переход из христианства в магометанство или иудейство. Во Франции законодательство, принятое Людовиком Святым и Раймундом Тулузским для выполнения постановлений договора 1229 года, хранит глубокое молчание относительно рода наказания, хотя в это время костер уже вошел во всеобщее употребление. Только в 1270 году в «Установлениях» Людовика Святого появилась статья, осуждавшая еретиков на сожжение живыми. В Англии, которая почти не знала ереси, статья «О сожжении еретиков» была установлена статутом только в 1401 г.

Однако этот жестокий обычай — сжигать еретиков живыми — не был придуман законодателями, только лишь принявшими ту форму мщения, в которой в ту эпоху народная грубость находила себе удовлетворение. В 1219 году в Труа был схвачен чернью сумасшедший, утверждавший, что он Святой Дух; его связали, бросили в ивовую корзину, обложили хворостом и сожгли. Ужасная смерть мучеников в эпоху преследования христианства, по-видимому, внушала, если не оправдывала, применение подобных же наказаний в отношении еретиков. Так как ересь считалась одним из наиболее тяжелых преступлений, то желание, общее и у духовных и у мирян, покарать ее казнью, как можно более строгой и ужасной, нашло подходящим костер. К тому же при существовавшем тогда способе толкования Священного Писания нетрудно было найти в нем указание на казнь через сожжение. В Евангелии от Иоанна мы читаем: «Кто не пребудет во мне, извергнется вон, как ветвь, и засохнет; а такие ветви собирают и бросают в огонь; и они сгорают». Буквальное толкование текстов Священного Писания было таким частым источником заблуждений и преступлений, что нечего удивляться и подобному толкованию данного места. Люди, посвятившие свою жизнь служению инквизиции, категорически заявляют, что виновный должен быть сожжен живым в присутствии народа; они добавляют, что можно сжечь население целого города, если он является притоном еретиков.

Однако в то же примерно время, когда тысячи людей были преданы смерти в Лангедоке, Латеранский собор 1216 года запрещал духовным лицам произносить смертные приговоры или присутствовать при казнях. В 1255 году собор в Бордо запретил им даже писать или диктовать бумаги, относящиеся к смертным приговорам. При преследовании ереси духовный суд не выносил смертных приговоров; он ограничивался признанием обвиненного еретиком, после чего его «отпускал», то есть предавал в руки светской власти, лицемерно при этом заклиная ее отнестись к нему снисходительно, пощадить его жизнь и не проливать крови. Тем не менее инквизиторы придумали формулу, согласно которой всякий, даже только подозреваемый в недостаточно энергичном преследовании еретиков, сам совершал преступление, равное ереси, и заслуживал такого же наказания.

В начале XII века, как только успехи ереси приняли заметные размеры, Гонорий Отенский провозгласил, что необходимо прибегать к мечу светских властей в отношении тех, кто, противясь слову Божию, будет упорно отказываться слушаться церковь. В сборниках канонического права XII века содержится очень много положений об обязанностях светского монарха в деле искоренения ереси и о послушании его в этом предписаниям церкви. Второй Латеранский собор 1139 года предписывает всем владетельным лицам приводить еретиков к послушанию; Третий Латеранский собор 1179 года заявляет, что церковь не жаждет крови, но что она обращается за помощью к светской власти, потому что люди, чтобы избежать телесных

наказаний, готовы принять исцеление души. Декрет Луция III, изданный на Веронском соборе 1184 года, обязывал всех светских суверенов давать в присутствии епископа присягу, что они будут исполнять все духовные и гражданские законы против ереси. Всякий отказ или упущение наказуемы отлучением от церкви, потерей власти или ограничением ее; виновный город должно изолировать и лишать всякого общения с другими. Церковь дала почувствовать всем облеченным властью, что занимаемые ими места были, в сущности, должностями всемирной теократии, в которой все интересы были подчинены одной главной обязанности — поддерживать чистоту веры.

Фридрих II заявлял, что он получил императорское достоинство для того, чтобы поддерживать и распространять веру. В булле Климента VI, подтверждающей избрание Карла IV, на первом месте стоят обязанности императора распространять веру и уничтожать ересь. Принципы, примененные в деле Раймунда Тулузского, были внесены в каноническое право, и всякий суверен должен был знать, что его земли отдадут на разграбление, если он не будет решительно преследовать ересь. В таком же положении были и все светские должностные лица. Тулузский собор 1229 года постановил, что всякий балый, проявивший недостаточно рвения в преследовании ереси, должен быть лишен имущества и права избрания на общественные должности. В 1244 году Нарбоннский собор объявил, что, если кто-либо из светских судей промедлит в деле подавления ереси, он должен считаться единомышленником еретиков и подвергнуться равному с ними наказанию; это постановление было распространено и на тех, кто не схватит или не придет на помощь задержавшим еретика. Обязанность преследовать еретиков, под угрозой всех духовных и телесных кар, какими располагала церковь XIII века, была возложена на всех, начиная от императора и кончая последним крестьянином.

Эти идеи были введены в государственное право Европы; из указов Фридриха II против ереси они вошли в сборники гражданского и феодального права и даже в местное законодательство. Так, например, в 1228 году, согласно Веронским статутам, всякий начальник города при своем вступлении в должность дает присягу изгонять из города всех еретиков; в «Швабском зеркале» говорится, что суверен, небрежный в преследовании еретиков, должен быть лишен всех своих владений и что если он не предаст сожжению всех тех, кого передаст ему духовный суд как еретиков, то он должен быть сам наказан за ересь. Церковь настояла на том, чтобы указы Фридриха читались и объяснялись в высшей юридической школе в Болонье как основное положение законоведения и были внесены в каноническое право. Папы неоднократно приказывали вносить эти указы в сборники законов городов и государств; на обязанности инквизитора лежало требовать их исполнения от всех должностных лиц под страхом отлучения нерадивых от церкви. Но даже и само отлучение, лишавшее судью власти и компетенции, не избавляло его от обязанности наказывать еретиков по требованию епископа или инквизитора.

Христианам не только внушали, что их главная обязанность способствовать уничтожению ереси, — их буквально заставляли доносить на еретиков властям. Узы крови не служили оправданием тому, кто скрывал еретика: сын должен был доносить на отца; муж являлся виноватым, если не выдавал свою жену на ужасную смерть. Преступная принадлежность к ереси уничтожала все связи, соединяющие людей; детям внушали, что они должны предавать своих родителей; даже таинство брака не могло соединить верную католичеству женщину с мужем-еретиком. Не больше значения имели и частные обязательства. Иннокентий III напыщенно объявляет, что, согласно канонам, не надо соблюдать слова, данного тому, кто сам не соблюдает верности Богу. Никакая клятва молчания не имела значения, если дело касалось ереси, ибо «тот, кто верен в отношении еретика, неверен в отношении Бога». Вероотступничество, говорит епископ Лука Тудельский, — величайшее преступление; вследствие этого если кто клятвенно обещал не выдавать этого ужасного проступка, то он все же должен объявить о ереси и покаяться в клятвopреступлении, уверенный, что ему будет дано прошение греха.

Таким образом, колебания в отношении церкви к еретикам, проявленные ею в XI и XII веках, совершенно исчезли в XIII веке. Нет более речи ни о снисхождении, ни о милосердии. Всякий, вера которого покажется сомнительной, должен считаться еретиком; то же относится и к схизматикам, которые, принимая все догматы религии, не оказывают римской церкви должного повиновения. И те, и другие должны быть силой приведены в лоно католической церкви.

Св. Фома Аквинский устанавливает следующие правила. Еретикам не следует оказывать никакого снисхождения. Церковь в своем милосердии дважды обращается к ним с увещаниями; если они и после этого продолжают упорствовать, то их надо выдать светской власти и изъять из общества людей посредством смертной казни.

Однако церковь в своем милосердии всегда готова принять с распростертыми объятиями еретика, даже много раз изменявшего вере; она готова наложить на него покаяние, чтобы дать ему, таким образом, возможность снискать жизнь вечную; но кротость к одним не должна исключать строгости к другим. Так, всякий еретик, кающийся в своих заблуждениях и отрекающийся от них в первый раз, должен быть подвергнут покаянию, и ему должна быть оставлена жизнь. Но если он снова впадет в ересь, то, хотя на него и можно наложить покаяние, чтобы спасти его душу, он тем не менее должен быть казнен. Вот прямое и откровенное изложение политики церкви, которой она следовала всегда и неуклонно.

Не избегали гнева церкви даже мертвые. Человек, скрывший свое беззаконие и умерший смертью христианина, не должен был покоиться на освященной земле, за него нельзя было молиться. Считалось, что не только он избежал наказания, но и его имущество, подлежащее конфискации в пользу церкви и государства, незаконно перешло к наследникам; значит, это имущество следовало у них отобрать. Для возбуждения загробных процессов имелись превосходные основания. В предшествующую эпоху часто поднимался вопрос, можно ли предавать отлучению от церкви души умерших со всеми последствиями, которые это наказание влекло за собой в земной и в загробной жизни. Постепенно обычай отлучать мертвых от церкви сделался всеобщим, и в 382 году св. Иоанн Златоуст выступил против частого применения этого наказания, видя в этом безрассудное вмешательство человека в суд Божий. В 432 году Лев I стал на точку зрения св. Иоанна Златоуста, а в конце V столетия папа Геласий I и Римский собор одобрили это мнение; но этот вопрос был снова поднят на Пятом Вселенском соборе 553 года в Константинополе. Нужно было выяснить, могла ли церковь предать анафеме Феодорита Кирского, Ибаса Эдесского и Феодора Мопсуестского, умерших за сто лет перед этим; большинство отцов собора не соглашалось с этим; тогда Евтихий, человек очень начитанный в Священном Писании, напомнил, что благочестивый царь Иосия не только предал смерти бывших в живых языческих жрецов, но и вырыл кости умерших раньше. Этот довод был признан неопровержимым, и анафема была произнесена, несмотря на протесты папы Вигилия, который упорно оставался при своем мнении. Остроумная ссылка Евтихия, до того времени совершенно неизвестного, была принята константинопольским патриархом, и Вигилий был принужден подписаться под анафемой.

В 897 году папа Стефан VII счел себя вправе вырыть тело своего предшественника, папы Формоза, умершего за семь месяцев перед этим; тело покойного притащили за ноги и посадили перед собранием, созванным для суда над ним; так как он был признан виновным, то у трупа отрезали два пальца правой руки и бросили его в Тибр, откуда он был случайно выловлен и снова погребен. В следующем году новый папа, Иоанн IX, отменил весь этот суд и объявил, что никто не должен быть судим после смерти, так как всякому обвиняемому должна быть предоставлена возможность говорить в свое оправдание. Но это не помешало в 905 году Сергию III снова вырыть из земли тело Формоза, велеть облачить его в папские одежды и посадить на трон. После нового и торжественного обвинения несчастный труп был обезглавлен, у него были отрезаны три остальных пальца правой руки, и он был брошен в Тибр.

С течением времени обычай вырывать тело еретика вошел во всеобщее употребление; было признано, что великий грех предать погребению тело еретика или его покровителя — столь великий, что даже невольно виновный в нем мог получить прощение только в том случае, если собственноручно выроет тело.

Люди самой святой доброты, самого высокого ума, одушевленные самым чистым желанием добра ближнему, исповедующие религию любви и милосердия, проявляли страшную жестокость, когда дело касалось ереси, и были готовы подавить ее самыми бесчеловечными наказаниями. Св. Доминик и св. Франциск, св. Бонавентура и св. Фома Аквинский, Иннокентий III и Людовик Святой были, каждый в своем роде, людьми, которыми человечество может гордиться; и между тем еретики от них не знали пощады. Подобными людьми не руководили ни желание выгоды, ни

жажда крови, ни стремление к власти, но одно только желание выполнить свой долг.

Цивилизация той жестокой эпохи во многом отличалась от современной. Страсти были более сильны, убеждения — более пылки, пороки и добродетели — более рельефны. Воинственный дух господствовал повсюду; люди полагались более на силу руки, чем на силу слова, и обыкновенно хладнокровно смотрели на страдания себе подобных. Суровые уголовные законы Средних веков показывают, как мало у человека того времени было развито чувство жалости. Колесование, четвертование, котел с кипятком, костер, зарывание живьем в землю, сдирание кожи — вот обыкновенные приемы, с помощью которых криминалисты того времени старались предотвратить повторение преступлений; видом ужасных мучений они рассчитывали обуздать население. По англосаксонскому закону полагалось, что, если женщина-рабыня будет поймана в воровстве, восемьдесят рабынь должны принести каждая по три полена и сжечь виновную; сверх того, они должны были заплатить штраф. Во всей средневековой Англии костер был обычным наказанием за покушение на жизнь феодального владетеля. Император Фридрих II, самый блестящий монарх своего времени, приказал сжечь живыми в своем присутствии взятых в плен мятежников, и говорят даже, что он приказал заключить их в железные сундуки. Во Фрисландии поджигатель, совершивший свое преступление ночью, сжигался живым; по древнегерманскому праву убийцу и поджигателя колесовали. Во Франции женщин часто сжигали или зарывали живыми за самые ничтожные преступления; евреев же вешали за ноги между двух диких собак, а фальшивомонетчиков бросали в котел с кипятком. В Милане итальянская изобретательность придумала тысячи способов разнообразить и протягивать пытки. Уголовный кодекс Карла V, опубликованный в 1530 году, представляет отвратительный сборник казней, в котором говорится об ослепленных, искалеченных, исколесованных, разорванных раскаленными щипцами и о сожженных живыми. В Англии вплоть до 1542 года отравителей бросали в котел с кипятком, как это видно из дела Руса и Маргариты Дэви; государственная измена каралась повешением и четвертованием, а домашняя — костром; последнему наказанию подверглась в 1726 году в Тибурне Екатерина Гайес за убийство мужа. По закону Христиана V Датского, опубликованному в 1683 году, виновным в богохульстве вырезали язык, а затем их обезглавливали. Еще в 1706 году в Ганновере сожгли живым пастуха по имени Захарий-Георг Флагге за изготовление фальшивых денег.

Ересь считалась матерью всех перечисленных преступлений. Фома Аквинский доказывает, что ересь более всех преступлений отделяет человека от Бога, что она — преступление по преимуществу и наказания за нее должны быть самыми тяжелыми. Ни один католик не сомневался, что еретик был непосредственным и действенным орудием Сатаны в его вечной борьбе против Бога.

Глава VI Нищенствующие монахи

Высшее духовенство полагалось почти исключительно на силу, но этого было мало, чтобы

снискать доверие и уважение народа. На самых низших ступенях церковной иерархии стояли люди, видевшие яснее и имевшие более высокие идеалы; они знали все трещины здания и в своей скромной среде искали средства заделать их. Энтузиазм, с которым всюду встречали их призыв, показывает, как сильно чувствовалась в народных массах потребность в церкви, которая более соблюдала бы заветы своего Божественного Основателя.

Фульк из Нейльи был неизвестный малообразованный священник, но при этом глубоко убежденный, что забота о душах людей обязывает его на тяжелый подвиг проповеди веры. Иннокентий III дал ему разрешение проповедовать публично. Первый успех не оправдал ожиданий, но скоро ему все-таки удалось найти дорогу в сердца людей. Легенда объясняет внезапное торжество его проповеди наитием Святого Духа, давшим ему, кроме того, и дар творить чудеса. Говорили, что Фульк возвращал слух глухим, зрение слепым и поднимал на ноги разбитых параличом. Народ считал его святым, но он не был аскетом; в эпоху, когда умерщвление плоти считалось неизбежным спутником святости, он с удовольствием ел все, что ему давали, и не соблюдал канунов праздников. К тому же он был страшно вспыльчив и легко посылал к Сатане в когти тех, кто отказывался слушать его, и все были убеждены, что эти несчастные осуждены на скорую смерть. Тысячи грешников стекались слушать его и вступали на путь лучшей жизни, где, впрочем, вели себя не особенно строго. Фульк так успешно обращал на путь истины падших женщин, отрекавшихся под влиянием его проповеди от мира, что исключительно для них был основан в Париже монастырь Св. Антония. Он обратил также много катаров; и только благодаря ему удалось найти в пещере Феррика, известного ересиарха из Нивернэ, и сжечь его живым. Особенно строго относился Фульк к распущенности духовенства и из-за этого даже оказался в тюрьме; впрочем, ему удалось освободиться без всякой посторонней помощи.

В 1198 году папа Иннокентий III, более занятый завоеванием Святой земли, чем пробуждением душ, обратился к Фульку с просьбой проповедовать крестовый поход. Фульк принял за это с обычным своим рвением; и только благодаря ему Болдуин Фландрский и другие князья подняли крест; утверждали даже, что он собственноручно возложил священный символ на одежды 200 000 пилигримов, преимущественно останавливаясь на бедных, так как богатых он не считал достойными этого. Таким образом, Латинская империя, явившаяся результатом крестового похода, в значительной степени была созданием Фулька. Злые языки, но, конечно, без всякого основания утверждали, что он припрятал огромные суммы, собранные благодаря его увлекательному красноречию; достоверно одно, что христиане, сражавшиеся в Палестине, никогда не получали столько денег, как при Фульке; деньги им оказались особенно кстати, когда понадобилось восстанавливать стены Тира и Птолемаиды, разрушенные землетрясением. Умер Фульк в Нейльи в мае 1202 года, в то самое время, когда выступили в поход крестоносцы, которых он должен был сопровождать; все свое имущество он завещал пилигримам.

Совершенно не походил на Фулька каталонец Дурандо из Уэски. Он был одним из вождей вальденсов, но после диспута 1207 года в Памье с епископами Осмы, Тулузы и Консеранса обратился в католичество и посвятил себя обращению заблудших душ. Он писал трактаты против ереси и составил проект основания ордена, который служил бы образцом нищеты и бескорыстия и занялся бы проповедью веры; орден этот должен был сражаться с еретиками таким же духовным оружием, которым еретики отвращали людей от церкви. Иннокентий III после беседы с Дурандо одобрил его план. Большинство членов новой корпорации составилось из духовных лиц, уже раньше истративших все свое имущество на добрые дела. Отрекаясь от мира, они давали обет жить в самом строгом целомудрии, спать на голых досках, за исключением случаев болезни, молиться семь раз в день и соблюдать свои особые посты, кроме установленных церковью. Нищета возводилась в основное правило; никто не должен был думать о завтрашнем дне; никто не должен был принимать подарков золотом или серебром, разрешалось лишь принимать самое необходимое из пищи и одежды. Одежда была избрана белого или серого цвета с сандалиями, чтобы отличаться от вальденсов. Более ученые должны были проповедовать и обращать еретиков, но не обличать пороки духовенства; остальные должны были заниматься физическим трудом, чтобы уплатить церкви все десятины и иные приношения, которые она требовала. Забота

о бедных должна была стать одной из самых главных обязанностей нового ордена. Они имели право избирать своего начальника и не были подсудны суду прелатов. Орден бедных католиков — как они назывались — заключал в себе все то, что позднее было принято св. Домиником и св. Франциском. Это было началом великих нищенствующих орденов. В 1209 году Дурандо основал общины в Арагоне, Нарбонне, Безье, Узесе, Каркассоне и Ниме. Папа оказал Дурандо особое благоволение, разрешив светским членам его ордена не поднимать оружия против христиан и не давать присяги на светских судах, если это было совместимо с правосудием и с правами сюзеренов. Тем не менее после 1212 года о бедных католиках почти не упоминается.

Совершенно иной успех имел Доминго де Гузман, которого римская церковь чтит как самого великого из своих подвижников. Он родился в 1170 году в Каларуэге в Старой Кастилии. Десять лет учения в университете в Паленции сделали из него ученого богослова, и он во всеоружии вступил на миссионерскую стезю, которой посвятил всю свою жизнь. Вступив в капитул в Осме, он вскоре занял там место субприора, и в этом звании встретили мы его сопровождающим своего епископа, который с 1203 года немало потрудился в качестве миссионера в Лангедоке. Биографы Доминика сообщают, что особый случай натолкнул его на путь апостольской деятельности во время первого путешествия: ему пришлось остановиться в доме одного тулузского еретика, которого за ночь он обратил в истинную веру; первый успех, а равно неожиданное открытие, что зло распространилось очень широко, определили его деятельность. Когда в 1206 году епископ Диего отослал свою свиту, а сам остался проповедовать Евангелие, то он удержал при себе одного только Доминика, а когда умирающий Диего отправился домой в Испанию, то Доминик остался в Лангедоке и сделал его ареной своей деятельности.

Предание рисует Доминика одним из главных орудий падения альбигойской ереси, но, насколько известно из истории, его влияние было почти незаметно, хотя он был в числе тех, кому легат, с соизволения папы Иннокентия, разрешил в 1207 году проповедовать. Его организаторский талант проявился в основании монастыря в Пруйле. Одним из наиболее действенных средств, при помощи которых еретики распространяли свое учение, было основание бесплатных учебных заведений для бедных девушек из хороших семей; чтобы побить еретиков их же собственным оружием, Доминик выработал около 1206 года проект подобного заведения для католиков и осуществил его при помощи Фулька Тулузского. Пруиль сделался скоро богатым монастырем, который гордился тем, что он был колыбелью доминиканского ордена.

О следующих восьми годах жизни Доминика нам ничего не известно. Исторические сведения о нем начинаются снова после того, как сражение при Мюрэ разрушило все надежды графа Раймунда и казалось, что наступило торжество католичества и открылось широкое поле для мирного обращения еретиков. В 1214 году ему шел уже сорок пятый год и он находился в полном расцвете сил, но им ничего еще не было сделано такого, что предвещало бы его будущую славу. Рассказы о постоянных аскетических подвигах Доминика могут быть преувеличены. Но несомненно, много верного в легендах о его беспредельной доброте и любви к ближнему; будучи еще студентом, он во время голода продал все свои книги, чтобы помочь несчастным; если бы Господь не остановил Доминика, он продал бы в рабство самого себя, чтобы выкупить у мавров одного пленника, о котором очень горевала его сестра. Справедливы ли или нет эти рассказы, но они прекрасно раскрывают тот идеал, который проповедовал Доминик. Еретики Лангедока, беспомощные, были распростерты у ног Монфора, представляя легкую добычу для хищников; но в проекте Доминика говорилось только о мирном обращении. Он видел обязанность церкви в том, чтобы наставлять и убеждать, — обязанность, которой она так долго пренебрегала.

Все взоры были тогда обращены на Латеранский собор, которому предстояло решить участь Южной Франции. Фульк, отправляясь в Рим, захватил с собой Доминика, чтобы получить от папы утверждение новой монашеской общины. Иннокентий, как гласит предание, колебался, но колебания его были рассеяны сновидением: он видел во сне, что Латеранская базилика пошатнулась и уже была готова упасть, когда какой-то человек, в котором он узнал смиренного Доминика, поддержал ее своими сильными плечами. После этого Иннокентий одобрил план создания нового ордена с условием, что Доминик и его братья примут устав одного из существующих орденов.

Вернувшись, Доминик собрал свою братию. Последняя состояла тогда из шестнадцати

человек, пришедших с разных сторон — из Кастилии, Наварры, Нормандии, Северной Франции, Лангедока, Англии и Германии: поразительное доказательство могущества церкви, стиравшей и уничтожавшей все национальные различия перед религиозным идеалом. Эта монашеская община приняла устав регулярных каноников св. Августина, к которым принадлежал Доминик, и избрала аббатом Матвея Гальского; он был первым и последним, носившим это звание, так как внутреннее устройство ордена в дальнейшем изменилось. Орден делился на провинции, и каждая из них находилась в ведении своего провинциального приора; все приоры зависели от одного генерала. Все должности были выборными; существовали правила для заседаний капитулов, как провинциальных, так и общих. Всякий монах был обязан во всем повиноваться старшему по должности. Как солдат на действительной службе, он мог быть во всякое время послан на дело, если того требовал интерес церкви или ордена. Братья действительно были как бы воины рати Христовой; они не обрекали себя, как монахи других орденов, на созерцательную жизнь за стенами монастыря; наоборот, они должны были жить среди мирян, и их готовили к этому; они хорошо умели убеждать других, были сведущи в богословии и риторике и готовы на все решиться и все перенести в интересах воинствующей церкви. Братьями-проповедниками их назвал сам папа Иннокентий.

В первоначальном уставе ордена не было обета бедности. Он был принят в 1220 году, а в основные правила ордена был внесен только в 1228 году. С этого времени братьям-проповедникам запрещалось приобретать земли или арендные статьи, предписывалось не просить никогда ни у кого денег и вменялось в «великое прегрешение» хранить при себе ценные вещи. Сам Доминик в этом отношении служил примером крайней строгости. Он умер в Болонье в 1221 году на постели брата Монета и в его одежде, так как своей постели у него не было, а его единственная одежда изнасилась до нитки.

В год смерти Доминика орден уже насчитывал шестьдесят монастырей и был разделен на восемь провинций — Испания, Прованс, Франция, Англия, Германия, Венгрия, Ломбардия и Романья. Смерть его не задержала движения могущественной машины, им построенной и пушенной в ход. Повсюду самые образованные люди эпохи надевали на себя доминиканскую рясу; повсюду пользовались они уважением и почетом. Папство скоро оценило их заслуги, и мы вскоре уже встречаем их среди выдающихся деятелей курии. В 1243 году ученый Гуго Вьенский первый из доминиканцев был избран в кардиналы, а в 1276 году доминиканец Петр из Тарентезы оказался на престоле св. Петра под именем папы Иннокентия V.

Однако тот факт, что канонизация Доминика последовала не скоро после его смерти, показывает, что он произвел на современников не такое сильное впечатление, как уверяют его ученики. Он умер в 1221 году, и лишь 3 июля 1234 года папская булла причислила его к лику святых. Его великий соратник, или, вернее, соперник, Франциск, умерший в 1226 году, был канонизирован уже через два года после смерти, в 1228 году; молодой францисканец Антоний Падуанский умер в 1231 году, а был канонизирован в 1233 году; 12 апреля 1252 года был убит доминиканец св. мученик Петр, 31 августа был поднят вопрос о его канонизации, и не прошло года после его смерти (25 марта 1253 года), как он был уже признан святым. Тот факт, что между смертью и канонизацией Доминика протекло тринадцать лет, показывает, по-видимому, что его выдающиеся заслуги были оценены не сразу.

Если св. Доминик был деятельным и опытным миссионером, то св. Франциск, в миру Джованни Бернардоне, являлся аскетом-созерцателем. Он был сыном богатого купца в Ассизи, который предназначал его к коммерческой деятельности. Но когда ему исполнилось двадцать лет, опасная болезнь резко изменила его характер, он перестал предаваться жизни молодежи своего круга и посвятил себя делам благотворительности; он раздавал все, что мог, и отец обеспокоился, как бы он не пустил по ветру семейные накопления. Убедившись, что сына не переделать, он привел его к епископу, чтобы юноша перед духовным лицом отрекся от наследства. Франциск исполнил это, а чтобы сделать свое отречение более полным, он снял с себя все одежды, за исключением власяницы, которую носил для умерщвления плоти. Чтобы прикрыть его наготу, епископ должен был подарить ему старый крестьянский плащ.

С того дня Франциск повел скитальческую жизнь нищего, которая, впрочем, давала ему такие доходы, что на собранную милостыню он мог восстановить четыре пришедшие в упадок

церкви. Все мысли Франциска были направлены к трудам для собственного спасения, терпя добровольное нищенство и служа ближним, даже прокаженным; слава о его святости распространялась быстро. Вскоре к нему присоединились другие, и в конце концов образовалась группа из восьми человек. Тогда Франциск объявил, что настал час идти в мир проповедовать Евангелие, и они разошлись по двое во все стороны горизонта. Когда они сошлись снова, то к ним добровольно присоединились еще четверо; тогда Франциск выработал им устав, и все двенадцать, как говорит францисканское предание, чтобы получить признание от папы, явились в Рим, где в это время заседал Латеранский собор. Советники папы были сильно против основания нового ордена, но красноречие и серьезная убежденность Франциска увлекли папу; устав был одобрен, и братьям было разрешено идти проповедовать слово Божье.

В первое время они должны были зарабатывать себе пропитание личным трудом; прошение милостыни им разрешалось только в случае крайней нужды. Братья после некоторых колебаний посвятили себя евангельской проповеди, и вскоре францисканский орден стал одной из наиболее могущественных организаций христианского мира. Когда в 1221 году Франциск созвал первое общее собрание ордена, то присутствовало от трех до пяти тысяч, причем среди собравшихся были один кардинал и несколько епископов; на капитуле 1260 года орден разделили на тридцать три провинции и три викариата (наместничества), всех настоятельств было в нем сто восемьдесят два. К этому времени орден проник уже во все католические и даже в окрестные страны. Минориты (меньшие братья), как они сами называли себя, настолько отличались от всех существовавших в церкви монашеских орденов, что, например, в Германии и Венгрии их поначалу приняли за еретиков и изгнали. Во Франции их из-за строгости жизни сочли за катаров. В Испании пятьсот миноритов умерли мученической смертью. После этого возникла необходимость как-то оградить братьев от преследований, и Франциск составил новый устав, менее строгий, чем первый, и представил его папе Гонорию IV. Папа одобрил его, сделав, однако, некоторые изменения, но Франциск наотрез отказался менять что-либо в своем уставе, утверждая, что все пункты его продиктованы самим Иисусом Христом, и устав был принят в первоначальном виде.

Этот устав очень прост; в сущности, это не что иное, как краткое толкование клятвы, которую давал всякий брат в том, что будет жить по Евангелию в послушании, в целомудрии, в нищете. Всякий желавший вступить в орден должен был раздать свое имущество бедным; если то было невозможно, то достаточно было одного желания сделать это. Всякий мог иметь только самую необходимую грубую и дешевую одежду, обувь могли носить только те, кто совершенно не мог без нее обойтись. Все должны были странствовать пешком. Никто не должен был брать денег, ни сам лично, ни через третье лицо; только министры (главные провинциалы) могли брать деньги на уход за больными и покупку одежд, в особенности в странах с суровым климатом. Работа строго предписывалась всем способным к физическому труду; но вознаграждение за нее нельзя было брать деньгами, а лишь тем, что было необходимо братьям. Устав требовал полной нищеты и полного самоотречения и повиновения. Глава ордена — генерал-министр выбирался провинциальными министрами, которые могли сместить его, если этого требовали интересы ордена. Разрешения на проповедь давались генералом, но никто из братьев не имел права проповедовать в епархии без разрешения местного епископа.

Нищенствующие монахи явились в христианстве как бы откровением. Оказывается, было немало людей, готовых отречься от всех прелестей жизни и пойти по стопам апостолов, чтобы обращать грешников и неверных, будить заснувшую совесть, наставлять людей темных и нести всем спасение; одним словом, было немало людей, готовых безвозмездно делать то, чего не делала церковь за тысячи привилегий и за несметные богатства. Странствующие пешком по всей Европе под палящими лучами солнца или под холодным ветром, отвергающие подавание деньгами, с благодарностью принимающие черствый кусок хлеба, часто переносящие голод с молчаливым смирением перед волей Бога, не заботящиеся о завтрашнем дне, неустанно занятые делом спасения душ от когтей Сатаны, стремящиеся поднять человека над мелочными дрязгами повседневной жизни, всегда приходящие на помощь людям в их слабостях и вносящие в их мрачную душу небесный свет — вот в каком виде предстали первые доминиканцы и францисканцы перед людьми, привыкшими видеть в священнике и монахе человека суетного,

алчного, чувственного, думающего только об удовлетворении своих желаний. И нет ничего удивительного, что подобное явление в значительной степени содействовало возрождению в людях веры в христианство, столь сильно пошатнувшейся; нет ничего удивительного, что оно распространило по всему христианскому миру надежду на близкое возрождение церкви — надежду, которая давала терпение переносить ее лихоимство и помешала вспыхнуть всеобщему восстанию, которое изменило бы характер современной цивилизации.

Нет ничего удивительного также и в том, что народ окружал нищенствующих монахов любовью и поклонением и люди, проникнутые искренним убеждением, стремились в их ряды. Народная благотворительность так щедро одаряла их, что можно было опасаться за сохранение их основного обета бедности. Самые высокие и благородные умы видели в образе нищенствующего монаха осуществление своих лучших стремлений. Всякий раз, когда в XIII веке человек поднимался над своей средой, его почти наверняка можно найти в одном из нищенствующих орденов.

Организаторские таланты Франциска и Доминика сказались также в создании терциариев — людей, которые принимали на себя обеты и жили в соответствии с духовностью своего ордена, но не покидали мир. Франциск обладал красноречием, проникавшим в сердца слушателей; однажды проповедь его произвела такое глубокое впечатление, что все население города, где он был — мужчины, женщины и дети, — умоляли принять их в орден. Так как это было совершенно невозможно, то он выработал устав, который позволял лицам обоего пола, не выходя из мира, следовать спасительному учению и присоединиться к ордену, который, в свою очередь, обещал им свое покровительство. Из ограничительных обязательств, налагаемых этим уставом на таких последователей, самым значительным было запрещение прибегать к оружию, за исключением тех случаев, когда приходилось поднимать его на защиту римской церкви, христианской веры и своих собственных земель. Проект был одобрен папой в 1221 году; официальным названием нового установления было «братья и сестры покаяния», но в народе оно стало известно под именем Третьего ордена миноритов или францисканцев. Подобную общину создал и Доминик, дав ей более вызывающее название — «милиция Иисуса Христа». Эта идея была замечательно плодотворна: она в известной мере позволила реорганизовать церковь, уничтожив часть преград, отделявших мирян от духовных лиц; она дала огромную силу нищенствующим орденам, привлекая в их ряды множество ревностных и серьезных людей наряду с теми, которые под влиянием менее возвышенных побуждений искали их протекции и желали пользоваться плодами их влияния. Терциариев того и другого вида мы находим во французском королевском доме, где и Людовик Святой, и Екатерина Медичи принадлежали к Третьему ордену св. Франциска.

Все благоприятствовало нищенствующим орденам. Папский двор скоро увидел в них более действенное, чем все прежние, средство для подчинения всех христианских земель Святому престолу; эти ордена были призваны уничтожить независимость местных прелатов, сломить светских врагов папства и стать звеном между народом и наместником св. Петра. Им были предоставлены всевозможные привилегии и льготы, и, наконец, Григорий IX и Иннокентий IV целым рядом булл от 1240 и 1244 годов сделали их совершенно независимыми от местных церковных властей. Древний канон гласил, что отлучение от церкви или анафема могли быть сняты только тем, кто наложил их; этот канон был изменен в пользу нищенствующих монахов. Члены каждого ордена были ответственны теперь только перед своими высшими чинами и в своих бесконечных странствиях по всей Европе могли отныне подрывать могущество и влияние местных духовных властей, противопоставляя им всемогущество Рима, непосредственными представителями которого они являлись.

Отмена подсудности нищенствующих монахов местным судам порождала казусы. Например, когда в 1435 году легаты, посланные Базельским собором, прибыли в Брюнн, чтобы уладить соглашение с гуситами, они застали все население в страшном возбуждении: доминиканский провинциал соблазнил монахиню своего ордена и она только что родила; против же провинциала не было принято никаких мер. Легаты приговорили виновного к лишению сана и к заключению на всю жизнь в тюрьму на хлеб и на воду, но приговор этот не был приведен в исполнение, поскольку было сочтено, что провинциал не подлежит юрисдикции легатов.

Но, как бы то ни было, отныне Святой престол имел в своем распоряжении собственную

армию, всецело преданную интересам Рима. В 1241 году Григорий IX дал братьям право свободно жить среди отлученных и принимать от них содержание и пищу. Таким образом, они могли проникать всюду и служить тайными лазутчиками даже во владениях тех, кто был враждебно настроен против папства. Никогда человеческая изобретательность не создавала более грозной силы, ибо монахи были глубоко убеждены в правоте своего дела, а окружавший их ореол высшей святости повсюду обеспечивал им расположение и поддержку народа и давал большое преимущество в постоянных спорах с местными священниками.

Сила новой армии в войне Святого престола с его светскими врагами подверглась испытанию в борьбе пап с Фридрихом II. В 1229 году всех францисканцев изгнали из Неаполитанского королевства как папских лазутчиков, возмущавших подданных императора. В 1234 году в Англии они собирали деньги для папы на продолжение борьбы с Фридрихом. Когда Григорий на Пасху 1239 года отлучил императора от церкви, он поручил донести свой эдикт до народа францисканцам. А когда Лионский собор в 1244 году низложил Фридриха, то огласить это решение было поручено доминиканцам. Фридрих всегда утверждал, что заговор на его жизнь в 1244 году был делом францисканцев, которые тайно проповедовали крестовый поход против него в его же собственных землях. Когда папе разными интригами удалось в 1246 году избрать вместо Фридриха римским королем Генриха Распе Тюрингенского, Иннокентий IV повелел францисканцам всемерно защищать его интересы. В 1248 году братья обоих орденов были снова посланы сеять смуту среди подданных Фридриха. Император ответил на это повелением не изгонять, как прежде, а сжигать нищенствующих. Однако нищенствующие монахи продолжали проповедовать крестовый поход против Фридриха, а после его смерти против его сына Конрада.

Со временем нищенствующие монахи начали вместо епископов сообщать народу папские распоряжения или приводить их в исполнение. Они представляли сеть невидимой полиции, охватившую всю Европу. Раньше, когда поступала в Рим жалоба на злоупотребления какого-либо прелата, составляли комиссию из двух-трех епископов или местных аббатов и поручали ей произвести следствие и представить отчет или реформировать церковь или монастырь, где было обнаружено злоупотребление. Вскоре эти важные обязанности стали поручаться одним только нищенствующим монахам, через которых папская власть давала знать о себе во всех епископских дворцах и во всех аббатствах Европы.

Нетрудно понять, что эта роль следователей, навязанная нищенствующим монахам, вызвала столкновение между новыми орденами и старым строем, который они стремились изменить. Впрочем, это было одним из незначительных поводов к антагонизму, проявившемуся в скором времени. Гораздо более серьезной причиной к несогласиям было предоставление нищенствующим монахам права проповеди и исповеди. Ленивые и чувственные, всецело поглощенные увеличением своих доходов, священники не заботились о душах своих прихожан и в то же время не допускали никакого постороннего вмешательства, которое могло бы сократить их доходы. В многолюдном Монпелье была всего только одна церковь, где можно было исповедаться. В Иперне, имевшем до двухсот тысяч жителей, в 1247 году было только четыре приходские церкви.

В уставе доминиканцев 1228 года было обусловлено, что никто из братии не может проповедовать в епархии без согласия местного епископа и что проповедник не должен обличать пороки духовенства. В уставе св. Франциска это было также предусмотрено. Но когда в 1227 году Григорий IX ознаменовал свое вступление на папский престол предоставлением обоим орденам права проповедовать, исповедовать и отпускать грехи повсеместно, странствующие монахи, вопреки своим уставам, постепенно захватили все приходы и взяли на себя все заботы о душах людей к великому неудовольствию местного духовенства, которое из-за этого теряло свои главные доходы и влияние.

Еще более увеличивало поводы к столкновениям то обстоятельство, что миряне повсюду оказывали самый лучший прием пришельцам и предпочитали их своим священникам. Горячность их проповеди и слава их святости привлекали народ толпами и к кафедре, и к исповедальне. Они были несравненно более ловкими руководителями душ, чем их нерадивые соперники из белого духовенства, и народ думал, что наложенная ими епитимья более приятна Богу, а данное ими отпущение грехов более действенно. Духовенство утверждало, что они были обязаны своим

успехом индульгенциям, но монахи не без основания возражали на это, что миряне приглашают их, а не священников к себе и своим женам главным образом потому, что приходские священники — пьяницы и развратники.

Прибывая куда-нибудь, брат сейчас же ставил свой переносной алтарь. Если кающиеся толпились около исповедальни, он оставался в населенном пункте на несколько дней, а иногда поселялся навсегда. Если в местности жило много людей, то к нему присоединялись другие братья. Благочестивые люди щедро одаривали их; они строили скромную часовню, затем монастырь и, наконец, целый ряд зданий, которые затмевали приходскую церковь и привлекали к себе людей. Мало того, умирающие в последние минуты жизни облакались в рясу нищенствующих монахов, завещая свое тело братьям и делая их своими наследниками; отсюда возникали новые ссоры, обострявшиеся все более и более и напоминавшие ссоры хищников над падалью. В Пампелуне в 1247 году несколько покойников оставались долгое время непогребенными из-за горячих споров между канониками и францисканцами. Когда согласились делить бранные останки, доля приходских священников колебалась в пределах от половины до четверти; но это соглашение дало только повод к новым пререканиям. Почти всегда, когда дело доходило до явного разрыва, папа Иннокентий IV решал дело в пользу монахов.

Правда, в конце своего правления в ноябре 1254 года Иннокентий IV неожиданно издал буллу в пользу белого духовенства. Монашествующим орденам запрещалось допускать в свои церкви в воскресные и праздничные дни прихожан других церквей; они не имели права исповедовать без особого на то разрешения приходских священников; они не должны были говорить проповедей в своих церквах перед обедней, чтобы не отвлекать молящихся от приходских церквей; наконец, они не должны были проповедовать в этих церквах, когда там проповедовали сами епископы или кто-либо по их поручению. Для монашествующих орденов эта булла была поистине ужасна, так как одним ударом уничтожала здание, воздвигнутое ценой стольких трудов и лишений.

Смерть Иннокентия стала для них настоящим спасением. Новый папа Александр IV был всецело на стороне орденов. 31 декабря, через десять дней после своего избрания, он обратился к обоим орденам с грамотами, прося их молитв и предстательства за него перед Богом; в тот же день особой энцикликой он отменил «ужасную буллу» Иннокентия и признал ее не имеющей силы. Кроме того, Александр предложил всем проповедникам воздерживаться от нападков на нищенствующих под угрозой потери своих бенефиций.

Победа нищенствующих монахов была полная. Это возбудило против них глубокую вражду всего духовенства, которое боялось за свои привилегии, богатства и авторитет и понимало, что новая папская милиция окончательно подчинит его Риму и лишит последней независимости. При этом нужно сказать, что доминиканцы и францисканцы совершенно не имели высоких добродетелей, которыми отличались их основатели. Лишь только ордены стали распространяться, как появились лжемонахи, смеющиеся над обетом бедности и пользующиеся проповедью как источником для грязных доходов. В 1233 году папа Григорий IX был вынужден строго напомнить главному капитулу доминиканцев, что бедность, проповедуемая орденом, должна быть действительной, а не притворной. Постоянное употребление папами братьев в качестве политических лазутчиков, естественно, отвлекало их от их духовных обязанностей, привлекало в их среду людей честолюбивых и беспокойных и, наконец, наложило на эти ордены светский характер, совершенно противоположный их первоначальной идее.

«Ангельская религия» францисканцев была подвержена всем печальным превратностям человеческой слабости. Это обнаружилось еще при жизни св. Франциска, который сложил с себя обязанности генерала ордена вследствие злоупотреблений, которые начали проявляться; причем он заявил, что согласился бы оставаться генералом ордена, если бы братья следовали по указанному им пути. Столкновения между теми, кто вступал в орден по убеждению, и теми, кто вступал в него из честолюбия, были неизбежны. Св. Франциску не нужно было быть пророком, чтобы предсказать на смертном одре близкие соблазны, междоусобные распри и преследование тех, кто не пожелает разделять заблуждения. Это предчувствие исполнилось с поразительной точностью, равно как и другое предсказание святого — о том, что скоро наступит день, когда орден будет настолько обесчещен, что членам его будет стыдно показываться среди народа.

Преемник Франциска Илия сильно подвинул развитие ордена, но в направлении, противоположном тому, которое было дано ему первоначально. Самый ловкий и хитрый политик Италии, он увеличил влияние и деятельность францисканцев до таких пределов, что нарушения устава, ставшие очень частым явлением, так сильно смутили членов братии, что они принудили Григория IX сменить Илию.

Братья прибегали ко всем тонкостям диалектики, чтобы согласовать обладание несметными богатствами с предписанным уставом отрицанием всякой собственности. Убогие хижины, в которых приказывал жить св. Франциск, обратились в великолепные дворцы, которые воздвигались по всем городам и как бы соперничали своим блеском с богатыми соборами и роскошными аббатствами, окружавшими их. Св. Бонавентура, занявший в 1257 году пост генерала ордена францисканцев, разослал своим провинциалам энциклику, заканчивавшуюся следующими словами: «Бесчестная и низкая ложь — проповедовать полную нищету и в то же время ни от чего не отказываться; на народе просить милостыню, как нищий, а дома у себя утопать в роскоши». Но упреки св. Бонавентуры не изменили дела, и борьба внутри ордена продолжалась и дошла до того, что были признаны еретиками те, кто строго следовал уставу.

В следующем столетии францисканцы и доминиканцы одинаково дали волю своим светским вождениям. Св. Бригитта в своих «Откровениях», признанных церковью внушенными свыше, прямо говорит, что эти монахи, «вопреки их обету нищеты, собрали несметные богатства, что они думают только о том, как бы увеличить их, что они одеваются так же роскошно, как епископы, и что многие из них щеголяют такими украшениями и драгоценностями, которых не носят самые богатые из мирян».

Таково было развитие нищенствующих орденов в их сложных отношениях к церкви. Но их широкая деятельность не ограничивалась защитой Святого престола и возрождением религиозного чувства. Одним из основных занятий францисканцев и доминиканцев было миссионерство, и на этом поприще они дали достойные примеры иезуитам, своим преемникам в XVI и XVII столетиях. Св. Франциск намеревался посетить Марокко в надежде обратить в христианство короля Мирамолина и уже прибыл в Испанию, но болезнь заставила его вернуться назад. Через тринадцать лет после своего обращения он совершил путешествие в Сирию, чтобы обратить в христианство местного владыку, несмотря на то что в это время шла война с сарацинами. Захваченный в плен в неприятельском лагере, он со своими спутниками, закованный в цепи, был приведен к владыке и изъявил готовность, в подтверждение истины своих верований, подвергнуться испытанию огнем. Владыка предложил ему богатые подарки, но он отверг их и был отпущен на свободу. Ученики его следовали этому примеру. Ни расстояние, ни опасность никогда не останавливали миссионерской деятельности францисканцев. В этом отношении между ними и доминиканцами шло благородное соревнование, так как и св. Доминик начертал широкий план миссионерской деятельности. С 1225 года мы находим миссионеров обоих орденов в Марокко. В 1223 году францисканцы были посланы для обращения дамасского султана Мирамолина, калифа и вообще народов Азии. В 1237 году стараниями доминиканцев были воссоединены с церковью якобиты Востока; они же подвизались среди несториан, грузин, греков. Такие же индульгенции, как крестоносцам, давались и тем, кто отправлялся в эти опасные миссии, где лишения и климат не были единственными страшными врагами. Девяносто доминиканцев приняли мученическую смерть от куманов в Восточной Венгрии в то время, когда там хозяйничали орды Чингисхана.

Булла Александра IV от 1258 года дает нам понятие о размерах миссионерской деятельности францисканцев; она адресована к братьям в землях сарацин, язычников, греков, болгар, куманов, эфиопов, сирийцев, иберийцев, алан, катаров, готов, зихоров, руссов, якобитов, нубийцев, несториан, грузин, армян, индийцев, московитов, татар, мадьяр, а также к миссионерам среди христиан, плененных турками. Каким бы странным ни казался этот перечень, он свидетельствует о том, как широко распространялась деятельность энергичных и самоотверженных братьев. Среди татар успехи их были вначале очень значительны, сам великий хан принял крещение, а общее число обращенных было так велико, что потребовалось назначить епископа, чтобы образовать из них общину; но хан отступил от веры, миссионеры были перебиты, и тому же подверглись многие из обращенных. Миссионерство среди армян

ознаменовалось обращением царя Гайка, вступившего в орден под именем брата Иоанна. Это не был единственный францисканец царской крови: св. Людовик Тулузский, сын Карла Хромого Неапольского и Провансальского, отказался от предложенной ему отцом короны, чтобы сделаться францисканцем. Быть может, с меньшим доверием следует относиться к рассказу доминиканцев о том, что восемь миссионеров проникли в 1316 году в империю владыки Иоанна Абиссинского и основали там настолько прочную церковь, что полвека спустя там можно было организовать инквизицию, во главе которой был поставлен брат Филипп, сын одного из вассальных царьков владыки Иоанна. В своем рвении он напал, вооруженный духовным и мирским оружием, на другого местного царька, бывшего двоеженцем, и был изменнически умерщвлен последним 4 ноября 1366 года; его мученическая смерть и его святость были засвидетельствованы многочисленными чудесами. С чувством законной гордости вспоминают францисканцы, что члены их ордена сопровождали Христофора Колумба в его втором путешествии, горя нетерпением начать духовное завоевание Нового Света.

Но нас занимает другое специальное поле деятельности нищенствующих; это — обращение и преследование еретиков, инквизиция, которую они сделали своим орудием. Она должна была неизбежно попасть в их руки, как только бессилие старых духовных судов сделало необходимым создание нового учреждения. Открыть еретика и доказать его вину было нелегко; для этого нужно было иметь специальную подготовку, именно ту самую, которую старались дать своим adeptам ордены, подготавливая их к деятельности проповедников и исповедников. Воины креста Господня, не связанные с местом, готовые по первому знаку идти на самый край света, всей душой преданные Святому престолу, были незаменимыми слугами папской инквизиции, которой суждено было постепенно заменить собой епископский суд и привести в подчинение местные церкви.

Мнение, что Доминик был основателем инквизиции и первым генерал-инквизитором, неразрывно связано с католической традицией; его подтвердили все историки ордена и все панегиристы инквизиции; оно было санкционировано Сикстом V, а чтобы устранить всякое сомнение, приводят буллу Иннокентия III, возлагающую на Доминика обязанности генерал-инквизитора. Но мы можем сказать, что ни одно церковное предание не покоится на более шатком основании. Несомненно, Доминик лучшие годы своей жизни посвятил борьбе с еретиками; вполне достоверно также, что он, как и все остальные ревностные миссионеры того времени, если не удавалось ему убедить еретика, с радостью являлся у пылающего костра; но в этом он не отличался от других фанатиков.

Не менее страдает преувеличением утверждение, что организация инквизиции и ее упрочение были делом одного доминиканского ордена. Рим никогда не возлагал официально на доминиканцев инквизиторских обязанностей; не было также никакого официального постановления об учреждении инквизиции. Доминиканцы были только наиболее подходящим и лучше подготовленным орудием для розыска скрывающихся еретиков, тем более что их главной обязанностью были проповедь и обращение. Когда же обращение уступило преследованию, то не менее полезными оказались и францисканцы, которые разделили с доминиканцами все труды по организации инквизиции. Впрочем, всякий раз, когда того требовали обстоятельства, не задумывались возлагать инквизиторские обязанности и на любое духовное лицо.

Несомненно, первые инквизиторы были из доминиканцев. Когда, после заключения договора между Раймундом Тулузским и Людовиком Святым, серьезно принялись за уничтожение альбигойской ереси, епископские суды оказались не в силах выполнить эту задачу, и были посланы доминиканцы, которые должны были работать под руководством епископов. Понемногу в руки доминиканцев перешла борьба с ересью и на севере Франции. В 1232 году их рекомендовали таррагонскому архиепископу как людей, опытных в деле розыска еретиков, хотя формально ведение расследований было поручено им в 1249 году. Вскоре юг Франции был разделен между ними и францисканцами. В Италии Иннокентий IV в 1254 году предоставил доминиканцам Ломбардию, Романью, Тревизо и Геную, а центральная часть полуострова была отдана францисканцам; в Неаполе в это время инквизиция еще не была введена.

Иногда оба ордена работали совместно. В 1237 году францисканец был присоединен к доминиканцу в Тулузе в надежде, что репутация относительной кротости, которой славились

францисканцы, смягчит отвращение населения к новому учреждению. В апреле 1238 года Григорий IX назначил провинциалов обоих орденов в Арагоне инквизиторами этого королевства; то же и в том же году сделал он и в Наварре. В 1255 году францисканский настоятель Парижа был вместе с доминиканским приором поставлен во главе французской инквизиции. В 1267 году оба ордена посылают инквизиторов в Бургундию и Лотарингию; в 1311 году два доминиканца и один францисканец совместно являются инквизиторами в Равенне.

Но все же признали благоразумным строго разграничить юрисдикцию обоих орденов, чтобы предотвратить трения между ними. Так, например, в 1266 году горячая ссора возникла между доминиканцами Марселя и францисканцем — инквизитором этого города. Раздор распространился по всему Провансу — в Форкалькье, Авиньоне, Арле, Бокере, Монпелье и Каркассоне; повсюду францисканцы и доминиканцы публично проповедовали друг против друга и возводили друг на друга всевозможные обвинения. Многочисленные послания Климента IV показывают, что папа был принужден вмешаться в дело; он запрещает на будущее время инквизиторам пользоваться своей властью для взаимных преследований. Но по-видимому, это запрещение соблюдалось не особенно строго, так как два столетия спустя, в 1479 году, Сикст IV был снова принужден запретить инквизиторам привлекать к суду членов соперничавшего с ними ордена. Как ревностно охраняли монахи границы своих территорий, прекрасно видно из спора, возникшего в 1290 году по поводу Тревизо. Эта территория принадлежала доминиканцам, но в течение многих лет обязанности инквизитора исполнял в ней францисканец Филипп Банаккорсо. Когда в 1289 году он получил епископскую кафедру в Тренте, доминиканцы, считавшие, что инквизиторские обязанности в Тревизо будут возложены на них, возмутились, когда их передали опять францисканцу брату Бонаджункта. Ломбардский инквизитор доминиканец брат Пагано и его викарий брат Вивиано зашли так далеко в своем сопротивлении, что в Вероне вспыхнули серьезные беспорядки; в дело вмешался папа Николай IV, лишивший виновных права отправлять их обязанности. Еретики, конечно, с удовольствием смотрели, как их преследователи занимались преследованием друг друга.

Вражда между двумя орденами была настолько сильна, что Климент IV счел необходимым определить, чтобы между их владениями постоянно находилась нейтральная полоса по крайней мере в 3000 футов; распоряжение это вызвало целый ряд всевозможных недоразумений. Возникли даже споры о праве на место в процессиях и при погребениях.

Как бы то ни было, оба нищенствующих ордена с начала XIII века были наиболее деятельной силой церкви. Хотя их первоначальное самоотречение и было добродетелью весьма редкой и весьма хрупкой и не могло долго оставаться в своей чистоте и неприкосновенности, все же, несмотря на то что нищенствующие монахи быстро опустились до уровня окружавшего их общества, смело можно сказать, что труды их и их старания не пропали даром. Они напомнили людям некоторые забытые ими евангельские истины; они оставили глубокий след в развитии средневекового общества — как в хорошем, так и в дурном отношении.

Глава VII

Установление инквизиции

Альбигойские крестовые походы положили конец открытому сопротивлению, но число еретиков не уменьшалось, только стало труднее обнаруживать их, так как они стали тщательнее скрываться. Мы уже видели, как неумело действовали местные прелаты. Ведь те духовные лица, которым следовало подавить ересь, должны были провести дело через три неизбежные ступени: обнаружение виновного, доказательство виновности и, наконец, наказание.

Епископы ожидали, пока народная молва не указывала им на отдельного человека или на целую группу людей как на зараженных ересью. Когда виновность подозреваемого была выяснена, редко находили внешние доказательства его вины, ибо сектанты очень старательно исполняли все обряды; с другой стороны, духовенство, мало сведущее в богословии, обыкновенно было не в состоянии добиться признания у людей, привыкших к умственной работе.

Пытка еще не применялась в судебной практике; но дикое применение ордалий, к которым так часто прибегали, показывает, насколько духовенство чувствовало себя бессильным перед лицом новых обязанностей. Даже сам св. Бернар одобрил эту меру, а Реймский собор 1157 года узаконил применение ее в тех случаях, где подозревалась ересь. Одна бедная женщина, обвиненная в катаризме, была лишена пищи, пока на исповеди она не убедила священника в своей невиновности и не получила совета подвергнуться испытанию раскаленным железом, но она выиграла только то, что подвергла себя дважды действию огня: сначала раскаленного железа, а потом костра. Но мало-помалу, под влиянием римского права, этот судебный прием потерял уважение в глазах церкви. Иннокентий III официально запретил его в 1212 году, после того, как епископ Страсбургский Генрих Веринген применил ордалию, чтобы уличить огромное число еретиков. Латеранский собор 1215 года, следуя примеру Александра III и Луция III, запретил лицам духовного звания участвовать в Божьем суде любого рода. Невежественные прелаты были поставлены в крайнее затруднение: как же тогда узнать правду? Это, на их взгляд, сильно усложнило судопроизводство.

Тем не менее существовала общая система розыска и постоянного следствия для раскрытия преступлений, в том числе и ереси. Так как применение этой системы породило инквизицию, нам следует остановиться на ней. Идея правильного розыска нарушителей закона была свойственна как гражданскому, так и каноническому суду. В империи Карла Великого специальные чиновники объезжали империю, собирая справки обо всех случаях беспорядков, преступлений, несправедливости; они имели право суда над мирянами и духовными лицами. Капетинги во Франции приняли аналогичную систему расследования. Следствия против людей, казавшихся подозрительными населению, породили систему Большого жюри — прототипа папской инквизиции в первоначальном виде.

Инквизиция подражала практике, существовавшей с X века: прибывавший в приход епископ избирал из уважаемых людей нескольких, которые давали клятву открыть без страха и

лицеприятия все, что они знали или узнают впоследствии о преступлениях или злодеяниях, требующих следствия. Был составлен длинный вопросный лист, которым руководствовались епископы при выборе этих священных свидетелей. В 1184 году в Вероне папа Луций III по настоянию Фридриха Барбароссы с одобрения епископов издал декреталий (постановление в виде послания), в котором потребовал от всех суверенов присяги в том, что они будут помогать церкви в преследовании ереси, и приказал всем архиепископам и епископам или их представителям посещать раз или два в год все приходы, где было малейшее подозрение на существовании ереси; они должны были от нескольких людей хорошей репутации или даже всех жителей получить клятву, что они выдадут всякого подозреваемого в ереси. Все, отказавшиеся дать такую клятву, должны быть осуждены и наказаны как еретики. Прелат должен вызывать к себе подозреваемых и, если они не могут оправдаться, наказывать их по своему усмотрению. Упорствующие еретики, отказывающиеся отречься и вернуться в лоно церкви, а также снова впавшие в ересь после отречения от нее, должны быть переданы в руки светской власти для наказания. Покровителям ереси было отказано в праве быть адвокатами или свидетелями и занимать какую-либо общественную должность.

В Авиньоне в 1209 году собор под председательством папского легата Гуго принял ряд мер, в сущности подтверждавших декреталий папы Луция III. Кроме того, приходских священников обязали присоединиться к мирянам, священным свидетелям или к местным расследователям ереси. Эта система, утвержденная в 1215 году собором в Монпелье, вызвала многочисленные преследования и костры. В 1215 году Латеранский собор еще раз подтвердил инструкции Луция III. Собор решил, что все епископы, которые будут небрежно исполнять свои обязанности, должны быть смещены с кафедр.

Эта угроза, однако, не оказала желательного действия. Правда, то там то сям появлялись фанатики вроде Фулька Тулузского или Генриха Страсбургского, которые все свои силы клали на подавление ереси, но большинство прелатов не делало ничего для дела инквизиции. Мы и без свидетельства современника Луки Тьюи знаем, что большинство епископов относились к искоренению ереси без чрезмерного рвения, а многие обращали ее в источник доходов. Когда их упрекали в бездеятельности, они отвечали: «Как осуждать людей, которые не уличены в преступлении и не признаются в нем?»

Папы образовывали время от времени нечто вроде инквизиции легатов, своих прямых полномочных представителей. По мере расширения юрисдикции пап легаты сделались полезными орудиями вмешательства папы в дела епархий — они принимали решающее участие в преследовании еретиков. В сентябре 1209 года собор в Тулузе принял канон, предписывавший всем архиепископам, епископам и независимым аббатам привлекать к борьбе с ересью «священных свидетелей» — такая должность была учреждена в епархиях согласно решению Нарбоннского собора 1227 года. В последующие годы необходимость «священных свидетелей» подтверждали соборы в Арле в 1234 году, в Туре в 1239 году, в Безье в 1246 году и в Альби в 1254 году. В эти же годы были и отдельные случаи, когда учреждались инквизиции легатов. В 1237 году инквизиторы Тулузы действовали с полномочиями легатов. В 1239 году Григорий IX предписал тулузским инквизиторам следовать указаниям его легата, в обход прав епископов.

Общественное мнение господствующих классов Европы требовало, чтобы ересь была во что бы то ни стало уничтожена. Однако, когда кончилось открытое сопротивление, желанная цель оказалась дальше, чем когда-либо прежде. Еретики прикрывались плащом верности католичеству, а когда случайно открывалось их гнездо, судье обыкновенно не хватало подготовки и ловкости, чтобы вырвать у них признание. При отсутствии открытого противостояния было довольно трудно раскрыть тайные мысли сектантов; для этого требовались специально подготовленные люди, единственным делом которых было бы исследование чужих убеждений.

Нищенствующие ордена вполне годились для работы, которая была не под силу епископским судам. Ведь необходимы были постоянные суды исключительно для подавления ереси, совершенно изъятые из-под влияния местных страстей и личных счетов. Следователями и судьями должны были стать люди, специально подготовленные для раскрытия и обращения еретиков. Огромная популярность нищенствующих монахов обеспечивала усердное содействие

населения, на которое не могли рассчитывать епископы, обычно находившиеся во враждебных отношениях со своими духовными чадами. Нищенствующие ордена были особенно преданы папству, и они сделали из инквизиции могущественное орудие для увеличения влияния Рима и уничтожения последних остатков независимости местных церквей.

Постепенно совершенствовалось и светское законодательство против ереси. В Англии и в Арагоне уже в XII веке появились соответствующие эдикты. Император Генрих VI в 1194 году предписал отбирать имущество еретиков, накладывать на них суровые наказания, разрушать их дома и подвергать крупным штрафам общины и отдельных лиц, если они не будут содействовать их задержанию; в 1210 году эти предписания были подтверждены Оттоном IV. В 1217 году граф Русельона объявил еретиков вне закона; в 1228 году король Арагонский последовал его примеру. Французский король Людовик VIII предписал за ересь конфискацию имущества и лишение всех прав, а государственные чиновники получили приказание карать всех, кто будет уличен в ереси. Подействовавшим в 1227 году статутам Флоренции епископ во всех случаях преследования ереси должен был действовать совместно с городской администрацией. В Милане в 1228 году были приняты новые законы по настоянию папского легата Готфрида; еретиков надлежало изгнать из пределов республики, дома их разрушить, имущество конфисковать; крупному штрафу подвергался каждый человек, давший им пристанище.

Для розыска еретиков, которых должны были допрашивать и судить архиепископ и городские власти, была учреждена полусветская-полудуховная инквизиция; всех, кто будет уличен в ереси, следовало в десятидневный срок предавать смертной казни. Иннокентий III на Латеранском соборе 1215 года рядом суровых постановлений определил отношение церкви к еретикам, а также обязанности светской власти, которая должна была уничтожать их под угрозой обвинения в вероломстве. В ряде указов с 1220 по 1239 год Фридрих II опубликовал подробный и безжалостный кодекс преследования, основанный на канонах Латеранского собора. Люди, которых только подозревали в ереси, должны были подвергнуться искуплению вины. Все еретики, без различия их учений, объявлялись вне закона; если они были осуждены церковью, их следовало выдать светским властям для сожжения живыми. Если из страха смерти они отступали от своих верований, их следовало заключить в тюрьму на всю оставшуюся жизнь; если же они снова впадали в свои заблуждения, их нужно было предать смерти. Все имущество еретиков подлежало конфискации, и их законные наследники лишались права наследования. Их потомки до второго поколения лишались права занимать какую-либо должность, если они не заслуживали прощения, сделав донос на своего деда или отца или на какого-либо еретика. Все католики — соумышленники, покровители, защитники или ходатаи еретиков подлежали вечному изгнанию, их имущество подлежало конфискации, а их дети разделяли участь детей еретиков. Защищавшие заблуждения еретиков рассматривались как еретики, если только они не меняли свое поведение после предупреждения. Дома еретиков и тех, кто давал им пристанище, разрушались до основания.

Хотя свидетельство еретика не принималось в судах, делалось исключение, если его показания были направлены против другого еретика. Облеченный государственной властью чиновник давал присягу, что он будет содействовать уничтожению тех, кого церковь признает еретиками. Если светский сеньор, призванный церковью изгнать еретиков из своих владений, не исполнял этого в течение более чем одного года, то его земли мог занять любой верный католик, который был способен справиться с еретиками.

Это ужасное законодательство было принято церковью с большой радостью и в отличие от прежних не осталось мертвой буквой. Эдикт 1220 года был послан Гонорием в Болонский университет, чтобы его читали и объясняли при изучении права. Он был внесен в утвержденный сборник феодального права, и его самые суровые предписания стали отныне частью гражданского кодекса. Ряд последующих эдиктов Фридриха был обнародован папами при помощи булл, которые приказывали всем государствам и всем городам внести навеки эти законы в свои местные кодексы. Инквизиторы должны были брать с чиновников и магистратов присягу, что они будут руководствоваться этими эдиктами, и отлучать их от церкви в случае отказа дать присягу.

В 1315 году Людовик Сварливый распространил действие эдиктов Фридриха на всю

Францию. В Арагоне Яков I в 1226 году запретил еретикам пребывание в своих владениях. В 1234 году он совместно со своими прелатами учредил епископскую инквизицию при поддержке королевских чиновников. В Италии в начале XIII века были многочисленные попытки основания светской инквизиции. В Риме в 1231 году Григорий IX составил ряд правил, которые были опубликованы от имени римского народа сенатом. На сенаторов возлагалась обязанность арестовывать всех тех, на кого укажут ему как на еретиков; наказание должно было быть приведено в исполнение через восемь дней после осуждения. Из имущества, подвергавшегося конфискации, треть следовала свидетелю, треть сенатору и треть на восстановление городских стен. Дом, где еретики нашли приют, подлежал разрушению, а его место следовало превратить в свалку нечистот. Католики-соумышленники, покровители еретиков и т. п. лишались третьей части своего имущества. Всякий, кто не доносил на известного ему еретика, подвергался штрафу; сенатор, который небрежно исполнял закон, также подвергался штрафу и лишался права занимать государственные должности. Григорий IX разослал копии этих правил всем архиепископам и владетельным князьям Европы с приказанием применять их в своих владениях. Папа издал декреталий, легший в основание всего последующего инквизиционного законодательства; осужденные еретики должны были передаваться в руки светской власти для наказания; тот, кто возвращался в лоно церкви, подвергался пожизненному тюремному заключению; всякий, узнавший о малейшем проявлении ереси, должен был доносить об этом духовным властям под страхом отлучения от церкви.

В то же время Фридрих II, желавший, насколько возможно, ограничить влияние Рима в своих неаполитанских владениях, возложил там обязанности преследования на чиновников короны. В своих Сицилийских конституциях, изданных в 1231 году, он приказал тщательно разыскивать «еретиков, скрывавшихся во мраке». Подозреваемые должны были быть задержаны и допрошены духовными лицами; кто окажется хоть в чем-нибудь несогласным с католической религией, в случае упорства отправлялся на костер. Всякий, кто осмеливался вступить за них, подлежал наказанию. Епископам император вменял в обязанность объезжать епархии в сопровождении назначенных для этого судей. В каждой провинции два раза в год происходили заседания главного суда, на которых наравне с другими преступлениями каралась ересь.

Святой престол старался в начале XIII века выработать единую систему подавления ереси. Некоторые историки утверждают, что инквизиция родилась 20 апреля 1233 года, когда были подписаны две буллы Григория, поручавшие доминиканцам преследование ереси. Григорий обращался к епископам: «Видя, что вы поглощены вихрем забот, мы находим полезным облегчить ваше бремя. Поэтому мы решили послать братьев-проповедников к еретикам Франции и соседних провинций и умоляем и убеждаем вас во имя уважения, которое питаете вы к Святому престолу, помогать им вашим благорасположением, и вашими советами, и вашей поддержкой, дабы они могли хорошо выполнить свою задачу». Другая булла обращена «к приорам и братьям ордена проповедников, инквизиторам». После упоминания о сыновьях погибели, защищающих ересь, в ней говорится: «Вот поэтому во всех местах, где вы будете проповедовать, вы уполномочиваетесь, в случае если грешники, несмотря на предупреждение, будут продолжать защищать ересь, навсегда лишать духовных их бенефиций и преследовать их и всех других судом безапелляционно, призывая на помощь светскую власть, если в этом встретится надобность, и прекращая их упорство, если нужно, посредством безапелляционного наложения на них духовных наказаний». Немного спустя после опубликования булл Григорий поручил приору Тулузы указать хорошо подготовленных братьев, чтобы проповедовать в епархии крестовый поход и преследовать судом еретиков сообразно с новыми статутами.

Чтобы определить главные принципы, которыми должна была руководствоваться инквизиция, в 1243 и 1244 годах созвали в Нарбонне большое собрание от трех провинций — Нарбонны, Арля и Э; длинный ряд канонов, принятых по этому случаю, стал уставом инквизиторской деятельности. Эти каноны были адресованы: «Нашим любимым и верным сынам о Господе Иисусе Христе, братьям-проповедникам и инквизиторам». Епископы выражаются осторожно в следующих словах: «Мы пишем вам эти вещи не потому, что хотели бы связать ваше мнение, ибо неприлично ограничивать свободу, предоставленную вашему благоразумию, формулами или правилами иными, чем исходящими от Святого престола; но мы желаем прийти

на помощь вам в вашем самопожертвовании, согласно с указаниями, полученными нами от Святого престола, чая, что вы, несущие на себе наши тяготы, должны находить у нас помощь и совет от чистого сердца». Епископы отказывались от права суда и приведения в исполнение решений. Решения теперь провозглашались от имени инквизиторов, хотя, если в них принимал участие епископ или другое важное лицо, что случалось часто, их упоминали как членов суда.

Передача инквизиции древней епископской юрисдикции по делам еретиков осложняла отношения между епископами и инквизиторами. В Италии епископская независимость была уничтожена давно, и епископы не могли серьезно помешать введению новшества. Но во Франции, и в особенности в Лангедоке, хотя прелаты и были более независимы, чем в Италии, распространение ереси требовало активной деятельности и бдительности, превышавших возможности епископов, и они были вынуждены принести в жертву часть своих прерогатив. Впрочем, и здесь они уступили не без борьбы.

Инквизиторы сначала позволяли себе выносить решения от своего имени, не упоминая епископов. Но почти тотчас же легат Альбано указал, чтобы они не осуждали еретиков и не накладывали епитимии, не согласовав предварительно решения с епископами. В 1246 году на соборе в Безье епископы выработали ряд подробных указаний для инквизиторов, «охотно уступая смиренным просьбам, с которыми вы к нам обратились». В течение некоторого времени папы вели себя так, будто продолжали считать епископов ответственными за подавление ереси в епархиях и истинным источником правосудия. В 1245 году Иннокентий IV разрешил инквизиторам изменять или смягчать приговоры с согласия епископа. В 1247 году он говорит о епископах как о настоящих судьях ереси, предписывая им без устали работать над обращением грешников раньше, чем вынести решение, влекущее смерть, пожизненную тюрьму или паломничество за моря; даже в случаях упорствующих еретиков они должны обсудить с инквизитором или с другими сведущими лицами вопрос, требуют ли спасение грешника и интересы веры, чтобы приговор был вынесен или отложен. Однако уже в 1248 году Валансьенский собор прямо обязал епископов объявлять и исполнять решения инквизиторов под угрозой, что им будет запрещен вход в их собственные церкви.

Вопрос об участии епископов в решениях долго вызывал споры. В 1288 году Николай IV предписал все суммы, получаемые от штрафов и конфискаций, передавать людям, избранным с согласия епископа и инквизитора, и постановил, что они могут расходоваться только с разрешения епископа, которому должен представляться подробный отчет о расходах. Это было серьезным ограничением независимости инквизиторов, но спустя шестнадцать лет Бенедикт XI запретил епископам требовать отчеты; отныне инквизиторы должны были представлять их только в папскую канцелярию или особым уполномоченным папы.

Если были колебания в упорядочении отношений между церковными и судебными властями, то в отношении инквизиции со светской властью неопределенности не было. Иннокентий IV 15 мая 1252 года разослал ко всем владетельным лицам Италии буллу «Об истреблении», устанавливавшую систематические гонения как существенный элемент жизни каждого государства и каждого города, хотя эффективности работы системы мешал плохо определенный круг действий епископов, инквизиторов и монахов, области компетенции которых были еще слабо разграничены. Исполнительной власти было приказано изгонять еретиков. Всякий, открывший еретика, мог завладеть его имуществом. Всякий магистрат через три дня после вступления в свои служебные обязанности должен был избрать по указанию своего епископа и двух монахов от каждого нищенствующего ордена двенадцать добрых католиков при двух нотариусах и двух или более служащих, обязанность которых заключалась в задержании еретиков, конфискации их имущества и в выдаче их епископу или его викариям. Их содержание оплачивалось государством; их свидетельства принимались без присяги; никакое свидетельство не имело силы против единогласного свидетельства троих из них. Они несли свои обязанности в течение шести месяцев; их полномочия могли быть продлены на следующий срок; в любое время они могли быть смещены по просьбе епископа и монахов. Третья часть поступлений от штрафов и конфискаций причиталась им. Они были освобождены от всякой службы, несовместимой с их обязанностями; никакой закон не должен был мешать их деятельности. Глава светской власти прикомандировывал к ним, по их просьбе, своего заседателя или рыцаря; всякий житель должен

был под угрозой крупного штрафа оказывать им содействие по первой просьбе.

Когда следователи или инквизиторы посещали местность, подчиненную их юрисдикции, с ними был уполномоченный монарха. Прибыв в город или деревню, этот уполномоченный должен был принудить трех людей, пользовавшихся хорошей репутацией, или даже всех жителей под присягой указать всех еретиков или указать их имущество или хотя бы лиц, которые живут не так, как все верные католики. Государство должно было задерживать всех подозреваемых, заключать их в тюрьмы, препровождать под надежным конвоем к епископу или инквизитору и в течение пятнадцати дней приводить в исполнение всякое решение, вынесенное по обвинению в ереси. Кроме того, на светской власти лежала обязанность при необходимости применять пытку к тем, кто откажется выдать еретиков. Если при задержании оказывалось какое-либо сопротивление, община должна была в течение трех дней выдать всех принимавших участие в возмущении или выплатить огромный штраф. Исполнительная власть должна была составить четыре копии списка приговоренных к изгнанию за ересь; одна копия хранилась для публичного чтения (три раза в год), вторая передавалась епископу, третья — доминиканцам, четвертая — францисканцам. В задачу власти входило разрушение домов еретиков и тех, кто их укрывал, а также сбор штрафов. Те, кто был не в состоянии платить, заключались в тюрьму и содержались там, пока за них не вносили деньги. Доход от штрафов и конфискации разделялся на три части: одна — городу, другая — следователям, третья — епископу и инквизиторам, которые должны были употреблять ее на преследование еретиков.

Эти установления, равно как и все указания, которые папа опубликует впоследствии, предписывалось внести во все местные законы; отлучение от церкви грозило чиновникам, которые отказались бы это сделать, и наложение интердикта — городам. Владетели и их чиновники должны были дать присягу соблюдать эти законы, а всякая попытка изменить их квалифицировалась как преступление: виновный карался штрафом и изгнанием. Любая небрежность в исполнении этих законов наказывалась, как клятвопреступление, штрафом в двести марок и подозрением в ереси, что влекло за собой потерю должности и лишение навсегда права занимать какую-либо административную должность. При этом лицо, занявшее освободившееся место, в продолжение десяти дней со дня вступления в свои обязанности должно было назначить трех добрых католиков, которые должны были расследовать деятельность его предшественника и возбудить против него преследование. Все городские администрации обязывались обеспечить чтение папских булл в публичных местах, указанных епископом и инквизиторами, и отменить все законы, которые противоречат папским буллам. Иннокентий разослал инструкции инквизиторам, приказывая им под страхом отлучения от церкви настоять на внесении буллы «Об истреблении» и эдиктов Фридриха в статуты всех городов и государств.

В 1254 году Иннокентий IV сделал в булле незначительные изменения. В 1255, 1256 и 1257 годах новый папа Александр IV также подверг эту буллу небольшой корректировке, разрешив некоторые возникшие сомнения и повелев назначить повсюду специальных людей для расследования действий уходящих со службы чиновников. В 1265 году Климент V снова опубликовал эту буллу, внося одно серьезное новшество — он прибавил слово «инквизиторы» там, где Иннокентий указывал только на епископов и монахов, так как к этому времени инквизиция стала главным орудием преследования еретиков.

В Италии благодаря этой булле у инквизиции появился прекрасно организованный и оплачиваемый государством вспомогательный персонал. По другую сторону Альп предписания пап полностью никогда не применялись, но в данном случае это не имело значения, поскольку местные законы, консервативный дух руководящих классов и благочестие монархов повсюду способствовали облегчению деятельности инквизиторов. Во Франции все государственные чиновники были обязаны содействовать инквизиции и задерживать еретиков; все мужчины старше четырнадцати лет, все девушки и женщины старше двенадцати лет приносили присягу, что будут доносить епископам на виновных. Собор в Альби в 1264 году угрожал отлучением от церкви всем светским сеньорам, которые пренебрегли бы обязанностью помогать инквизиции и приводить в исполнение ее приговоры. Каждый инквизитор во Франции имел при себе королевские грамоты, в которых говорилось, что все государственные чиновники обязаны

всячески помогать ему. Назначенный в Арагон инквизитор требовал у короля содействия, угрожая при этом многочисленными наказаниями, которые были обещаны папскими буллами, и король беспрекословно подчинялся.

В почти безграничных пределах власти инквизиторы действовали бесконтрольно и безответственно; даже папский легат не мог вмешиваться в их дела. Он не имел права наказывать их даже за очевидные преступления. Если же и случалось подобное, то это обязательно должно было быть одобрено папой. В 1245 году инквизиторы получили право прощать собственных в чем-либо провинившихся слуг; с 1261 года они могли взаимно отпускать друг другу грехи, а так как у каждого инквизитора был подчиненный, всегда готовый оказать ему эту услугу, — тоже инквизитор, но стоящий ступенькой ниже в иерархии, — то инквизиторы стали совершенно неуязвимы. Инквизиторы освобождались от всякого повиновения провинциалам и генералам своих орденов; они даже могли не показывать им бумаги, касающиеся деятельности инквизиции; им дано было исключительное право отправляться в Рим, когда им вздумается, и оставаться там сколько угодно, вопреки желанию провинциала или главного капитула своего ордена. Первоначально их полномочия прекращались со смертью папы, от которого они их получили, но с 1267 года эти полномочия были объявлены постоянными.

Вопрос о несменяемости инквизиторов находился в прямой связи с вопросом об их подчиненности; он вызывал много противоречивых постановлений. В 1244 году Иннокентий IV издал указ, согласно которому провинциалы и генералы нищенствующих орденов имели право смещать, увольнять и замешать всех членов орденов, несших инквизиторские обязанности, — даже в тех случаях, когда они получили полномочия от папы. В июле 1257 года папа Александр IV отнял у них это право, а 9 декабря того же года снова признал его. Последующие папы издавали противоречивые указы, пока наконец Бонифаций VIII не высказался за право смещения; но инквизиторы добились того, что это право применялось в результате судебного решения, и на практике оно свелось к нулю. Правда, существовало три рода преступлений, за которые инквизитора могли отлучить от церкви: 1) незаконное преследование или небрежность в преследовании, вызванные личной враждой или дружбой с подозреваемым; 2) вымогательство; 3) конфискация церковного имущества в качестве наказания духовного лица.

И францисканцы, и доминиканцы прилагали усилия, чтобы добиться от инквизиторов — членов своих орденов — лояльности, но эти попытки пресекались Святым престолом. Инквизиторские полномочия давались папой, и их мог отобрать только папа — инквизиторы в опасении потерять свои места были вынуждены с этим считаться. Изредка, впрочем, папы делали в сторону орденов реверансы. В 1439 году Евгений IV, а в 1474 году Сикст IV подтверждали решения Климента IV, согласно которым инквизиторы могли перемешаться с одной должности на другую генералами и провинциалами своих орденов. В 1479 году Сикст IV распорядился, чтобы все жалобы, возбуждаемые инквизиторами друг против друга, направлялись к генералу ордена.

Следствием этого противоречивого законодательства было то, что инквизиторы подчинялись своим генералам как монахи, но не как инквизиторы; в качестве последних они давали отчет только папе. Их викарии и подчиненные были подсудны только им одним; всякая попытка провинциала устранить кого-нибудь из этих подчиненных расценивалась ими как действие, направленное против инквизиции. Беспорядки, вызванные подобным положением вещей, вынудили Иоанна XXIII вмешаться и объявить, чтобы инквизиторы во всем были подчинены старшим в иерархии ордена. Но прошло совсем немного времени, и инквизиторы, назначенные решениями последующих пап, перестали подчиняться старшим членам своего ордена. Дошло до того, что инквизитор мог начать следствие против старшего по чину.

Юрисдикция инквизитора на деле была почти беспредельна. В угоду инквизиции было отменено право убежища в церквях, и даже неприкосновенность нищенствующих орденов была плохой защитой, если у инквизиции возникали претензии к их деятельности. Епископский сан ограждал его обладателей от инквизиторов, если последние не представляли особых папских грамот. Но если действия епископа казались подозрительными, инквизитор был обязан тщательно собрать досье на него и представить на рассмотрение Рима.

Епископы ускользали от суда инквизиции, но не от повиновения инквизиторам. В грамоте о назначении, получаемой инквизиторами от папы, говорилось, что архиепископы, епископы,

аббаты и все остальные прелаты должны следовать их приказаниям во всем, что касается задач инквизиции. Несмотря на то что папа, обращаясь к епископу, называл его «уважаемым братом», а обращаясь к инквизитору, называл его «дорогим сыном», инквизиторы считали себя, как прямых уполномоченных Святого престола, выше епископов, и если человека одновременно вызывали епископ и инквизитор, то он должен был сначала явиться к инквизитору.

Нередко инквизиция служила лестницей на епископскую кафедру. Инквизиторское служение давало также возможность возвышения и в самом ордене. Так, например, в списке доминиканских провинциалов Саксонии за вторую половину XIV столетия трое — Вальтер Керлинггер, Герман Гельстед и Генрих фон Альбрехт — занимали один за другим в 1369–1382 годах должность инквизитора.

Не следует думать, что грандиозное здание, которое так долго давило христианский мир, могло быть воздвигнуто без сопротивления. Но любой протест безжалостно подавлялся. По каноническим законам всякий, кто препятствовал инквизитору в его деятельности или подстрекал к этому других, подвергался отлучению от церкви; по истечении года его уже на законном основании объявляли еретиком, передавали в руки светской власти и сжигали на костре. Власть, предоставленная инквизитору, становилась еще более грозной благодаря растяжимости понятия «преступление, выразившееся в противодействии инквизиции»; это преступление было плохо квалифицировано, но преследовалось с неослабной энергией.

В середине XIII века королевский статут «О сжигании еретиков» впервые установил смертную казнь как наказание за ересь в Англии. Этот же статут запрещал проповедь всем, кроме тех, кто имел на это официальное право; он запрещал распространение еретических учений и книг; уполномочивал епископов хватать еретиков и содержать их в тюрьме, пока они не будут оправданы или не откажутся от своих заблуждений; он предписывал епископам в течение трех месяцев со дня ареста разобрать дело подозреваемого. В случае легких преступлений епископы могли наложить по своему усмотрению штраф, который поступал в королевское казначейство. В вопросе об упорной ереси или о возвращении в ересь, что по каноническим законам влекло передачу виновного в руки светской власти, единственными судьями были епископы и их уполномоченные; когда осужденного передавали светскому суду, он, как правило, решал, что шериф графства или мэр и сержанты ближайшего города должны сжечь его в присутствии народа. Постепенно опасное вмешательство политики сделало в Англии из костра настоящее орудие террора, и только в 1677 году Карл II отменил закон «О сжигании еретиков», указав, что духовные суды в случаях атеизма, богохульства, ереси, схизмы и других преступлений против религии могут лишь отлучать от церкви, но никак не приговаривать к смертной казни. В Шотландии смертная казнь была отменена позднее, чем в Англии; последние процессы на Британских островах прошли в 1687 году, когда в Эдинбурге был повешен молодой студент-медик Экенхид.

В Ирландии воинствующий францисканец Ричард Ледред, епископ Оссори, вел продолжительную борьбу с еретиками. Здесь гражданские чины сначала отказались принести присягу, предписанную папскими буллами, но Ледред заставил их подчиниться и сжег в 1325 году несколько обвиненных в ереси. Но позднее он был сам обвинен своими противниками в ереси и вынужден был бежать. В 1354 году, однако, он смог при содействии папы вернуться в свою епархию и тут уж развернулся вовсю. Даже сам дублинский архиепископ Александр был обвинен в покровительстве еретикам и смещен со своего поста, так как в 1347 году он восстал против развязанного Ледредом террора. Преемник Александра, архиепископ Иоанн, получил в 1351 году от папы приказание оказывать Ледреду любое содействие.

Когда волнения, поднятые гуситами, приняли тревожный оборот, папа Мартин V, опасаясь, что ересь распространится и на севере Европы, уполномочил в 1421 году шлезвигского епископа назначить францисканского монаха Николая Жана инквизитором Дании, Норвегии и Швеции. Но мы не находим следов его деятельности в этих странах, и можно сказать, что там инквизиция никогда реально не существовала.

А вот в Азии и Африке инквизицию основать удалось. Брат Раймунд Марциус почитается основателем инквизиции в Тунисе и Марокко. В 1370 году Григорий XI назначил инквизитором на Востоке брата Иоанна Галла, который совместно с братом Илией Малым, как уверяют,

организовал инквизицию в Армении, Грузии, России и Валахии. Верхняя Армения была обязана этим благодеянием брату Бартоломео Понко. Инквизиция была основана доминиканцами даже в Абиссинии и Нубии. В XIV веке инквизитор считался неперенным членом всякой религиозной миссии. Но надо иметь в виду, что миссионерские инквизиции не руководствовались ужасными эдиктами Фридриха II и Людовика Святого и вели себя исключительно лояльно в отношении местного населения.

Остатки Иерусалимского королевства узнали жестокость инквизиции раньше, чем пали окончательно. По словам Николая IV, первого папы из францисканцев, неудачи войны зародили там семена ереси и иудейства, и в 1290 году он предоставил своему легату Николаю право назначить инквизиторов. Это было исполнено, но с запозданием: после сдачи Акры 19 мая 1291 года христиане были изгнаны из Святой земли, что и прекратило недолгое существование сирийской инквизиции. Правда, она была восстановлена в 1375 году Григорием XI, который уполномочил францисканского провинциала в Святой земле ввести должность инквизитора в Палестине, Сирии и Египте, чтобы бороться со стремлениями к вероотступничеству, которое проявляли христианские паломники, всегда многочисленные в этих странах.

Власть инквизиции над имевшими специальные привилегии нищенствующими орденами в разные эпохи была различна. Суд над их членами был разрешен ей в 1254 году Иннокентием IV. Пий II предоставил суд над францисканцами их собственному генерал-министру. В 1479 году Сикст IV запретил инквизиторам преследовать членов не своего нищенствующего ордена. Иннокентий VIII запретил всем инквизиторам судить францисканцев, но с развитием лютеранства эта мера показалась опасной, и в 1530 году Климент VII сделал подсудными инквизиции всех монахов. Это было подтверждено в 1562 году Пием V. Вопрос же о том, имеет ли право епископ возбуждать против инквизитора дело по обвинению в ереси, оставался спорным и, по всей вероятности, никогда не был решен однозначно.

Несмотря на споры, на практике почти всегда епископ и инквизитор действовали совместно; и в папских наказах, дававшихся инквизиторам, обычно делалась оговорка, что они не должны ничем нарушать юрисдикции епископского суда. Тем не менее булла Николая V, обращенная к инквизитору Франции в 1451 году, по-видимому, делала его совершенно независимым от епископа.

В сущности, особой разницы между судом епископа и судом инквизиции не было. Но при этом епископский суд собирался время от времени, а инквизиция покрыла всю континентальную Европу сетью судов, в которых заседали люди, не имевшие других занятий. Их деятельность была непрерывна, и опирались они на настоящую международную полицию. Руки инквизиции были длинны, память непогрешима. Если она предпочитала вести дело втайне, то для этого имелись многочисленные шпионы. История каждой еретической семьи на протяжении нескольких поколений могла быть всегда извлечена на свет из архивов судов инквизиции.

Бежать было бесполезно. Приметы бежавших еретиков немедленно рассылались по всей Европе. Об арестах подозрительных людей трибуналы сообщали один другому, и несчастную жертву везли в ту страну, где ее показания могли принести инквизиции большую пользу, раскрыв других виновных. В 1287 году среди арестованных в Тревизо еретиков было несколько пришедших из Франции, и французские инквизиторы тотчас потребовали их к себе, в особенности одного из них, бывшего епископом катаров. Папа Николай IV немедленно приказал тревизкому инквизитору отослать их во Францию, но предварительно выпытать у них все, что возможно.

Одна удачная поимка, сопровождавшаяся признанием, вырванным пыткой, могла помочь выйти на следы сотен людей, считавших себя до того времени в безопасности; и каждая новая жертва давала новый ряд разоблачений. Еретик жил как бы на вулкане, который во всякое время мог начать извержение и поглотить его. Во время ужасных гонений против францисканцев-спиритуалов в 1317 и 1318 годах одни еретики сумели бежать и переменить имена, а другие остались в тени, и все уже думали, что дело их позабыто. Вдруг в 1325 году какой-то неожиданный случай (по всей вероятности, признание какого-либо узника) навел инквизицию на их след. Человек двадцать несчастных были заключены в тюрьму, где они просидели год или два; здесь, отрезанные от всего мира, они пали духом, сознались постепенно в своих

прегрешениях, наполовину уже позабытых, и подверглись духовным наказаниям. Еще поучительнее дело Гильельмы Мазы де Кастр, потерявшей в 1302 году мужа. В минуты тоски по мужу она слушала двух вальденских миссионеров, поучения которых укрепляли ее. Они были у нее только два раза, и то ночью, в полной темноте, так что она имела полное право говорить, что никогда их не видела. Через двадцать пять лет безупречной строго католической жизни ее в 1327 году затребовала каркассонская инквизиция; де Кастр созналась в своем, один только раз бывшем, нарушении веры и принесла покаяние. Словом, святой трибунал не забывал ничего и ничего не прощал. Он замечал все мелочи. В 1325 году одна женщина была приведена на каркассонский трибунал как еретичка-рецидивистка; поводом к преследованию послужило то, что ее видели после того, как она отреклась от ереси спиритуалов, разговаривающей с одним подозреваемым человеком и что она передала через него два су больной женщине, также находившейся под подозрением.

В глазах людей папская инквизиция была всеведущей, всемогущей и вездесущей, а сами инквизиторы окружены ореолом таинственности. Вот какой портрет идеального инквизитора дает знаменитый инквизитор Бернар Ги. Инквизитор, по его мнению, должен быть деятелен и энергичен в деле спасения душ и истребления ереси. Он должен оставаться всегда спокойным и невозмутимым среди всяких неприятностей и недоразумений. Он должен быть деятелен физически, так как привычка к лени ослабляет всякую энергию. Он должен быть бесстрашен и не бояться даже смерти, но, не отступая ни перед какой опасностью, он не должен безрассудно идти ей навстречу. Он должен быть недоступен просьбам тех, кто будет стараться привлечь его на свою сторону, но в то же время сердце его не должно быть бесчувственным, и он не должен отказывать в отсрочках и в смягчении наказания, принимая во внимание обстоятельства и место совершения преступления. Он не должен быть слабым и искать любви и популярности, так как это может дурно отразиться на его деле. В сомнительных вопросах он должен действовать осмотрительно и не давать легко веры тому, что кажется вероятным, но часто бывает неверно. Он не должен отбрасывать упрямо противоположное мнение, так как часто кажущееся на первый взгляд невероятным оказывается впоследствии истиной. Он должен внимательно расспрашивать и выслушивать. Когда он выносит смертный приговор, выражение лица его должно свидетельствовать о сожалении, чтобы не казалось, что он действует под влиянием гнева и жестокости, но приговор его должен оставаться неизменным. Если он накладывает денежный штраф, то лицо его должно сохранять строгое выражение, чтобы не подумали, что он действует из алчности. Пусть в его взгляде проглядывают всегда любовь к правде и милосердие, чтобы не думали, что его решения вынесены под влиянием жестокого сердца.

Глава VIII

Устройство инквизиции

Мы уже видели, что церковь поняла, что словом убеждения нельзя остановить распространение ереси. Старания проповедников потерпели неудачу; тогда церковь прибегла к

силе. Первым следствием этой новой церковной политики было то, что еретики начали скрываться. Тогда церковь организовала преследование в целях раскрытия и уничтожения прятавшихся еретиков. Нищенствующие ордены, учрежденные первоначально с целью борьбы с заблуждениями словом и примером, скоро стали играть в этом преследовании ведущую роль.

Устройство инквизиции было настолько же просто, насколько целесообразно в достижении цели. Она не стремилась поражать умы внешним блеском, она парализовала их террором. Она оставила светским прелатам богатые одежды, величественную пышность богослужения, блестящие процессии и длинный ряд служителей. Инквизитор носил скромную рясу своего ордена; в город входил он или один, или сопровождаемый несколькими вооруженными слугами, которые составляли его личную стражу и были исполнителями его приказаний. Главной ареной его деятельности были стены здания святого трибунала, откуда он рассылал свои приказы и распоряжался судьбой целых народов, окруженный молчанием и таинственностью, в тысячу раз более внушительными, чем внешнее величие епископов.

О плодотворной работе, а не о внешности заботилась инквизиция. Это было здание, воздвигнутое людьми серьезными, решительными, всецело преданными одной идее; людьми, которые знали, чего они хотят, и отбрасывали с презрением все, что могло помешать их деятельности.

Вначале, как мы видели, инквизиторами были простые монахи, выбираемые один за другим, чтобы преследовать еретиков и выяснять степень их виновности. Их деятельность, естественно, ограничивалась пределами деятельности нищенствующих орденов. Впрочем, эти области охватывали большинство европейских стран. Главный город провинции с монастырем ордена и тюрьмой считался резиденцией инквизиции, однако инквизитор был обязан постоянно находиться в разъездах. Расследования на местах не всегда были безопасны; тем не менее их предписывали и кардинал Альбано в 1234 году, и собор 1246 года в Безье. В 1247 году Иннокентий IV разрешил инквизиторам в случае опасности вызывать еретиков и свидетелей к себе в безопасное место, но личные объезды вменялись им в обязанность по-прежнему. Со временем, когда была усовершенствована система шпионов и служителей, инквизиторы стали разъезжать меньше.

За несколько дней до прибытия инквизитор извещал о своем намерении духовные власти, чтобы они в назначенное им время созвали народ, обещая отпущение грехов на двадцать — сорок дней тем, кто явится, и угрожая неявившимся отлучением. К собравшемуся населению инквизитор обращался с речью о чистоте веры; затем приказывал всем жителям явиться к нему в течение шести или десяти дней и сообщить все, что им известно о лицах, виновных или подозреваемых в ереси, говоривших что-либо несогласное с догматами веры или ведущих жизнь, отличную от жизни большинства католиков. Всякого, кто не повиновался этому приказанию, инквизитор отлучал от церкви (и только он мог снять отлучение); повиновение давало индульгенцию на три года.

В то же время инквизитор провозглашал «срок милосердия» продолжительностью от пятнадцати до тридцати дней, в течение которого всякий добровольно явившийся еретик получал снисхождение, если он сознавался в своих заблуждениях, отрекался от них и давал подробные сведения о своих единоверцах. Это снисхождение иногда было полным, иногда же оно только отменяло более суровое наказание: смерть, тюрьму, конфискацию и изгнание. Во время этой отсрочки инквизитор должен был сидеть дома, всегда готовый принимать признания и доносы; длинные ряды вопросов были выработаны уже заранее, чтобы облегчить допрос являвшихся. Впервые об этой милости известно с 1235 года. По окончании «срока милосердия» никому не давалось прошение.

В 1387 году брат Антонио Секко в деле еретиков вальденских долин начал с того, что вывесил по церквам Пиньероля объявление, что всякий, кто в течение восьми дней сам донесет на себя или на других, избавится от публичного наказания за свои грехи, за исключением случаев ложной клятвы, данной перед инквизицией. Все, кто отказывался явиться, отлучались от церкви и попадали в ведение суда.

Бернар Ги утверждает, что этот порядок ведения дел был очень плодотворен не только потому, что он вызывал много обращений в католичество, но и потому, что он помогал выявлять

многих еретиков: всякий кающийся был обязан указывать всех, кого он знал или подозревал. Легко представить себе, какой ужас охватывал общину, когда в ней неожиданно появлялся инквизитор и начинал собирать доносы. Никто не мог знать, какие толки ходили о нем; никто не мог знать, к чему прибегнут личная вражда и фанатизм, чтобы скомпрометировать его перед инквизитором. И католики, и еретики имели равное основание волноваться. Человек, который почувствовал склонность к ереси, не имел уже более ни минуты покоя при мысли, что слово, сказанное им мимоходом, могло быть сообщено инквизитору его родственниками и самыми дорогими друзьями; под влиянием этой мысли он уступал чувству страха и сам выдавал близких людей из боязни быть выданным самому. Родители выдавали своих детей, дети — родителей, мужа — жен, жены — мужей. Мы смело можем верить Бернару Ги, что всякое разоблачение вело за собой новые, пока в конце концов вся страна не покрывалась невидимой сетью.

В первое время местом заседания судилища был монастырь нищенствующих; к услугам инквизитора была также общественная или епископская тюрьма, где размещали арестованных им людей. Со временем были выстроены специальные здания, снабженные одиночными камерами и темницами, где несчастные всегда находились под наблюдением своих будущих судей. Здесь же обыкновенно происходило судебное разбирательство, хотя иногда оно имело место во дворце епископа, особенно если епископ действовал вместе с инквизитором.

В первое время минимальный возраст инквизитора не ограничивался, и были случаи назначения молодых неопытных людей. Климент V определил минимальный возраст инквизитора в сорок лет. Дела велись одним инквизитором, иногда двумя. Инквизитор обычно имел помощников, которые производили следствие и снимали предварительный допрос; он мог просить провинциала дать ему столько помощников, сколько находил нужным, но не имел права сам выбирать их. Иногда епископ сам становился помощником инквизитора; чаще же им был приор местного доминиканского монастыря. В 1246 году собор в Безье дал инквизитору право назначать вместо себя уполномоченного, когда нужно было произвести расследование на месте, куда он не мог отправиться сам. Иногда таким уполномоченным давались особые поручения.

Провинции инквизиторов были настолько обширны, что приходилось разделять работу, в особенности в первое время, когда еретики были многочисленны и требовалась целая армия следователей. Но право назначать полномочных комиссаров было признано за инквизитором законом только в 1262 году Урбаном IV и подтверждено Бонифацием VIII. Эти комиссары стали существенным элементом инквизиции. После реформ Климента в 1317 году они, как и их начальники, не могли быть моложе сорока лет. Комиссары были облечены полной инквизиторской властью, они могли вызывать, арестовывать и допрашивать свидетелей и подозреваемых, могли даже прибегать к пытке и приговаривать к тюрьме. Но, в отличие от инквизиторов, комиссары не имели права назначать вместо себя уполномоченных. Право приговаривать к смертной казни принадлежало только одному инквизитору, хотя на практике это ограничение соблюдалось далеко не всегда.

Позднее появился еще один член суда инквизиции — советник. Его официальное положение было неопределенно. Советник вступал в дело, если обвиненный проявлял упрямство и у суда возникала нужда в советах лица, знакомого с законами и с налагаемой ими ответственностью, чтобы избежать ошибок, которые могут повредить инквизиции, вызвать вмешательство папы и даже лишиться места самого инквизитора или комиссара. Состав суда дополнялся нотариусом, видным и весьма уважаемым должностным лицом.

Так как глубокая таинственность была существенной чертой деятельности инквизиции, то стало общим правилом, что показания и свидетелей и обвиняемых делались обязательно в присутствии двух беспристрастных людей, не принадлежавших к инквизиции, но приносивших клятву хранить в тайне все, что услышат. Инквизитор мог для этого пригласить любое лицо по своему усмотрению. Преимущественно такими представителями общества были лица духовного звания, обычно доминиканцы, «люди скромные и религиозные», которые вместе с нотариусом подписывали протокол показаний и удостоверяли его соответствие сказанному. Частое подтверждение этого правила папами и то, что оно было внесено в канонические законы, показывают, что ему придавали большое значение как средству придать судопроизводству беспристрастный вид.

Никто из посторонних не имел права присутствовать на суде; исключение делалось в течение нескольких лет только в Авиньоне, где в середине XIII века представители городских властей временно добились для себя и нескольких сеньоров права присутствовать при судоговорении. В других же местах несчастные, защищавшие перед судьями свою жизнь, были всецело в руках инквизитора и его креатур.

Все судопроизводство инквизиции, все вопросы и ответы записывались; всякий свидетель и всякий обвиняемый были обязаны удостоверить правильность своих показаний, когда они прочитывались им в конце допроса, и приговор основывался исключительно на показаниях, добытых таким путем. Поэтому особая нагрузка ложилась на нотариуса; иногда в помощь ему приглашались писцы, но он был обязан лично удостоверить все документы. Текущие дела судилища порождали груды бумаг; их все надо было переписывать для архивов; кроме того, инквизиции в разных местах постоянно обменивались копиями своих дел — все это была гигантская работа. Инквизитор мог и здесь потребовать бесплатной помощи любого подходящего для этого лица; но было опасно доверять ведение таких бумаг людям, не получившим специальной подготовки. Поэтому старались привлекать грамотных нищенствующих монахов — в идеале раньше бывших нотариусами. В городах, где происходили постоянные заседания, у инквизиции был свой штатный нотариус, получавший жалование как должностное лицо. Климент V предписал, чтобы этот нотариус давал присягу перед епископом и перед инквизитором.

В 1235 году признания стали тщательно записывать в особые специальные книги. Инквизиторам было приказано сохранять все судопроизводство от первого вызова в суд до приговора. Этот указ неоднократно повторялся; кроме того, было предписано, чтобы со всех документов снимались копии и одна из них помещалась в безопасном месте или передавалась епископу. Книга приговоров тулузской инквизиции за 1308–1323 годы кончается перечнем 636 осужденных, расположенных в алфавитном порядке; против каждого имени сделаны ссылка на страницу, где оно упоминается, и краткое указание на наложенное на наказание и все в нем последовавшие изменения. Таким образом, если должностному лицу нужно было собрать сведения о жителях какого-нибудь поселка, то он сразу мог узнать, кто из жителей находился под подозрением и какое решение относительно него было принято. Первый попавшийся пример из этой книги показывает, насколько точны и подробны были первоначальные списки. В 1316 году была приведена на суд одна старуха; благодаря записям определили, что в 1268 году, то есть почти за полвека до этого, она отреклась от ереси и была воссоединена с церковью. Так как это увеличивало ее вину, несчастную приговорили провести остаток дней в оковах.

С течением времени инквизиция собрала огромный запас справок, которые не только увеличивали ее могущество, но и вызывали ужас людей. Имущество потомков еретиков подлежало конфискации, и тайны семейств, столь тщательно хранимые в архивах инквизиции, давали ей возможность, когда она это находила нужным, увеличивать свои доходы. Особенно ловко инквизиторы раскрывали предосудительные деяния предков тех людей, кто имел несчастье возбудить против себя их недовольство.

Когда нужно было поразить врага, списки нередко подделывали; при этом всякое постороннее лицо, имевшее у себя документы, относящиеся к судопроизводству инквизиции или к преследованию еретиков, подлежало отлучению от церкви. С другой стороны, люди, спокойствию которых эти документы угрожали, стремились их уничтожить. Около 1285 года в Каркассоне консулами города был раскрыт заговор, в котором участвовало несколько высокопоставленных духовных лиц, с целью уничтожения архивов инквизиции. Заговорщики подкупили одного из слуг инквизиции, Бернара Гаррика, который согласился сжечь архивы, но их разоблачили и примерно наказали. Один из них, адвокат по имени Гильем Гаррик, около тридцати лет томился без суда в тюрьме и был судим только в 1321 году.

Даже самые скромные служители инквизиции — сторожа, рассыльные, шпионы — наводили ужас на население. Эта служба была отвратительна честным горожанам, но она сулила выгоды и поэтому часто привлекала бродяг. Служители инквизиции не только были неподсудны светским судам, как и все служители церкви, но благодаря предоставленному Иннокентием IV в 1245 году инквизиторам праву отпускать своим слугам все грехи они были неподсудны даже и духовным судам. Всякое оскорбление, нанесенное служителям инквизиции, рассматривалось как действие,

мешающее ее работе, и почти приравнялось к ереси; если кто-нибудь осмеливался защищаться при нападении этих людей, его предавали суду, в котором они служили. Поставленные таким образом в исключительное положение, они могли делать с беззащитным народом все, что угодно; угрожая арестами и доносами, эти люди занимались откровенным вымогательством.

Этот общественный бич сделался еще страшнее, когда служителям инквизиции было разрешено носить оружие. И это при том, что ношение оружия было строго запрещено во всех мирных общинах. Уже с XI века оно было запрещено в Пистойе; в 1228 году его запретили в Вероне; в Болонье только рыцари и врачи имели право носить оружие и держать при себе одного вооруженного телохранителя. В Милане указ герцога Иоанна Галеаса в 1386 году запретил ношение оружия, но позволил епископам вооружать служителей, живущих под одной с ними кровлей. В Париже постановлением 1288 года было запрещено ношение отточенных ножей, шпаг и тому подобного оружия. В Бокере указ 1320 года грозит различными наказаниями, в том числе отнятием руки, всякому, кто будет носить оружие; исключение было сделано для путешественников: им разрешалось иметь шпаги и кортики. Эти законы принесли огромную пользу цивилизации, но они были сведены почти на нет, когда инквизитор получал право вооружать, кого хотел, и, кроме того, ограждать своих слуг привилегиями и неприкосновенностью.

Климент V пытался навести порядок в этом деле, но его благие усилия не увенчались успехом. В 1321 году Иоанн XXII упрекал ломбардских инквизиторов в том, что они вызвали беспорядки и волнения в Болонье, так как вооруженными слугами были у них отъявленные висельники, которые совершали убийства и угнетали жителей. В 1337 году папский нунций архиепископ Эмбрана Бертран лично убедился, что разрешения, данные инквизитором на ношение оружия, были причиной волнений во Флоренции и угрожали безопасности горожан; он запретил местному инквизитору иметь при себе более двенадцати вооруженных слуг; тем не менее девять лет спустя новый инквизитор брат Пьеро ди Аквила был обвинен в продаже разрешений носить оружие более чем двумстам пятидесяти лицам, что дало ему около тысячи флоринов золотом.

Право отменять все местные статуты, неблагоприятные инквизиции, а также обязанность всех светских должностных лиц по первому требованию помогать инквизиции поставили ее выше государства. Инквизитор мог потребовать от любого должностного лица дать присягу в послушании и в случае отказа отлучить его от церкви, а то и обвинить в ереси. В 1329 году Генрих де Шамэ, инквизитор Каркассона, обратился к Филиппу Валуа с просьбой подтвердить привилегии инквизиции; король ответил указом, которым объявлял, что все герцоги, графы, бароны, сенешали, прево, уездные и земские судьи, кастеляны, приставы и другие судебные чины обязаны повиноваться инквизиторам и их комиссарам; они должны были арестовывать и содержать в тюрьме всех еретиков и подозреваемых в ереси и равным образом оказывать инквизиторам, их комиссарам и гонцам, в пределах своей судебной власти, помощь и покровительство во всем, что касается задач инквизиции. Когда общественный чиновник медлил оказать содействие, то тотчас же он подвергался наказанию. Так, в 1303 году вице-подестат, то есть заместитель главы городской администрации, Бонрико ди Буска отказался дать людям в помощь представителям миланской инквизиции, и его тотчас приговорили к штрафу в сто имперских су, которые он должен был уплатить в пять дней.

Инквизиция пользовалась услугами всего католического населения и, разумеется, всего духовенства. Всякий, под страхом быть объявленным покровителем ереси, должен был выдавать еретиков. Приходские священники были обязаны по требованию инквизитора посылать своих прихожан на суд, наблюдать за кающимися и ручаться, что наложенные на них епитимии выполнены. Собор 1246 года в Безье дал право инквизитору назначать в каждом приходе специальных людей, которые надзирали за исполнением епитимий и приговоров инквизиции.

Огромное значение в устройстве инквизиции имело совещание, на котором решалась участь обвиняемого. Инквизитор мог вынести приговор только с участием епископа. Климент V объявил не имеющими силы все приговоры, принятые одними инквизиторами, однако ради ускорения процессов папа разрешил епископам давать согласие письменно, и этой лазейкой пользовались

беспреданно. Часто инквизиторы штамповали приговоры без всякого участия епископов. Бывали также случаи давления инквизиторов на епископов, если епископ не соглашался с инквизитором. Поэтому довольно часто епископы просто предпочитали не связываться с инквизиторами.

Так как первое время при назначении инквизиторов более принималась во внимание их ревность к вере, чем их знания, и так как обыкновенно они были невежественны, то вскоре нашли нужным прибавить к ним для выработки приговора людей, изучивших сложные гражданские и церковные законы. Инквизиторам было дано право приглашать сведущих людей, как правило, уважаемых в городе, чтобы с ними вместе рассматривать показания и пользоваться их советами при вынесении приговора. Приглашенные не имели права отказаться от этого приглашения, причем работали они бесплатно, хотя инквизитор и мог, если находил нужным, оплачивать их труд. Присутствие почтенных граждан при обвинении важных еретиков имело целью скорее увеличить торжественность совещания, чем дать помощь судьям. Совещание обычно назначалось на пятницу; заседателями были юристы и нищенствующие монахи, назначенные инквизитором. Они клялись на Евангелии сохранять тайну и судить по совести, следуя внушениям Бога; затем инквизитор читал доклад по каждому делу, опуская иногда имена обвиняемых, и они произносили одно из следующих решений: «Епитимия по усмотрению инквизитора»; «Осужденный должен быть заключен в тюрьму» или «Осужденный должен быть выдан светской власти».

По большей части судопроизводство было формальное, так как инквизитор мог представить всякое дело так, как он сам понимал его; детальное изучение многих дел в короткий срок, пока проходило совещание, было совершенно невозможно. Форму при этом инквизиторы соблюдали строго. Так как невозможно было собирать всех судей для каждого отдельного случая, дела соединялись, и поэтому в приговорах часто встречаются имена осужденных, о которых на самом суде не было и речи.

В первую эпоху инквизиции еретиков судили и казнили ежедневно — поодиночке или группами в два-три человека. С течением времени церемония становится более внушительной, и происходит она только по воскресеньям. С высоты всех кафедр священники приглашали народ присутствовать на торжестве и заслужить, таким образом, сорокадневное отпущение грехов. В центре церкви воздвигалось нечто вроде сцены; там помещались кающиеся, окруженные духовными и светскими чиновниками. Инквизитор произносил речь, после которой представители светской власти приносили присягу в повиновении, и торжественно провозглашалось отлучение от церкви всех, кто так или иначе помешает действиям святого трибунала. Затем нотариус прочитывал на народном языке показания, спрашивая после каждого из них у обвиненного, чистосердечно ли оно дано им; впрочем, с этим вопросом обращались только к тем, кто был действительно «кающимся» и не мог произвести скандала, уличив судей во лжи. На утвердительный ответ обвиненного его спрашивали, хочет ли он раскаяться или, упорствуя в ереси, желает погубить и тело и душу? Человек выражал желание принести покаяние, и тогда читалось отречение, которое он повторял слово за словом; после этого инквизитор объявлял, что с него снимается отлучение от церкви, и обещал ему снисхождение, если он будет впредь вести себя согласно с тем решением, которое будет ему объявлено. Кающиеся следовали один за другим, начиная с менее виновных; к концу прибегались те, кого нужно было «освободить», то есть предать в руки светской власти.

Торжественное объявление приговора над приговоренными к смерти происходило на площади, где для этого воздвигался особый помост; вызывалось это заботой, чтобы храм Божий не был осквернен объявлением приговора, влекущего за собой пролитие крови; из того же побуждения эта церемония откладывалась на будни. Но казнь всегда происходила на другой день; сутки отводились на то, чтобы осужденный мог покаяться и душа его не попала из огня временного в огонь вечный. Тщательно заботились о том, чтобы осужденные не могли обратиться к народу, боясь, что заявления их о своей невинности вызовут нежелательные проявления сочувствия.

Большое аутодафе, совершенное в апреле 1310 года Бернаром Ги в Тулузе, тянулось с воскресенья пятого числа по четверг девятое. Сначала смягчили епитимии, наложенные на некоторых достойных прощения кающихся; затем двадцать лиц были присуждены носить кресты

и совершить паломничества; шестьдесят пять лиц было приговорено к пожизненному заключению в тюрьму, из них трое в оковах; и, наконец, восемнадцать человек были переданы в руки светской власти и сожжены живыми. На аутодафе в апреле 1312 года пятьдесят одного человека присудили носить кресты и восемьдесят шесть заключили в тюрьму; конфисковали имущество десяти покойников; вырыли и сожгли тридцать шесть трупов; пятерых человек передали светской власти и сожгли живыми и пять человек осудили заочно. Вера, проявлявшая себя подобными жертвоприношениями, понятно, могла возбуждать не любовь, а только один ужас. Иногда случалось, что какой-нибудь упорный еретик нарушал порядок торжества. Так, например, в 1309 году знаменитый ученый катар Амиель де Перль громко исповедовал свое неправоверие, а когда его осудили, он отказался от пищи и питья. Боясь, что жертва умрет раньше сожжения и тем самым ускользнет из рук, сократили процедуру и устроили для него специальное аутодафе. В 1313 году катар Петр Раймунд, отрекшийся за три года до этого от ереси и осужденный на тюремное заключение, сидя в одиночной камере, раскаялся в своей слабости. Он заявил, что желает жить и умереть катаром, и перестал есть и пить. После шести дней поста он видел уже желанный конец; но ревностные служители Бога поторопились осудить его, чтобы не лишать костра добычи.

Инквизиция совершала свое дело с неукротимой энергией. Арно Изарн, пятнадцатилетний юноша, был приговорен в 1309 году в Тулузе, после двухлетнего тюремного заключения, носить кресты и совершить известные паломничества; вся вина его состояла лишь в том, что раз, по приказанию отца, он поклонился еретику. Более года носил он видимые знаки своего позора, но потом, так как они мешали ему искать пропитание, он снял их и получил место перевозчика на Гаронне между Муасаком и Бордо. В своем невежестве он считал себя в безопасности, но полиция инквизиции его разыскала. Его вызвали на суд, но он побоялся явиться, несмотря на убедительные просьбы отца, который обнадеживал его возможностью снисхождения. В 1315 году его отлучили заочно от церкви; на следующий год он был объявлен еретиком и осужден на аутодафе в 1319 году. В 1321 году Бернар Ги распорядился заключить его в тюрьму в Муасаке, но по дороге он бежал, был пойман и приведен в Тулузу. Хотя за все это время он не был уличен ни в чем еретическом, тем не менее его неповиновение инквизиции было признано достойным смертной казни; но ему оказали снисхождение, осудив в 1322 году на пожизненное заключение в тюрьме на хлебе и воде.

Инквизиция не только повсюду закидывала свои сети, но и не брезговала самой скромной добычей.

Глава IX

Судопроизводство инквизиции

Судопроизводство епископских судов подчинялось определенным правилам. С инквизицией это исчезло. В качестве судьи инквизитор охранял веру и карал оскорбления, нанесенные ересью Богу, а кроме того, он был еще и духовник, борющийся за спасение душ от вечной гибели. Он стремился выполнить свою миссию, не стесняясь выбором средств. Когда обвиняемый

являлся перед судилищем, от него требовали присяги, что он будет повиноваться церкви, правдиво ответит на все вопросы, выдаст всех известных ему еретиков и выполнит всякую епитимию, которую могут наложить на него. Если он отказывался дать подобную присягу, то уже этим сам себя объявлял изобличенным и закоснелым еретиком.

Инквизитор, в отличие от обыкновенного судьи, должен был не только установить факты, но и выведать самые сокровенные мысли своего пленника. Преступление, которое преследовал инквизитор, было духовным, уголовные действия виновных не подлежали его юрисдикции. Простое сомнение считалось ересью, и инквизитор должен был убедиться в том, что, внешне будучи верным католиком, подсудимый не был еретиком в глубине своего сердца. Но инквизиторы полагали, что лучше принести в жертву сто невинных, чем упустить одного виновного. В 1278 году один опытный инквизитор принимает за правило, что в областях, где ересь особенно сильна, нужно вызывать на суд каждого жителя, требовать от него отречения от ереси и подробно его допросить о нем самом и о других; малейшее подозрение в скрытности должно было привести к наказанию.

Никто, достигший возраста, в котором, по мнению церкви, он был ответственен за свои поступки, не мог отказаться от обязанности давать показания перед инквизитором. Соборы Тулузы, Безье и Альби, предписывая требовать клятву отречения от всего населения, определили этот возраст в четырнадцать лет для мужчин и в двенадцать для женщин; другие считали детей ответственными за свои поступки начиная с семилетнего возраста; некоторые определяли предельный возраст в девять с половиной лет для девочек и в десять с половиной для мальчиков. Правда, в латинских землях, где законное совершеннолетие наступало только в двадцать пять лет, никто моложе этого возраста не мог быть вызван на суд; но это препятствие обходили легко: назначали опекуна, под прикрытием которого несовершеннолетнего пытали и казнили уже с четырнадцати лет.

Отсутствие на суде по любой причине только увеличивало предполагаемую виновность; часто неявка считалась равной признанию. Еще до учреждения инквизиции розыск вошел в судебную практику духовных судов. В каноническое право было внесено положение, что в случае неявки показаний, добытых розыском, достаточно для обвинения без прений в суде. Если обвиняемый не являлся на суд до истечения установленного срока после объявления вызова в приходской церкви, то выносили обвинительный приговор в его отсутствие; отсутствие обвиняемого замещалось «присутствием Бога и Евангелия» в момент, когда читался приговор. Фридрих II в своем эдикте 1220 года объявил, следуя Латеранскому собору 1215 года, что всякий подозреваемый, который не докажет своей невиновности в течение года, должен быть осужден как еретик; это постановление было распространено и на отсутствующих, которые подлежали осуждению через год после отлучения их от церкви независимо от того, были собраны или нет доказательства против них. Человек, остававшийся год отлученным от церкви и не предпринявший усилий, чтобы заслужить снятие отлучения, считался еретиком, отрицающим таинства. Инквизиция приговаривала к пожизненной тюрьме тех, кого нельзя было обвинить в каком-либо другом преступлении, кроме уклонения от суда, даже если они и соглашались покориться инквизиции и дать отречение.

Даже в могиле нельзя было скрыться. Если осужденный посмертно приговаривался к тюрьме или другому, как считалось, легкому наказанию, то вырывали и выбрасывали его кости; если же ересь заслуживала костра, то останки торжественно сжигались. Беспощадное рвение, проявлявшееся в этих посмертных процессах, ясно сказалось в деле Арманно Понджилупо Феррарского, из-за останков которого в течение тридцати двух лет спорили епископ и инквизитор Феррары; победа в 1301 году осталась на стороне инквизиции. Обвинение против Герарда Флорентийского, умершего в 1250 году, инквизитор брат Гримальдо довел до конца в 1313 году. Опасность конфискации имущества умершего увеличивалась, когда судьей выступал полупомешанный фанатик, заранее уже видевший во всяком еретике или, того хуже, когда судьей был просто алчный человек, искавший наживы в штрафах и конфискациях.

Инквизитор не стеснялся формой, не позволял, чтобы ему мешали юридические правила и хитросплетения адвокатов; он сокращал судопроизводство, лишая обвиняемого самой обыкновенной возможности сказать слово в свою защиту, он не давал права на апелляции и

отсрочки. Инквизиция облекала дело глубокою тайною даже после произнесения приговора. Если не приходилось делать объявления об отсутствующем, то даже вызов на суд человека, только подозреваемого в ереси, делался тайно. О том, что происходило после явки обвиняемого в суд, знали немногие «скромные» люди, избранные судьей и давшие присягу хранить все в тайне; даже сведущие люди, призванные дать свое заключение о судьбе обвиненного, были обязаны сохранять молчание.

Выдержки из протоколов могли сообщаться только в исключительных случаях и с крайней осторожностью.

Обычно ход инквизиционного процесса был следующим. Когда на кого-то падали подозрения в ереси, приступали к негласному расследованию и собирали все возможные свидетельства на сей счет; затем человеку приказывали явиться в суд в такой-то день и час; если казалось, что он хочет сбежать, его могли неожиданно арестовать и держать до суда под арестом. По закону вызов в суд могли повторять до трех раз, но это правило не соблюдалось. Когда преследование было основано на народной молве, в качестве свидетелей вызывали первых попавшихся; количество догадок и пустых слухов, распространенных этими свидетелями, боявшимися навлечь на себя обвинение в сочувствии к ереси, было достаточно для доказательств вины. Таким образом, можно сказать, что обвиняемого осуждали заранее. Единственным средством спастись было признать все собранные против себя обвинения, отречься от ереси и согласиться на епитимию. Если же при наличии порочащих свидетельств человек упорно отрицал свою вину и настаивал на своей верности католичеству, то его именовали закоренелым еретиком и выдавали светской власти; далее его чаще всего ждал костер. Один инквизитор XV века настаивал, что ни в коем случае ни при каких условиях обвиняемого не следует отпускать на свободу; если он раскаивается, то его следует подвергнуть пожизненному тюремному заключению.

Инквизитор старался добиться признания. Признание сопровождалось всегда изъявлением обращения и раскаяния. Инквизиция считала выдачу единомышленников доказательством чистосердечного обращения и выбивала доносы любыми средствами. Отказ кающегося еретика выдать своих друзей и близких принимался как доказательство того, что он не раскаялся, и его немедленно передавали в руки светской власти. Практическая польза этого ужасного требования ясно выразилась в деле Сорины Риго, суд над которой состоялся в Тулузе в 1254 году; ее признание дополнялось перечнем имен 169 человек, выданных ею, с указанием их места жительства.

Наиболее простым способом добиться признания был допрос обвиняемого. Инквизитор подготавливался к нему, сопоставляя и изучая все противоречивые показания, тогда как узник оставался в полном неведении о собранных против него уликах. Умение вести допрос было главным достоинством инквизитора. Были составлены руководства, в которых содержались длинные ряды вопросов для еретиков различных сект. Развивалось особого рода тонкое искусство, состоявшее в умении расставлять сети обвиняемым, ставить их в тупик и противоречить самим себе. Случалось, однако, что невиновность или хитрость обвиняемого торжествовали над всеми усилиями инквизитора, но в этом случае инквизитор прибегал к обману и пытке. Чтобы вырвать признание у обвиняемого, инквизитор считал уже установленным тот факт, который ему следовало еще доказать, и расспрашивал о разных мелких подробностях. При этом ему рекомендовалось во время допроса перелистывать дело, как будто он ищет в нем какие-то сведения, а потом резко объявить обвиняемому, что он говорит неправду, что все происходило совсем по-другому, взять первую попавшуюся бумагу и сделать вид, что читает в ней «все, что может ввести обвиняемого в обман». Чтобы сделать эту ложь более действенной, тюремщики входили в доверие к заключенным, убеждали их скорее сознаться, всем своим видом обещая снисхождение. Затем, согласно рекомендациям, инквизитор должен был заявить, что у него есть неоспоримые доказательства и если обвиняемый сознается и назовет тех, кто ввел его в заблуждение, то его тотчас освободят. Другая, более хитрая уловка состояла в том, что с заключенным обращались мягко, подсылали к нему в камеру испытанных агентов снискать его доверие и побудить к признанию в обмен на заступничество. При этом в удобный момент являлся лично инквизитор и подтверждал эти обещания. Когда несчастный просил снисхождения за свои

разоблачения, его успокаивали, говоря, что для него будет сделано даже гораздо больше, чем он просит.

При такой постановке дела видную роль играли шпионы. Испытанным агентам, проникавшим в камеру заключенного, было приказано вести его от признания к признанию, пока они не получат достаточно материала для его обвинения, но чтобы он этого не заметил. Обычно это поручали обращенным еретикам. Один из них говорил обвиняемому, что его обращение было притворное; после ряда бесед он приходил к нему позднее обычного, и дверь за ним запиралась. Завязывался откровенный разговор, а за дверью скрывались свидетели и нотариус, которые подслушивали все, что говорит жертва. Если это было возможно, пользовались услугами других заключенных, которые получали известное воздаяние за эти услуги. Но применялись также и жестокие меры. Уличенного или только подозреваемого в ереси подвергали пытке, и если видели, что физическое страдание может принудить его сознаться в ереси, то не останавливались ни перед каким мучением, чтобы «спасти его душу».

Чтобы сломить упорство заключенного, который отказывался сознаться или отречься, посылали к нему в камеру жену и детей, слезы и убеждения которых могли склонить его к признанию. Иногда заключенному резко улучшали условия содержания, с ним обращались с видимой добротой в расчете, что его решимость ослабнет, колеблясь между надеждой и отчаянием. Инквизитор последовательно применял все приемы, которые могли дать ему победу над несчастным. Одним из наиболее действенных приемов была медленная пытка бесконечными отсрочками разбора дела. Арестованный, который отказывался признаться или признания которого казались неполными, отсылался в свою камеру, и ему предоставлялось размышлять в уединении и в темноте. После многих недель или месяцев заключенного выслушивали снова; если ответы были опять неудовлетворительны, его снова запирали. Часто бывало, что между первым допросом заключенного и окончательным решением протекало три, пять, десять или даже двадцать лет, а некоторым несчастным приходилось терзаться в безвыходном отчаянии десятки лет. Когда хотели ускорить результаты и добиться признания, ухудшали положение узника и лишали его постели и пищи или же сажали на цепь в сырой яме и т. п.

Пытка противоречила не только принципам христианства и традициям церкви; даже варвары, за исключением вестготов, избегали применять пытки. Однако в 1252 году Иннокентий IV одобрил применение пытки для раскрытия ереси; правда, церковные каноны запрещали лицам духовного звания при пытке присутствовать. Но в 1256 году, когда Александр IV дал инквизиторам и их помощникам право отпускать друг другу грехи за «неправильное поведение», инквизитор и его помощники стали пытать подозреваемых сами. Пытка была скорым и действенным приемом, чтобы добиться желаемых признаний. В документах следствия пытка упоминается как дело совершенно обычное. В октябре 1317 года Иоанн XXII решил ограничить применение пыток и предписал, чтобы они применялись только с согласия епископа, — правда, если через восемь дней после обращения за разрешением применить пытку ответа от епископа не поступало, инквизитор мог действовать по своему усмотрению.

Но инквизиторы недолго мирились даже с такими незначительными ограничениями. Тонкие схоластики разъяснили, что коль скоро папа не упомянул о пытке свидетелей, то сами инквизиторы должны решать, следует пытать свидетелей или нет — ведь они могли скрывать правду. А поскольку обвиняемый обычно сам становился свидетелем по вопросу о виновности своих друзей, то его подвергали пыткам именно в качестве свидетеля, добиваясь все новых и новых разоблачений.

При этом законоведы расходились во мнениях относительно того, при каких условиях оправдывалось применение пытки в отношении обвиняемого. Одни считали, что обвиняемого, пользовавшегося хорошей репутацией, можно подвергать пытке, лишь когда против него свидетельствуют двое, а человек дурной репутации может быть подвергнут пытке на основании показаний только одного человека. Другие утверждали, что показаний одного уважаемого лица уже достаточно, чтобы приступить к пытке, какой бы репутацией ни пользовался обвиняемый. Третьи считали, что для применения пытки достаточно «народной молвы». И все законоведы считали достаточным поводом к пытке, если обвиняемый на допросе проявлял страх, запинаясь или менял ответы, хотя против него и не существовало никаких свидетельских показаний.

Правила, принятые инквизицией для применения пытки, были впоследствии усвоены светскими судами всего христианского мира. Пытка должна была быть умеренная, и при этом следовало тщательно избегать пролития крови. Главную роль при выборе пыток играло мнение судьи. Узнику показывали орудия пытки и убеждали признаться. Если он отказывался, его раздевали и связывали; затем снова убеждали признаваться, обещая ему снисхождение. Это часто достигало желательного эффекта. Но если угрозы и увещания не достигали цели, то пытку применяли с постепенно возрастающей жестокостью. Если обвиняемый продолжал упорствовать, то приносили новые орудия пытки и предупреждали жертву, что они будут применены; если же и после этого жертва не ослабевала, ее развязывали и назначали на другой или третий день продолжение пыток. По правилу пытка могла применяться только один раз; но достаточно было приказать не повторить, а лишь продолжить пытку, и, как бы ни был велик перерыв, ее могли продолжать бесконечно. Можно было также заявить, что добыты новые свидетельские показания, которые требуют новых пыток.

Упрямую жертву подвергали все более тяжелым пыткам. В тех случаях, когда после мучений, найденных судьями достаточными, признаний не добивались, некоторые законоведы считали, что несчастного следует признать невиновным и отпустить на свободу; другие же считали, что подозреваемого в любом случае следует оставлять в тюрьме. Чтобы обойти запрет повторных пыток, следователи применяли подряд одну за другой пытки по разным пунктам обвинения. Если же жертва признавалась прямо в камере пыток, то признание записывали, зачитывали узнику и спрашивали, правдиво ли оно. Существовало, правда, правило, предписывавшее перерыв в двадцать четыре часа между пыткой и признанием или подтверждением признания, но обычно это не исполнялось. Молчание считалось знаком согласия. Продолжительность молчания определялась судьями, которые должны были принимать во внимание возраст, пол и физическое и нравственное состояние узника. Во всех случаях признание записывалось в протокол с отметкой, что оно сделано добровольно. Если обвиняемый отрекался от своего признания, то его можно было снова подвергнуть пытке, которая считалась продолжением прежней. Так как отречение от признания представляло «помеху деятельности инквизиции», обвиняемого карали отлучением от церкви. Инквизиторы всегда считали признание правдивым, а отречение от него — клятвopеступлением, свидетельствующим, что обвиняемый нераскаянный еретик и рецидивист, которого следует выдать светским властям. Если человек сознался и затем, отпущенный на свободу с наложением на него епитимии, публично утверждал, что был вынужден к признанию страхом, то на него смотрели как на нераскаявшегося еретика-рецидивиста.

Глава X

Свидетельские показания

Инквизиционный суд носил характер поединка между судьей и обвиняемым. Свидетельским показаниям в этой борьбе придавали большое значение, если они давали повод к задержанию и преследованию или были средством устрашения. С этой целью собирали самые незначительные

слухи, даже заведомую клевету. Судопроизводство регулярных духовных судов, основанное на гражданском праве, признавало и применяло правила последнего относительно свидетельских показаний и обязывало подтвердить их на суде. Но уже с начала XIII века инквизиторы считали себя свободными от всяких ограничений, утверждая за собой право «сообразоваться не с обычными законами, как при других преступлениях, а с частными узаконениями и привилегиями, предоставленными инквизиторам Святым престолом, ибо есть много иного такого, что свойственно одной только инквизиции».

В самом начале деятельности святого трибунала была сделана попытка определить, в чем состоит проявление ереси. Нарбоннский собор 1244 года постановил: для такого проявления достаточно, если обвиняемый будет уличен в том, что «он выказывал доверие еретикам или считал их добрыми людьми». Добытые свидетельские показания на этот счет были обычно настолько же ничтожны и неосязаемы, как и те факты, которые желали подтвердить ими. Инквизиция не только предоставляла свидетелям право, но даже убеждала их говорить все, что взбредет на ум. Огромное значение придавали народной молве и общественному мнению; для подтверждения обвинения принимали на веру все слова свидетеля, даже основанные на личном предубеждении, на сплетнях, на пустых слухах или бессмысленной болтовне. Все, что могло повредить обвиняемому, разыскивалось и тщательно записывалось. В 1254 году Арно де Монреаль был объявлен «подозреваемым в ереси» только за то, что навещал свою мать и помогал ей в нужде после совершения над нею обряда еретикации; против него нельзя было сказать ничего другого, но и этого было достаточно, так как Арно был обязан донести на свою мать. В конце концов возвели в правило, что муж и жена, зная, что один из них исповедует ересь, должны донести об этом в течение года; в противном случае они становились соучастниками и без дальнейшего расследования осуждались как еретики.

Инквизиторами был составлен длинный перечень признаков ереси. Собор в Альби в 1254 году постановил, что посещение дома заведомого еретика изменяло простое подозрение в ереси на сильное. Некоторые инквизиторы считали достаточным поводом для осуждения своих жертв, например, подавание еретику милостыни. Инквизитор все, чего нельзя истолковать в пользу обвиняемого, должен был рассматривать в неблагоприятном для него смысле. Безуспешно искать среди задаваемых инквизитором вопросов хотя бы один о вере обвиняемого. Всю свою энергию инквизитор употреблял на то, чтобы получить показания касательно его поступков. Достаточно одного примера, чтобы понять, от каких шатких улик зависела жизнь человека. В 1234 году Аккурсио Альдобрандини, флорентийский купец в Париже, познакомился с несколькими иностранцами; однажды он даже дал их слуге десять су. Когда Альдобрандини узнал, что его новые знакомые — еретики, он понял, что погиб, так как его поклонны им могли быть истолкованы как выражение почитания. Он поспешил в Рим и представил все дело Григорию IX, который потребовал от него денежный залог и поручил епископу Флоренции произвести расследование о предках Аккурсио. Следствие, произведенное кардиналами Остии и Пренесте, дало самые благоприятные результаты; Аккурсио отделался епитимией, наложенной на него папским духовником Раймундом Пеннафорте, и Григорий запретил парижским инквизиторам преследовать его.

При подобной системе самый набожный католик ни одной минуты не мог чувствовать себя в безопасности. В большинстве случаев только одно признание обвиняемого могло удостоверить факт ереси; поэтому, чтобы не оправдать тех, от кого нельзя было добиться признания, измыслили новое преступление — «подозрение в ереси». Различали три степени подозрения — легкое, сильное и тяжелое; толкователи трудились над определением количества и качества свидетельских показаний, обуславливавших одну из трех степеней подозрения, причем окончательное решение этого вопроса зависело от усмотрения судьи. Инквизитор же и вовсе считал несправедливостью отпустить безнаказанным человека, католицизм которого находился под сомнением.

Обычно признавали, что для осуждения человека, пользующегося хорошей репутацией, достаточно два свидетеля, хотя некоторые инквизиторы требовали большего числа. Однако если можно было опасаться, что обвинение не состоится из-за недостатка свидетелей, то вопрос решался всецело по усмотрению инквизитора; если нельзя было вызвать двух свидетелей для

подтверждения одного и того же факта, то достаточно было двух отдельных свидетелей, которые могли бы засвидетельствовать два однородных факта. Если свидетель отказывался от своего первого показания, бывшего благоприятным обвиняемому, то первое показание не принималось во внимание; но если показание было неблагоприятно, то уже отречение не имело значения.

Эдикты Фридриха II лишали еретиков права выступать свидетелями, но они допускались свидетелями против других еретиков. Этот принцип был принят повсеместно, внесен в каноническое право и утвержден практикой. Если бы дело обстояло иначе, то инквизиция лишилась бы одного из наиболее плодотворных каналов для раскрытия и преследования еретиков. Отлученные от церкви, клятвоступники, ростовщики, публичные женщины и все, кто по уголовным законам той эпохи был лишен права выступать в качестве свидетелей, имели законное право показывать против еретиков; и только личная смертельная вражда к обвиняемому, если, конечно, о ней было известно суду, признавалась законным поводом для отвода свидетелей.

Согласно действовавшему уголовному закону государств Италии, свидетель не мог быть моложе двадцати лет; но в делах о ереси допускались показания и более молодых людей, и эти показания, хотя и незаконные, признавались достаточными для того, чтобы послать человека на пытку. Во Франции возраст свидетеля не был строго определен, и решение этого вопроса предоставлялось на усмотрение инквизитора. Ввиду того что собор в Альби в 1254 году определил, что семилетние дети должны посещать церковь и знать «Верую», «Отче наш», «Богородицу», не допускались показания лиц моложе этого возраста. В протоколах инквизиции возраст свидетелей указывается редко, но в деле 1244 года об открытии гнезда еретиков в Монсежуре указано, что свидетелем выступает десятилетний мальчик. Показания ребенка против отца, сестры и других семидесяти лиц приняли всерьез, и они стали решающими при определении виновности этих несчастных.

Жены, дети и слуги обвиняемых не могли свидетельствовать в их пользу; но если их показания были неблагоприятны обвиняемым, то их принимали и даже считали особенно вескими. Когда дело шло о покойнике, то показанию священника, исповедовавшего и напутствовавшего его, не придавали значения. Но если тот же священник свидетельствовал, что покойник признался ему в ереси, отрекся от нее и получил отпущение грехов, то кости не вырывались и не сжигались, однако наследники подвергались штрафу или конфискации, которыми был бы наказан умерший при жизни.

Никто не мог отказаться выступить в качестве свидетеля; никакая привилегия, никакой обет, никакая присяга не освобождали от этой обязанности. Если свидетель не желал или колебался давать показания, то рядом с залом суда находился застенок, к орудиям которого инквизиторы прибегали для убеждения свидетелей чаще, чем для убеждения обвиняемых. Полагали, что применение пыток устраняло всякое сомнение относительно искренности показаний. Священникам было приказано требовать от исповедующихся сообщений всего, что они знали о еретиках и людях, сочувствующих ереси. Если исповедник узнавал что-либо касающееся ереси, то он должен был остановиться на этом и приложить все усилия, чтобы убедить кающегося донести об этом властям; если же его убеждение оставалось тщетным, то он должен был, не называя имен, посоветоваться с людьми «опытными и богобоязненными» и спросить их, как ему поступить в данном случае; уже один тот факт, что в подобном деле рекомендовалось обращаться за советами, показывает, что тайна исповеди не считалась инквизицией неприкосновенной.

При таком отношении инквизиционного суда к свидетельским показаниям осуждение за ересь выносилось легче, чем за какое-либо другое преступление. Инквизиторов учили, что достаточно самого легкого показания. Обвиняемому не сообщали имен свидетелей, выступавших против него. Уже в 1244 и 1246 годах соборы в Нарбонне и Безье запрещают инквизиторам объявлять имена свидетелей, мотивируя это «благоразумным желанием» Святого престола не подвергать их опасности. Бонифаций VIII ввел в каноническое право статью об умолчании имен свидетелей. Иногда предъявляли имена свидетелей, выписав их предварительно на особый лист в таком порядке, что невозможно было узнать, кто из них что показал, или их перемешивали с именами других лиц так, что никоим образом нельзя было определить их имена. Иногда часть

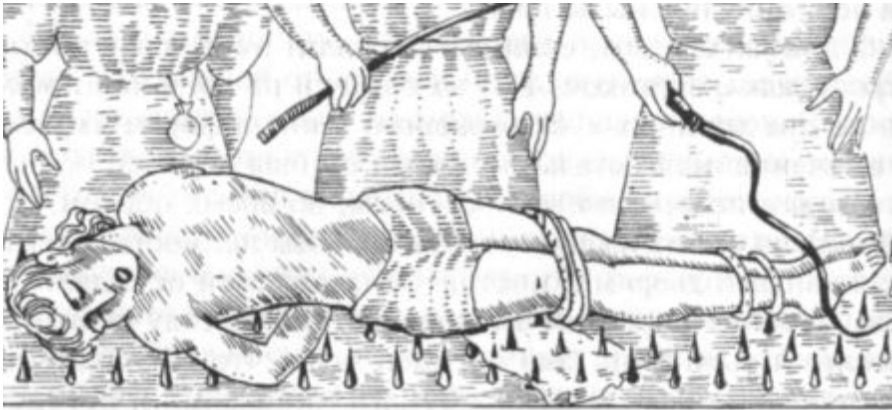
свидетелей приносила присягу в присутствии обвиняемого, а остальные допрашивались в его отсутствие. На некоторых процессах держали в тайне и сами свидетельские показания. Обвиняемого судили на основании сведений, о которых он не знал и которые исходили от неизвестных ему свидетелей. Так как за обвиняемым в принципе не признавали никаких прав, то инквизитор мог позволять себе все, что, по его мнению, могло послужить интересам веры. Так, например, если свидетель обвинения брал свои слова назад, то это держалось в тайне от обвиняемого, так как это могло бы сделать его защиту более смелой; но в то же время судье рекомендовалось иметь это в виду при вынесении приговора. Забота инквизиции о безопасности свидетелей заходила так далеко, что инквизитор мог, если находил это нужным, отказать обвиняемому в выдаче копий свидетельских показаний.

Эта таинственность, освобождавшая свидетелей и обвинителей от всякой ответственности, вызывала злоупотребления и создавала массу возможностей для наветов. Покровительство, которое инквизиция оказывала доносчикам и еретикам, сделало ее орудием и пособницей бесконечного числа лжесвидетелей, и то, что инквизиторы предупреждали свидетеля о наказаниях, налагаемых за ложную присягу, и тщательно допрашивали его, чтобы узнать, не подкуплен ли он, не меняло сути дела. Время от времени встречался добросовестный судья, который старательно разбирался в свидетельских показаниях. Некто Понс Арно явился без всякого вызова и обвинил своего сына Петра в том, что тот пытался совершить над ним еретикуцию, когда он якобы находился при смерти. Сын отрицал это обвинение. Судья выяснил, что в указанное время Понс не был болен. Имея в руках соответствующие свидетельства, он заставил обвинителя сознаться, что вся эта история — выдумка с целью погубить сына. Этот случай делает честь инквизитору, но в то же время прекрасно показывает, какими тенетами была опутана жизнь всякого человека. Подобный же случай отмечен в 1329 году в Каркассоне, где инквизитор Генрих де Шамэ раскрыл настоящий заговор, направленный на жизнь невинного; ему удалось заставить пятерых лжесвидетелей сознаться в их преступлении.

Лжесвидетельство каралось очень строго, но тем не менее оно встречалось часто, и раскрыть его было трудно. Бывало, что несколько человек сговаривались погубить невинного. В немногочисленных дошедших до нас документах упоминается о шести лжесвидетелях (из них два священника), осужденных в 1323 году на аутодафе в Памье; четверо были осуждены в Нарбонне в декабре 1328 года; один — в Памье через несколько недель после этого; еще четверо — опять в Памье в январе 1329 года и еще семь (в том числе один нотариус) — в Каркассоне в сентябре того же года. По этим данным мы можем заключить, что если бы архивы инквизиции были доступны нам в их полном объеме, то список лжесвидетелей был бы ужасающе длинен и мы открыли бы огромное число юридических ошибок в тех делах, где лжесвидетели не были уличены во лжи.

С лжесвидетелем, если его уличали, поступали так же строго, как с еретиком. Ему на спину и на грудь пришивали по два длинных куска красного сукна в форме языков, и в течение всей остальной жизни он был осужден носить эти знаки позора; по воскресеньям, во время обедни, его обязывали стоять на виду у всех на особых подмостках перед церковными дверями; иногда лжесвидетелей осуждали на пожизненное тюремное заключение. В 1322 году некто, по имени Гильем Мор, был осужден за то, что в сообществе с другими лицами подделал бумаги инквизиции, которые давали ему возможность вызывать ни в чем не повинных людей на допросы и угрозами вымогать с них деньги; его присудили носить на спине и груди красные листы — вместо обычных красных языков. Тут заметим, что для лжесвидетелей не существовало одинакового наказания. Лжесвидетели, осужденные в Памье в 1323 году, не были приговорены к тюремному заключению, а четверо лжесвидетелей в Нарбонне в 1328 году были признаны особенно виновными, так как они были подкуплены личными врагами обвиняемого: их приговорили к пожизненному тюремному заключению на хлебе и воде с пребыванием в ножных и ручных оковах. Совещание экспертов, бывшее в Памье на аутодафе в январе 1329 года, постановило, что лжесвидетели должны не только подвергаться тюремному заключению, но и возмещать убытки, причиненные ими. В 1518 году папа Лев X предписал испанской инквизиции выдавать в руки светской власти тех лжесвидетелей, которые нанесли существенный ущерб своим жертвам.

Глава XI Защита

Каноны Латеранского собора предписывали епископским судам не препятствовать обвиняемому присутствовать при решении их дел. Обвиняемому следовало предъявлять все жалобы, чтобы он мог дать свои объяснения; имена свидетелей и их показания следовало обнаружить и принять все законные отводы.

Разумеется, инквизиция эти каноны старалась в расчет не брать. В задачу инквизитора входило заставить обвиняемого сознаться в своем преступлении. Чтобы легче было этого добиться, возможности защиты сводили до минимума, а иногда, в стремлении полностью развязать себе руки, обвиняемого лишали права иметь защитника. И это при том, что в епископских судах защитник был обязателен и часто бедным, которые не могли нанять себе адвоката, давали бесплатного защитника. Так, во всяком случае, записано в испанских законах XII века.

Но декреталий Иннокентия III, внесенный в каноническое право, запретил адвокатам и нотариусам оказывать содействие еретикам и лицам, сочувствующим ереси, а также выступать вместо них в судах. Это запрещение, которое касалось лишь закоснелых еретиков, было вскоре распространено на всех людей, подозреваемых инквизицией. Соборы Баланса и Альби в 1248 и в 1254 годах предупреждали инквизиторов об опасности адвокатских уловок и признавали адвокатов еретиков сочувствующими ереси, а ведь мы уже знаем, что объявленный сочувствующим ереси признавался по закону еретиком, если в течение года не мог это опровергнуть. Таким образом, защищать еретика в суде было делом небезопасным, хотя формально обвиняемый имел право взять себе защитника. Если защитниками были лица духовного звания, их навсегда лишали бенефиций.

Инквизиция имела право вызвать адвоката в качестве свидетеля, заставить его выдать ей имевшиеся у него документы и узнать от него все, что было сказано ему клиентом. Постепенно в принцип канонического права было возведено, что адвоката еретика по малейшему поводу можно было отрешать от обязанностей и самого подвергать суду, а затем, на тот случай, если все-таки еще найдутся смельчаки, желающие защищать еретиков, адвокатам вообще запретили выступать в судах инквизиции. Таким образом, обвиняемый защищался сам.

Защита могла прибегать к отводу свидетелей обвинения. Свидетель мог быть отведен в случае, если он испытывал смертельную вражду к обвиняемому, но вражда признавалась таковой, если в стычке между ними проливалась кровь или, по крайней мере, ссора была настолько крупной, чтобы могла вызвать кровопролитие. В отводе свидетеля была вся надежда защиты, но и она разрушалась сокрытием от обвиняемого его имени. Несчастному приходилось наудачу называть имена лиц, которые могли быть замешаны в его деле. Если он указывал на кого-либо из свидетелей как на своего личного врага, то его допрашивали о причинах вражды; инквизитор рассматривал мотивы ссоры и решал, достаточны ли они для отвода свидетеля. Одна из уловок судей состояла в том, что они в конце допроса спрашивали у обвиняемого, не имеет ли

он таких озлобленных врагов, которые стали бы показывать ложно против него; если он отвечал отрицательно, то для него защита уже теряла смысл. В других случаях обвиняемому предъявляли самого враждебного ему свидетеля и спрашивали, знает ли он его; отрицательный ответ лишал возможности сослаться в будущем на личную вражду. Обвиняемому обыкновенно не позволяли вызывать своих свидетелей, за исключением случаев, когда требовалось установить враждебное отношение к нему кого-либо из обвинителей. Если обвиняемому не удавалось угадать имен своих врагов и опровергнуть их показания, то осуждение его было неизбежно.

Инквизиционная система предусматривала: если обвиняемый отказывался защищаться, это признавалось равным отказу явиться на суд, в таком поведении видели акт признания, и обвиняемого немедленно выдавали в руки светской власти на сожжение. Но обвиняемый, пытавшийся защищаться, имел так мало надежды на успех, что часто в самом начале процесса люди отказывались от защиты. Часто в приговорах указывается, что осужденный имел возможность защищаться, но отказался от этого.

В случае возбуждения дела против умерших на суд для защиты покойника вызывались его дети или наследники, а также оглашением по церквам вызывались все заинтересованные в деле. В третьем оглашении объявлялось, что если никто не явится в назначенный день, то все равно будет вынесен приговор. В приговорах по делам об умерших всегда тщательно отмечаются эти предварительные оглашения. Но, несмотря на притворное стремление сохранить справедливость, суды над мертвыми были не меньшей карикатурой на правосудие, чем суды, жертвой которых являлись живые. На аутодафе, бывшем в Тулузе в 1309 году, осудили четверых покойников; в одном случае никто не явился на суд, а в трех других явившиеся наследники отказались защищаться. В деле Петра де Тормамира наследникам удалось в конце концов добиться отмены приговора ввиду крупных нарушений закона при ведении дела, но для этого потребовалось тридцать два года упорной борьбы, причем все это время имущество покойного находилось под арестом.

В теории обвиняемый имел право, как и в других судах, отвести судью, но этого никогда не бывало на деле. Нельзя было оправдываться собственным невежеством. Того, кто упорно отрицал приписываемую ему вину, выражал готовность исповедовать веру и во всем повиноваться церкви, считали закоренелым и нераскаянным еретиком, недостойным снисхождения. Самоубийство в тюрьме приравнивалось к признанию вины и вело к ограничению прав наследников. Правда, сумасшествие или опьянение могли быть признаны обстоятельствами, смягчающими поведение раскаявшегося еретика, но только в том случае, если он согласился с выводами, к которым пришел инквизитор; в противном случае его выдавали светским властям.

Как-то Бернар Делисье, францисканский монах из Каркассона, в присутствии Филиппа Красивого и его двора заявил, что если бы апостолы Петр и Павел были обвинены в почитании еретиков и инквизиция возбудила против них преследование, то они никоим образом не могли бы оправдаться. Они спросили бы: «Перед какими еретиками?» — и им назвали бы нескольких известных в стране людей, не дав никаких объяснений. Если бы они поинтересовались именами свидетелей, то не услышали бы ни одного. «Каким же образом, — вскричал Бернар, — могли бы святые апостолы говорить в свою защиту, особенно при том условии, что всякого, явившегося к ним на помощь, сейчас же обвинили бы в сочувствии ереси?»

В теории можно было в случае медленности или неправильности судопроизводства пожаловаться на инквизицию папе, но сделать это следовало раньше объявления приговора, изменить который уже было нельзя. Точнее, папа имел на это право, но пользовался им крайне редко. При этом инквизиторы на вполне законных основаниях могли воспрепятствовать жалобщику. Руководства для инквизиторов содержали на этот счет множество советов и прямо поучали их коварным уловкам. Кроме того, процедура подачи жалоб благодаря своей сложности была доступна только людям, очень хорошо осведомленным в законах. Изредка папа вмешивался в дело по собственной инициативе, особенно если речь шла о людях богатых. Курия всегда была жадна до денег. Богачи, чья жизнь была поставлена на карту, соглашались разделить свое состояние с папским двором, лишь бы уберечься от преследования. Грамоты папских духовников давали неприкосновенность не только тем, кто попал под суд, но и тем, кто опасался вызова в суд, тем, кто был отлучен от церкви за уклонение от суда, и тем, кто был уже осужден. Впрочем,

папское вмешательство редко кого полностью выводило из-под наказания — осуждение в той или иной форме все равно было неизбежно.

В реестре каркассонской инквизиции с 1249 по 1258 год записано около двухсот дел, и нет ни одного случая, чтобы заключенный был признан невиновным и выпущен из тюрьмы. Коли против человека не было никаких улик и он отказывался признаться в прегрешении, его держали в тюрьме столько времени, сколько требовалось инквизитору; если поводом к обвинению была косвенная улика и подозрение было легкое, то он мог быть отпущен на свободу под залог и с условием являться к дверям инквизиции каждый день, пока инквизитор не докажет его виновность. К северу от Альп существовало негласное правило, что никто не должен быть оправдан. Если обвинение совершенно заходило в тупик, то суд выносил вердикт: «Обвинение не доказано», но не говорили, что обвиняемый невиновен, так как это могло бы служить помехой для возбуждения нового дела против него.

Признание подозрения виной значительно облегчило инквизиции возможность не выносить оправдательных приговоров. Эдиктом Фридриха II предписывалось, что подозреваемые в ереси должны доказать свою невиновность; в противном случае они лишались покровительства закона.

Подозрение могло возникнуть разными путями, но особенно часто его порождала молва. Право определять степень подозрения в каждом конкретном случае предоставили инквизиторам. Считалось, что подозреваемые еще не пропащие люди, что их нельзя осуждать наравне с еретиками и следует налагать на них относительно легкие наказания, за исключением случаев «тяжелого» подозрения. Если обвиняемый не мог снять с себя «тяжелое» подозрение, его следовало передать в руки светской власти для дальнейшего суда, и часто этот суд оканчивался строгим приговором.

Подозрение отводилось, если несколько человек под присягой подтверждали невиновность подсудимого. Эти люди (соприсяжники) должны были принадлежать к одному с ним сословию и знать его лично. Число их менялось по усмотрению инквизитора и сообразно со степенью подозрения могло быть от трех до двадцати — тридцати и даже более. Если несчастный не успевал в течение года представить назначенное число соприсяжников, то применялся закон Фридриха II и он признавался еретиком; правда, в этом случае у него был шанс избежать костра, раскаявшись и отрекшись от заблуждений; тогда его ждало пожизненное тюремное заключение. Если же обвиняемому удавалось оправдаться благодаря соприсяжникам, то его хотя и выпускали на свободу, все равно не объявляли невиновным, поскольку уже то, что он попал в число подозреваемых, навсегда накладывало на него пятно беславия.

Даже при таком повороте событий его заставляли отречься от ереси; отречение фиксировалось документально и хранилось в тщательно сберегаемом деле. Если впоследствии дело против этого человека возобновлялось, тот факт, что он ускользнул от первого обвинения, приводился как доказательство виновности.

Существовало несколько формул отречения от ереси в зависимости от того, сколь тяжелым было подозрение. Обряд совершался публично, на аутодафе, за исключением редких случаев, в которых обвиняемыми являлись духовные лица. Часто отречение сопровождалось денежным штрафом. Нежелание отречься — даже если перед этим человек был признан невиновным — вело к немедленному обвинению и скорому осуждению.

Глава XII

Приговор

По теории, в задачу инквизиции не входило налагать наказания; миссия ее была в том, чтобы спасти души заблудших, направить их на путь спасения и наложить епитимии на тех, кто вступал на этот путь, подобно тому как делал это исповедник в отношении своих духовных детей. Ее приговоры — так мыслилось церковью — имели в виду лишь благо заблудших душ, очищение или искупление их от грехов. Когда инквизиция приговаривала к пожизненной тюрьме, формально это было простое повеление виновному предать себя тюремному заключению и посадить себя на хлеб и воду; затем ему объявляли, что он не должен выходить из тюрьмы под страхом отлучения от церкви и признания его клятвоступником и нераскаявшимся еретиком. Если ему удавалось бежать, то в объявлении об этом он выставлялся безумцем, отвергшим спасительное лекарство.

Инквизитор никогда не приговаривал к смертной казни, но просто лишал покровительства церкви законченного и нераскаявшегося грешника или рецидивиста. За исключением Италии нигде более сам инквизитор никогда не подвергал конфискации имущество еретика, но лишь констатировал наличие преступления, которое по светским законам лишало виновного права владеть собственностью. Инквизитор мог наложить в виде епитимии штраф, причем взысканные деньги следовало обратить на добрые дела. Он судил грехи и предписывал духовные врачевания, следуя внушению Евангелия, которое всегда лежало раскрытым перед ним. Инквизитор не был связан никакими законами и правилами, вызванные на его суд оказывались в его полном распоряжении. Он мало обращал внимания на человеческие страдания. А тот, кто сопротивлялся инквизиции, даже если ему удавалось отвести все подозрения, обвинялся в непослушании и в конце концов часто объявлялся недостойным снисхождения.

Юридические права инквизиции распространялись не только на еретиков, добровольно отступивших от догматов церкви. Все, кто давал еретикам пристанище, милостыню или покровительство, кто не доносил на них властям или просто не задерживал их, — все эти люди, как бы ни была известна их преданность католицизму, навлекали на себя подозрение в ереси, очиститься от которого они уже не могли никогда. Инквизиторы считали, что еретик может освободиться от ада, если он раскается, исповедует свои грехи священнику и получит от него отпущение грехов. Но отпущение грехов не освобождало от земного наказания.

Епитимии, обычно налагаемые инквизицией, не были очень разнообразны: чтение молитв, посещение храмов, строгое исполнение обрядов, посты, паломничество по святым местам, пожертвования на благотворительность. Были среди них и епитимии унижительные — наиболее позорным считалось предписание носить желтые кресты на одежде. Санбенито — одеяние еретика позднейшей испанской инквизиции — происходит от наплечника с крестами шафранового цвета, который надевали на осужденных, когда в праздники их выставляли у дверей церкви, чтобы своим унижительным видом они предостерегали народ от непослушания инквизиции.

Самое суровое наказание, исходившее от инквизиции, было тюремное заключение.

Конфискация же была побочным наказанием и зависела, как и костер, от светских властей. Соборы в Нарбонне и Безье в начале XIII века предписывали временное или пожизненное изгнание еретика из страны, но эта мера наказания применялась редко, она упоминается лишь в приговорах, относящихся ко времени, когда инквизиция только разворачивала свою деятельность.

Хотя церковь и объявляла, что она с радостью принимает в свои объятия заблудших и раскаявшихся еретиков, но тем не менее обратный путь к ней был труден и почти невозможен. Раскаявшийся должен был месяцами и даже годами строго выполнять суровые епитимии, пока инквизитор не находил возможность освободить его от наказания. Еще до основания инквизиции, около 1208 года, св. Доминик обратил одного катара, по имени Понс Рожер, и наложил на него епитимию, текст которой дошел до нас. Она дает ясное представление о том, что считала церковь обязательным условием воссоединения в то время, когда она пускала в ход все средства, чтобы привлечь к себе еретиков, и не прибегала еще, кроме исключительных случаев, к насилию. Подряд три воскресения кающийся должен был являться обнаженным до пояса, и священник бичевал его на пути от городских ворот Тревиля до дверей церкви; он должен был отказаться от мяса, яиц и сыра во все дни, кроме Пасхи, Пятидесятницы и Рождества Христова, а в эти дни, наоборот, ему следовало вкушать все это в доказательство своего отречения от заблуждений. Два раза в год, по сорок дней каждый раз, он должен был воздерживаться от рыбы; кроме того, рыба, а также масло и вино запрещались ему три дня в неделю. Он должен носить монашеское одеяние. Ему предписывалось ежедневно ходить к обедне, а по праздникам и к вечерне; семь раз в день ему следовало молиться и, кроме того, десять раз днем и двадцать раз ночью читать «Отче наш». Он должен соблюдать самое полное целомудрие. Ежемесячно его ждал отчет перед священником, который следил за соблюдением предписаний; и такой образ жизни грешник должен вести до тех пор, пока его не освободят от епитимии. Всякое же нарушение епитимии превращало его в клятвopеступника и еретика.

Мы видим на этом примере, сколько различных видов епитимии мог соединять воедино духовный отец по своему усмотрению. Обычным условием епитимии было бичевание: часто оно подразумевалось, когда предписывались паломничества и посещение церквей. Соборы в Нарбонне и Безье в 1244 и 1246 годах, а также собор в Таррагоне в 1242 году упоминают о бичевании как о легком наказании, налагаемом на добровольно обращающихся и кающихся. Эта епитимия часто длилась годами — иногда до самой смерти несчастного, если инквизитор не желал положить ей конец.

Одной из самых легких форм наказания считалось паломничество, хотя идти на поклонение святым местам надо было пешком, а число этих мест было обыкновенно так велико, что обход их всех требовал нескольких лет жизни, в течение которых семья кающегося могла умереть с голоду. В одном случае паломничество в Компостелло было предписано более чем девяностолетнему старцу только за то, что он разговаривал с еретиками.

Паломничества, налагаемые инквизицией, делились на два разряда — большие и малые. В Лангедоке в случае больших паломничеств назначались Рим, Компостелло, Кентербери и Кельн. Малых было девятнадцать — к местным святыням Парижа и Булони. За какие преступления накладывались они, видно из приговора в 1322 году по делу трех обвиняемых, вся вина которых состояла в том, что они видели вальденских наставников в домах своих родителей, хотя и не знали, что это за люди. Чтобы загладить это прегрешение, кающиеся должны были посетить в течение трех месяцев семнадцать святых мест между Бордо и Виенной и принести из каждого места удостоверение о том, что они там были. В 1308 году осужденный был освобожден от хождения по святым местам ввиду его преклонного возраста и слабости, но ему вменили в обязанность посещать два раза в год все церкви «по месту жительства», в Тулузе. В первое время деятельности инквизиции назначалось паломничество в Палестину, куда кающиеся отправлялись в качестве крестоносцев. Но в 1242 или 1243 году папа запретил вербовать крестоносцев среди еретиков, а в 1246 году собор в Безье предоставляет на усмотрение инквизитора решение вопроса, должны ли кающиеся лично нести службу за морем, или они могут посылать вместо себя вооруженного человека, или же им стоит разрешить сражаться за веру против еретиков ближе к дому. Также по своему усмотрению инквизиторы могли определять

срок службы крестоносца — обыкновенно он составлял от двух до трех лет и в исключительных случаях от семи до восьми. Возвратившиеся из Святой земли должны были предъявить удостоверение, скрепленное патриархом Иерусалима или Акры. Падение в 1291 году Иерусалимского королевства вывело из обычая эту форму епитимии, хотя и в начале XIV века ее еще накладывали.

Эти наказания не затрагивали ни социального положения, ни репутации кающегося. Не таково было на первый взгляд несравненно более легкое предписание носить на одежде кресты — две больших холщовых нашивки шафранного цвета на спине и на груди. Кающийся должен был носить их постоянно, как дома, так и вне его, а когда они приходили в ветхость, заменять их новыми. Во второй половине XIII века крестоносцам, отправлявшимся за море, разрешалось на время похода эти кресты снять, однако по возвращении они должны были нашить их снова. В начале деятельности инквизиции это унижительное наказание обычно ограничивали сроком до восьми лет; но впоследствии его стали накладывать на всю жизнь, оставляя за инквизитором право при очевидном благочестии кающегося отменить епитимию. Так, например, на аутодафе 1309 года инквизитор Бернар Ги разрешил Раймунде, жене Этьена Го, снять кресты, которые она носила почти сорок лет.

Нарбоннский собор 1229 года предписал ношение крестов всем обращенным, добровольно отрекшимся от ереси как доказательство того, что они питают отвращение к своим прежним заблуждениям. Собор в Безье 1234 года грозил конфискацией имущества тем, кто откажется носить эти знаки позора или будет скрывать их. Другие соборы, подтверждая это постановление, распространяли его на всех, кто воссоединится с церковью. Валанский собор 1248 года постановил, что ослушники должны заглаживать свою вину, а в случае повторения с ними нужно поступить, как с преступниками, бежавшими из тюрьмы, и к ним должно применить наказания, как к нераскаявшимся еретикам. В 1251 году один кающийся, собираясь отплыть в крестовый поход, снял с себя кресты раньше времени; за это он попал под суд, и ему присудили всякое первое воскресенье каждого месяца приходить в Каркассон босиком, в одной рубашке и штанах и обходить все городские церкви, где его подвергали бичеванию; и это наказание продолжалось до тех пор, пока он не сядет на корабль.

Инквизиция прекрасно понимала, что положение кающихся, помеченных крестами, ужасно, и иногда она милостиво облегчала его. Молодым девушкам разрешалось снимать кресты, так как с ними они не могли выйти замуж. Среди мотивов освобождения кающихся от крестов были: преклонный возраст или болезнь, наличие у кающегося семьи, которую нужно кормить, или дочерей, которых нужно выдать замуж. Инквизиция угрожала осуждением на ношение крестов всем, кто будет издеваться над кающимся, станет гнать его или мешать ему нести покаяние.

В первое время после возникновения инквизиции вопрос о том, могут ли инквизиторы налагать штрафы, оставался спорным. Нарбоннский собор 1244 года в своих инструкциях инквизиторам предписывает им не приговаривать к денежным наказаниям в интересах доброго имени доминиканского ордена, члены которого давали, как известно, обет бедности. Папа Иннокентий IV буллой от 1245 года повелевает, чтобы штрафы получали два лица, избранные епископом и инквизитором, и чтобы они шли на постройку тюрем и на содержание заключенных. Собор в Безье в 1246 году отменил постановление Нарбоннского собора и определил, что штрафы следует направлять на устройство тюрем и покрытие расходов инквизиции. Но уже в 1249 году Иннокентий IV жестоко упрекал инквизиторов за их лихоимство, а в 1251 году он запретил инквизиторам накладывать штрафы во всех случаях, когда можно было наложить другое наказание. Но инквизиторы добились отмены этого запрещения и присвоили право взимать штрафы по своему усмотрению. Суммы, собранные таким путем, должны были идти на «добрые дела», причем все деньги поступали в руки лично инквизиторам.

Позднее инквизиция решила, что штрафы брать негоже, так как если обвиняемый — еретик, то все его имущество должно быть конфисковано, если же он невиновен, то он не должен быть наказан; впрочем, кроме еретиков, существовало еще множество сторонников и защитников ереси, на которых следовало накладывать штрафы. Таким образом, возможности для злоупотреблений остались — инквизиция никак не желала упускать свою выгоду.

От штрафов нельзя отделять замену наказаний уплатой известной суммы. В 1248 году

папский духовник Альгизий приказал от имени Иннокентия IV освободить десять заключенных, сознавшихся в ереси, на том основании, что они пожертвовали крупные суммы на Святую землю. В том же году Иннокентий официально разрешил Альгизию снять наказание с нескольких еретиков без согласия инквизиторов. В 1249 году Альгизий был послан в Лангедок с полномочиями заменять наложенные инквизиторами наказания штрафами, предназначенными на нужды церкви и Святой земли. Инквизиторы не замедлили последовать этому примеру — они повсюду пользовались возможностью вымогать деньги у незащищенных жертв. Эта система сохранялась до последних дней инквизиции. Но не было случая, чтобы законным путем деньгами был выкуплен смертный приговор.

Особо благоприятный момент для сделки наступал, если кающийся умирал, не выполнив своей епитимии. Смерть не освобождала людей от инквизиции и отнюдь не смягчала ее преследований. На практике здесь следовало проводить различие между теми, кто умирал, смиренно выполняя свою епитимию, однако не успел довести ее до конца, и теми, кто добровольно не захотел подчиниться наказанию, но по букве закона невыполнение духовного наказания при любом раскладе влекло за собой обвинение в ереси, и безразлично, кого это касалось — живого или мертвого. Так, например, в 1329 году каркассонская инквизиция приказала вырыть и сжечь кости семи лиц, которые умерли в ереси, не исполнив наложенных на них епитимий; это, естественно, привело к конфискации их имущества и грозило их потомкам, кроме разорения, еще и ограничениями прав. Соборы Нарбонны и Альби предписали инквизиторам требовать удовлетворения от наследников тех, кто умер до суда, если они должны были быть осуждены на ношение крестов, а также от наследников тех, кто сознался и был осужден, но умер раньше, чем смог выполнить епитимию.

Есть что-то особенно отталкивающее в той алчности, с которой преследовали за пределами могилы тех, кто смиренно сознался, раскаялся и был принят в лоно матери-церкви; инквизиция не знала жалости и отбирала у наследников все до последнего гроша. Так, например, инквизитор Каркассона предписал пятилетнее паломничество в Святую землю некоему Жану Видалю; но тот умер, не успев выполнить епитимии. 21 марта 1252 года его наследники, вызванные на суд, показали под присягой, что все имущество покойного равнялось 20 ливрам, и обязались признать решение, которое вынесет инквизитор. Это решение было объявлено спустя пять месяцев — от наследников потребовали в качестве компенсации за невыполненное паломничества 20 ливров, то есть все состояние покойного. А вот другой случай. Раймунд Барбайра умер, не совершив нескольких паломничеств, к которым, равно как и к ношению крестов, он был присужден. Опись его имущества показала, что у него были следующие вещи: кровать, одежда, шкаф, несколько голов скота и 4 су; все это перешло к его родным. И вот 7 марта 1256 года инквизитор потребовал от наследников этого убогого имущества уплаты 40 су к Пасхе.

Другим источником доходов инквизиции, также породившим крупные злоупотребления, был залог. Чтобы получить разрешение на внесение залога, нужно было заручиться согласием инквизитора, который ничем не рисковал, назначая цену за свою снисходительность. Залог был скрытой формой взятки; бывало, что с его помощью смягчали наказание. Обычай выпускать обвиняемых под залог вошел в употребление с первых дней инквизиции; иногда под залог освобождали даже заключенных. Человек, получивший прощение после отречения от ереси, также должен был внести залог, обещая не впасть более в заблуждение. Так, например, в 1234 году знатный миланец Лантельмо внес 2000 ливров, а за двух флорентийских купцов друзья внесли 2000 серебряных марок. В 1244 году залог в 1000 ливров, обещая повиноваться приказаниям церкви, внес житель Флоренции; в 1252 году некто Гильем Рожер обязался, внося в обеспечение 100 ливров, отплыть с первым кораблем в Святую землю и оставался там три года. Гарантия всегда требовалась денежная. Эти деньги шли на покрытие расходов инквизиции. По общему правилу к залогу можно было прибегнуть всегда, кроме тех случаев, когда тяжесть обвинения не оставляла сомнений. Инквизиторам запрещалось принимать залог от еретиков, вина которых и так влекла полную конфискацию имущества, но это правило соблюдалось плохо, и часто находили друзей обвиняемого, которые вносили залог ради хотя бы временного облегчения его участи.

Тюрьмы, куда инквизитор мог упереть своих мучеников, были ужасны, однако гораздо больше страха несчастным внушала угроза лишения имущества, занесенная, как дамоклов меч, над головой всех и каждого. Инквизиция была способна довести до нищеты любое семейство. Богатые люди довольно быстро поняли, что самым благоразумным для них будет заручиться расположением могущественных мздоимцев. В 1244 году доминиканский капитул Кагора приказал инквизиторам не брать подарки и подношения, которые подрывали доброе имя ордена; но эти запреты скоро канули в Лету. Так как инквизиция представляла свои отчеты только папской канцелярии, то ее служители мало боялись расследований, инициируемых местным духовенством. Не опасались они и гнева небесного, так как сами их служебные обязанности обеспечивали полное отпущение всех грехов, которые они совершали и в которых тут же исповедовались и раскаивались. Никакие угрызения совести не смущали их духа.

Только одно наказание чисто светского свойства входило в компетенцию инквизиции — в ее обязанности входило указание домов, оскверненных ересью и, следовательно, подлежащих уничтожению. Уже в самом начале формирования инквизиции, в 1166 году, предписывалось сносить все дома, где еретики находили приют. Такая норма содержалась в указах, изданных императором Генрихом VI в 1194 году, Оттоном IV в 1210 году и Фридрихом II в 1232 году. Она также была внесена в Веронский кодекс 1228 года — предписывалось разрушить те дома, владельцы которых в недельный срок не удалят из дома своих жильцов-еретиков. Такое же предписание было в статутах Флоренции. Во Франции Тулузский собор 1229 года постановил, что всякий дом, в котором приняли еретика, подлежит разрушению, и граф Раймунд в 1234 году дал этому постановлению силу закона. Пустырь, оставшийся на месте снесенного дома, считался проклятым и обычно служил для свалки нечистот, однако не возбранялось, за малым исключением, использовать камень, из которого состояли разрушенные стены, для нового строительства.

Во Франции королевские чиновники, ведавшие конфискацией, в конце концов начали протестовать против разрушения частной собственности — иногда очень крупной, поскольку приговоры инквизиции касались не только крестьянских хижин, но и замков вельмож. Во второй половине XIV столетия между представителями короля и инквизиторами возник длительный спор, который завершился тем, что Карл V, посоветовавшись с папой, опубликовал 19 октября 1378 года указы, отменившие такую карательную меру, как разрушение недвижимости.

Впрочем, в арсенале инквизиции оставалось достаточно наказаний. По указанию папы Григория IX всех, кто, будучи задержанным, отказывался от заблуждений из страха смерти, следовало заключать в тюрьму. Это указание было подтверждено позже и церковными соборами, и императорскими эдиктами. В первой половине XIII века еретики-рецидивисты еще не считались погибшими безвозвратно; их не передавали светской власти, которая штамповала смертные приговоры, но, как правило, приговаривали к пожизненному заключению, что, по версии инквизиции, было особой милостью по отношению к людям, потерявшим всякое право на снисхождение. Исключений не допускалось. Нарбоннский собор 1244 года объявил, что, если нет особой папской индульгенции, не следует щадить никого — даже отца ради детей, единственным кормильцем которых он был; ни возраст, ни болезнь не должны были влиять на смягчение приговора. В Лангедоке ввиду широкого распространения ереси в начале XIII века число осужденных было столь велико, что не хватало тюрем, а епископы постоянно говорили о невозможности прокормить всех заключенных. Дошло до трагикомедии: инквизиторам предписали вплоть до особого решения папы выносить относительно мягкие приговоры; Впрочем, когда дело касалось случаев закоснелости в грехах и вероотступничества, пощады ждать все равно не приходилось. Но уже в 1246 году ситуация с тюрьмами, видимо, нормализовалась, и собор в Безье предписал заключать в тюрьму всех грешников; исключение делалось только для тех, у кого были маленькие дети, и лишь в случаях, если грехи их были невелики. Только одним решением, объявленным в Тулузе 19 февраля 1237 года, было приговорено к пожизненному заключению около тридцати человек, причем часть из них пришлось временно запереть в частных домах, поскольку местная тюрьма оказалась переполнена. Здесь же, в Тулузе, с 1246 по 1248 год было осуждено сто двадцать семь человек на пожизненное тюремное заключение, шесть на десять лет, шестнадцать на неопределенный

срок, который мог как скостить, так и прибавить местный инквизитор; несколько позднее, согласно решению Нарбоннского собора, стали приговаривать только к пожизненному заключению, которое сделалось обычным наказанием для всех согрешивших — за исключением упорствующих еретиков, попадавших на костер.

Вот пример, показывающий, с какой жестокостью действовала инквизиция, применяя ужасный закон, которым ее вооружила церковь. Некто Петр Раймунд Доминик, вызванный на суд в 1309 году, бежал и был отлучен от церкви; заочно осужденный в 1315 году как уклонившийся от суда еретик, он через шесть лет явился в инквизицию добровольно, выговорив себе сохранение жизни. Его еретические поступки не представляли ничего особенного; в оправдание своей неявки на суд он ссылался на то, что на руках у него были жена и семеро детей, которые могли умереть без него с голоду, и все же он был заключен пожизненно в тюрьму. Что характерно, этот приговор вынес Бернар Ги, принадлежавший к числу инквизиторов наиболее просвещенных, искренне радеющих о заблудших душах.

Было два вида тюремного заключения: строгое и обычное. Но в обоих случаях заключенный получал только хлеб и воду и содержался в одиночной камере; любые контакты с внешним миром запрещались, дабы исключить его влияние на обывателей. Осужденные к строгому заключению содержались в оковах, часто их приковывали к стене в узкой и темной камере. Это наказание налагалось на тех, кто целенаправленно соблазнял католиков сойти с пути истинной веры, и на тех, кто совершал клятвopеступление, солгав под присягой; впрочем, степень их вины всецело зависела от мнения инквизитора. Если осужденный принадлежал к монашескому ордену, то его обычно заключали в монастырскую тюрьму, где имелись одиночные камеры. В эти камеры никто не мог входить без специального разрешения, а самому заключенному запрещалось видеть человеческие лица; пищу ему передавали через специальную форточку. По сути, это была могила, где человека хоронили заживо.

Тюремное начальство не заботилось о том, чтобы облегчить участь заключенных. Города, обязанные содержать тюрьмы, смотрели на них как на тяжелое бремя. Даже положение должников, хотя закон ограничивал их задержание сорока днями и предписывал давать им приличный стол, было ужасным — закон обычно игнорировался, так как считалось: чем хуже содержат человека, тем скорее он заплатит долг. С еретиками же и вовсе обращались как со скотом, тем более что денег на взятки после конфискации имущества у них, как правило, не имелось, а проявлять к ним простое участие было опасно.

В 1254 году собор в Альби решил, что новые владельцы конфискованных у еретиков имений должны выделять средства на содержание в тюрьмах своих предшественников по владению; кроме того, нести расходы по содержанию еретиков в тюрьмах обязаны были под страхом отлучения от церкви города и сеньоры, на землях которых схватили несчастных. Святой Людовик, король Франции, извлекавший большие доходы из конфискаций, в 1233 году взял на себя содержание тюрем в Тулузе, Каркассоне и Безье. В 1246 году он приказал своему сенешалю передать тюрьмы в Каркассоне и Безье в распоряжение инквизиторов и доставлять тамошним заключенным ежедневную порцию хлеба и воды. В 1258 году он предписал сенешалю как можно скорее завершить постройку новых тюрем.

Обычным рационом заключенных были хлеб и вода; но при этом в источниках упоминается, что иногда инквизиция — видимо, из каких-то своих соображений — делала отдельным узникам послабления и позволяла получать извне другую еду и вино. Этим пользовались тайные приверженцы ереси — они даже собирали средства в помощь своим лишенным свободы братьям; эти деньги обычно шли на подкуп инквизиторов. Нельзя не удивиться бескорыстному самоотвержению этих людей, если вспомнить, какой опасности они себя подвергали.

При постройке тюрем, естественно, старались сократить расходы и несколько не заботились о здоровье и удобствах заключенных. Папские инструкции гласили, что они должны состоять из небольших камер без доступа дневного света. Участь кающихся, пребывающих в таких условиях в течение долгих лет, была, возможно, не лучше, чем у еретиков, попавших на костер. Они были предоставлены всецело на произвол тюремщиков; жалоб их никто никогда не слушал; если заключенный жаловался на какой-либо акт насилия, то даже к его клятвам относились с пренебрежением, тогда как всякое слово тюремных служителей принималось на веру.

Смертность в этих тюрьмах была огромна. На аутодафе часто объявлялись приговоры по делам заключенных, которые умерли до окончания процесса. На аутодафе в 1300 году упоминалось десять лиц, умерших уже после того, как они сознались в ереси, но раньше решения их дела; в 1319 году было восемь подобных случаев, в 1326 году — четыре, в 1328 году — пять. Антисанитария, болезни, голод часто прекращали страдания несчастных раньше, чем того хотелось бы инквизиторам.

Нужно отметить одну особенность инквизиторских приговоров: они всегда оканчивались стереотипным выражением, оставлявшим за инквизитором право по произволу изменять, смягчать, увеличивать и возобновлять наказание. Еще в 1241 году Нарбоннский собор предписал инквизиторам всегда оставлять за собой это право, и с течением времени оно вошло в норму. В 1245 году Иннокентий IV предоставил инквизиторам, действовавшим совместно с епископами, право изменять наказание — как правило, это делалось в сторону его увеличения. И уж точно ни епископ, ни инквизитор не могли отменить наказание за ересь совсем; привилегия прощения и помилования принадлежала одному только папе — только представитель Бога обладал властью снять страшное пятно с человека.

Смягчали наказание нечасто — обычно в тех случаях, когда чистосердечность раскаяния была очевидной и появлялся повод продемонстрировать милосердие церкви. В 1328 году одним постановлением были освобождены двадцать три заключенных в Каркассоне; тюремное заключение им заменили ношением крестов, паломничествами, бичеванием и другими епитимиями.

Инквизитор мог смягчить или ужесточить наказание, никак не мотивируя свое решение. Собор в Безье в 1246 году постановил: если инквизитор освобождает заключенного, он обязан предупредить его, что первое же новое подозрение на причастность к ереси повлечет наказание без всякой жалости; за инквизиторами оставлялось право повторного заключения таких людей в тюрьму без суда и следствия. Кающийся должен был знать, что свобода, предоставленная ему, всецело зависит от усмотрения судьи; в своем клятвенном отречении он ручался своей жизнью и всем своим имуществом, что явится по первому зову.

В редких случаях, когда дело было выдающейся важности — например, шла речь о поимке или изобличении видного еретика, — инквизиторы могли обещать полное освобождение от наказания его приближенным, если они выдадут этого человека. Если были наложены особые духовные епитимии, инквизитор мог, по их выполнении, объявить кающегося человеком честных нравов, но это никоим образом не уничтожало первоначальный приговор. Снисходительность инквизиции никогда не доходила до прощения; она лишь давала отсрочку, и человек, над которым уже раз был произнесен приговор, мог всегда ожидать, что его снова вызовут в инквизицию и подвергнут, возможно, еще более тяжелому наказанию. Вся жизнь его с момента, когда он попал в поле зрения инквизиции, принадлежала молчаливому и таинственному судье, который мог разбить ее, не выслушав его оправданий, не объяснив причин. Он навсегда отдавался под надзор инквизиционной полиции, состоявшей из приходского священника, монахов, духовных лиц и всего заседания, которые через своих соглядатаев узнавали о всяком упущении, сделанном им при исполнении наложенной на него епитимии, о всяком подозрительном слове или действии. Уничтожить подобного человека в случае личной вражды было очень легко, чем многие и пользовались; сделать это было тем легче, что доносчик знал: имя его сохранят в тайне. Вся жизнь этих несчастных была сплошным беспокойством, и многие из них сходили с ума от постоянной тревоги.

Даже смерть не освобождала жертв инквизиции от преследования. Часто выкапывался и выбрасывался на свалку прах тех, кого своевременная смерть, казалось, отдала уже на суд Божий, и это приравнивалось к тюремному заключению. Если обвиняемый умирал после раскаяния, то он или его наследники все равно должны были понести наказание; наследники в таком случае подвергались легкой епитимии, от исполнения которой можно было избавиться, внося на нужды инквизиции определенную сумму. Но если обвиняемый умирал, не раскаявшись, и был уже после смерти признан еретиком, останки его выдавались светской власти, которая поступала с ними по своему усмотрению, а имущество конфисковалось. Таким образом, потомки нераскаявшихся еретиков одним мановением судейской руки превращались в нищих.

Измена, по римскому праву, наказывалась с неумолимою жестокостью; а ересь — измена Богу. Согласно кодексу римского императора Юстиниана, дети виновного в измене лишались права занимать общественные должности. Тулузский собор 1229 года лишил права занимать любые административные должности детей даже тех еретиков, которые добровольно раскаялись и обратились в католичество. Фридрих II распространил действие этого закона и на внуков раскаявшихся еретиков. Правда, папа Александр IV в булле 1257 года, много раз повторявшейся его преемниками, пояснил, что это наказание не распространяется на внуков человека, который публично покаялся и выполнил епитимии, а Бонифаций VIII отменил ограничение прав для внуков с материнской стороны, но в остальном нововведение Фридриха II вошло в каноническое право.

Инквизиция сильно нуждалась в содействии светских чиновников; поэтому ее можно понять, когда она лишала права службы тех, кто в принципе мог симпатизировать еретикам. Но отсутствие сроков давности в отношении процессов против мертвых открывало для нее чрезмерные возможности по части преследования наследников еретиков. Архивы инквизиции сделались, таким образом, источником бесчисленных притеснений, направленных против неугодных лиц. Никто не мог быть спокоен, что в один прекрасный день не откроют или не сфабрикуют какого-нибудь свидетельского показания против кого-либо из его родителей или предков, давно уже умерших; этого было бы достаточно, чтобы навеки разбить служебную карьеру. Во многих местах инквизиторы получили право удалять со службы любое лицо, отец или дед которого хотя бы сочувствовал ереси. Поэтому если кающийся выполнял наложенную на него епитимию, то дети его часто из предосторожности брали об этом официальную справку, которая впоследствии давала им возможность получить службу. Иногда инквизиторы снимали с наследников еретиков тяготевшее над ними ограничение гражданских прав, но это было лишь отсрочкой наказания, которую во всякое время можно было отменить по первому подозрению в симпатиях к ереси. Тем не менее известно несколько случаев, когда потомки еретиков, которым вернули право служить, занимали даже духовные должности. На этот счет существовало правило: если кто-либо был посвящен в священники и получил бенефиций до осуждения своих родителей, то его уже не отбирали, то есть закон в отношении духовных лиц не имел обратной силы.

В основе всех приговоров инквизиции лежал приговор об отлучении от церкви. В теории духовные наказания, налагаемые инквизицией, были тождественны тем, при помощи которых всякое облеченное властью духовное лицо могло лишить человека вечного спасения; но духовенство так осрамилось, что анафема в устах священника, которого не боялись и не уважали, в значительной степени потеряла, по крайней мере в рассматриваемую эпоху, свое значение. В то же время наказания инквизиции были действенным оружием в руках относительно небольшого числа энергичных людей, и никто не мог безнаказанно относиться к ним без уважения. Даже самые отчаянные люди — за исключением героев, которых можно пересчитать по пальцам, — не решались вступать с инквизицией в открытое противостояние, так как знали, что за это им грозит ужасная кара.

Не без основания инквизиторы хвалились, что их проклятие по четырем причинам могущественнее проклятия представителей остального духовенства: они могли заставить светскую власть признать отлученного вне закона; они могли принудить ее конфисковать его имущество; они могли осудить как еретика любого, который оставался отлученным от церкви на протяжении года; и, наконец, они могли отлучить от церкви всякого, кто поддерживал отношения с отлученным. Таким образом, инквизиция добилась того, что ее смертельно боялись, беспрекословно слушались и подчинялись налагаемым ею наказаниям. Она устраняла все законы, которые противоречили ее судопроизводству, а для приведения в исполнение своих приговоров пользовалась услугами светской власти. Одним своим существованием она подтверждала, что Царствие Божие, представляемое ею на земле, было выше всех земных царств.

Глава XIII

Конфискация

Хотя конфискация не была прямым делом инквизиции, она сама собой вытекала из ее приговора. Король Рожер, занимавший престол Сицилии в течение первой половины XII века, первый предписал конфискацию имущества всех, кто отпал от католической веры и исповедовал православие, магометанство или иудейство. Церковь ввела эту норму во все законодательства Европы как наказание за ересь. Большой Турский собор в 1163 году предписал всем светским правителям заключать еретиков в тюрьму, а имущество их конфисковать. Папа Иннокентий III в начале XIII века объявил в эдикте: «Мы повелеваем, чтобы имущества еретиков подвергались конфискации; чтобы эта мера применялась светскими князьями под страхом наложения на них духовных наказаний. Имущества еретиков, отрекающихся от ереси, не будут возвращены им, если только не будет благоугодно кому-нибудь сжалиться над ними... Должны быть отсечены от Христа и лишены имущества те, кто уклоняется от веры и оскорбляет Сына Божьего».

Формально конфискация имущества зависела от светской власти, и соответственно она могла пощадить имущество виновного. Это создало почву для значительных злоупотреблений. Князья пополняли свои доходы при помощи конфискаций, а чиновники получали взятки от тех, кто хотел сохранить хотя бы часть своего добра.

Отношение инквизиции к конфискованному имуществу в разные эпохи и в разных странах было различно. Во Франции право на собственность еретика, если его вина была установлена, переходило светской власти; инквизитор там только устанавливал степень виновности подсудимого. Приговоры французской инквизиции вообще не говорят о конфискации, за исключением приговоров, вынесенных по делам отсутствующих и умерших, где иногда о конфискации упоминается. В то же время, как только подозреваемый в ереси вызывался на суд или задерживался, накладывался арест на его имущество и сообщалось об этом его должникам. Когда выносился приговор, инквизитор извещал о нем власти, а среди его обязанностей была и такая, как наблюдение за тем, чтобы конфискация была произведена.

В Италии Иннокентий IV в 1252 году предписал властям Ломбардии, Тревизо и Романьи отбирать имущество у еретиков и их пособников, но право конфискации признавалось за светской властью, которой и доставалось конфискованное добро. Вскоре, однако, в некоторых городах итальянские инквизиторы получили контроль над процессом конфискации, а уже с XIV века все конфискованное шло на нужды инквизиции.

В Германии Вормсский сейм в 1321 году постановил, что земли и прочие владения осужденного еретика поступают его наследникам, а ленные поместья отходят сюзерену. Если еретик был рабом, его имущество целиком поступало во владение его господина, но из общей суммы удерживали расходы на казнь и судебное вознаграждение судьи. В 1323 году Майнцский собор решил, что имущество обвиняемых в ереси должно оставаться в неприкосновенности до окончания суда, и грозил отлучением от церкви всякому, кто до этого времени на это имущество посягнет. Когда император Карл IV сделал в 1369 году попытку ввести инквизицию в Германии, он приказал третью часть конфискованного имущества отдавать инквизиторам.

Впрочем, даже в тех странах, где инквизитор формально не имел никакой доли в конфискации, он почти всегда имел доступ к делу имущества обвиняемого, причем число тех,

на кого распространялась угроза конфискации, постоянно увеличивалось. Собор в Безье в 1233 году настаивал, чтобы она применялась и против воссоединенных с церковью — тех, кто был осужден на ношение крестов. Соборы в Безье в 1246 году и Альби в 1254 году требовали применения конфискации во всех случаях, когда человек осуждался на тюремное заключение. Тюрма и конфискация с этого времени были нераздельны. Иногда умершие приговаривались к тюремному заключению с единственной целью — лишить их наследников права наследования. В конце концов юристы условились признавать тюремное заключение как условие, достаточное для конфискации имущества.

Король Франции Людовик Святой своими указами 1229 и 1259 годов предписал конфисковать имущество не только тех, кто был присужден к тюрьме, но и тех, кто не явился по вызову инквизиции или укрывал в своем доме еретика. Королевские чиновники должны были узнать от инквизитора еще до окончания суда, заслуживает ли обвиняемый тюрьмы, и, в случае утвердительного ответа, наложить арест на его имущество. Наследники восстанавливались во владении имуществом только в тех случаях, когда еретик успевал покаяться раньше, чем его вызвали в инквизицию, или если он, покайсявшись, вступал в монашеский орден. Конфискация применялась повсеместно и с неумолимой жестокостью — почти автоматически. В то же время возврат имущества воссоединенному с церковью еретика был редким актом милосердия и требовал особо мотивированного постановления.

Первое время конфискации подлежало все имущество семьи еретика. Но в 1237 году Григорий IX признал, что приданое жен, сохранивших при муже-еретике преданность католичеству, должно было в определенных случаях оставаться неприкосновенным, а в 1247 году Иннокентий IV повелел все приданое возвращать женам. Во Франции это правило стало действовать в 1258 году. Однако жена не могла требовать назад приданое, если во время выхода замуж знала о ереси мужа, а по мнению некоторых юристов, даже и в том случае, если она узнавала о ереси мужа уже после замужества, но продолжала жить с ним и не доносила об этом в сорокадневный срок властям. Дети еретика лишались права на наследство в безусловном порядке, и поэтому его жена сохраняла приданое только при жизни, а после ее смерти оно поступало не детям, а фискальным органам.

Распределение добычи между властями и инквизицией не подчинялось раз и навсегда определенному правилу. До организации инквизиции, когда были сожжены в Страсбурге вальденсы, их имущество было поровну распределено между церковью и светскими властями. Луций III пытался устроить дело так, чтобы церковь получила исключительное право на доходы от конфискации. Иннокентий IV в своей булле «Для искоренения» 1252 года одну треть предоставлял местным властям, одну треть — служителям инквизиции, а остальное — епископу и инквизитору, с тем чтобы они употребляли эти деньги исключительно на розыск еретиков. Эти предписания были подтверждены Александром IV и Климентом IV. Александр IV в 1260 году приказал инквизиторам Рима и Сполето продавать конфискованное у еретиков имущество и вырученные средства передавать ему самому, и в 1261 году занявший вслед за ним папский престол Урбан IV получил триста двадцать ливров, вырученных от конфискации в Сполето.

Со временем в Италии установился обычай распределять выручку от конфискации между общиной, инквизицией и папской канцелярией. Но равными долями эти средства никогда не распределялись, хотя так и было предписано папами; инквизиторы захватывали себе все лакомые куски, тратили доходы от конфискации на себя лично или раздавали их своим родственникам. В архивах Флоренции сохранилось несколько документов XIV века, подтверждающих это. По-видимому, в 1343 году Климент VI получил доказательства того, что инквизиторы Флоренции и Лукки обманывали папскую канцелярию относительно причитающейся на ее долю третьей части штрафов и конфискации; вследствие этого он приказал вернуть украденные деньги и возбудить преследование против виновных. Чем кончилось дело, мы не знаем, но, похоже, папа ничего не добился. На место одного из проворовавшихся инквизиторов был назначен уважаемый францисканец Пьетро ди Аквила, который, как считалось, должен был навести во Флоренции порядок, но через два года и он был обвинен в растрате. Вероятно, сама должность инквизитора развращала людей и понуждала их усваивать приемы казнокрадства.

В Неаполе с первого дня установления инквизиции король Карл Анжуйский присвоил себе

исключительное право на конфискации. В 1290 году Карл II приказал, чтобы штрафы и конфискации распределялись на три части: одна в пользу королевского фиска, другая — на пропаганду веры и третья — на инквизицию. Исключение сделали для феодальных владений, которые должны были отходить короне или непосредственному сюзерену наказанного еретика. В Венеции в 1289 году соглашение между синьорией и папой Николаем IV, которым республика признавала введение инквизиции, оговаривало, что все доходы святого трибунала будут находиться в распоряжении государства. В Пьемонте конфискации делились между государством и инквизицией. Но уже в первой четверти XIV столетия церкви в Италии удалось присвоить себе все доходы от конфискаций, которые сначала равномерно делились между инквизицией и папской канцелярией. Только в 1438 году Евгений IV предоставил итальянским епископам свою часть. Там, где епископы были одновременно светскими владыками, конфискации распределялись между инквизицией и ними.

В Испании было принято за правило, что если еретик был лицом духовного звания или светским вассалом церкви, то церковь получала его конфискованное имущество: в противном случае оно поступало светскому сеньору.

Светская власть делала все, чтобы завладеть имуществом еретиков. В 1246 году евреев Каркассона как иноверцев приравнивали к еретикам и заключили в тюрьму. В июле Людовик написал своему сенешалю, что хочет извлечь из этих евреев как можно больше денег, поэтому содержать их следует в крайней строгости; король просил сообщить ему, какую сумму можно выжать с этих несчастных. В августе Людовик пишет, что полученная с евреев сумма слишком мала, и поручает сенешалю приложить усилия, чтобы выбить из них еще денег.

В начале XIII века в Лангедоке инквизиция поначалу пыталась присвоить себе доходы от конфискаций, чтобы употребить их на постройку и содержание тюрем. Но распространение королевской юрисдикции во Франции в течение второй половины XIII века сделало короля почти исключительным обладателем конфискованных имений. В 1229 году, после долгих споров, право короля на конфискованное имущество было признано неоспоримым.

Дело преследования еретиков было не менее прибыльно и для карманов епископов. В 1247 году епископ Бертран в Альби получил от Иннокентия IV особые инквизиторские полномочия, а уже в следующем году он продавал осужденным и раскаявшимся еретикам право смягчения наказаний. В 1460 году во время преследования колдунов Арраса их движимое имущество стало собственностью местного епископа, а недвижимость досталась светским властям.

Массовые конфискации не только навлекали жестокие и незаслуженные бедствия на тысячи беззащитных женщин и детей — они вызывали паралич общественной и хозяйственной жизни. Нельзя было поручиться ни за одну сделку. Ни один заимодавец, ни один покупатель не мог быть уверен в правоте того лица, с которым имел дело; мало того, почти неограниченное право возбуждать процессы против умерших через много лет лишало людей уверенности в завтрашнем дне, мешало спокойно пользоваться благоприобретенным или унаследованным имением.

Некоторые юристы полагали, что возбуждение дел против покойников следует ограничить пятью годами со дня их смерти; другие, однако, доказывали, что на этот счет не может быть срока давности, и практика инквизиции показывает, что последнее мнение пользовалось большим уважением. Часто давность устанавливалась в сорок лет, но, чтобы этот ограничитель начал действовать, собственник имения должен был доказать, что он никогда не подозревал прежнего владельца в ереси и что тот умер, пользуясь репутацией ничем не замаранного католика. В противном случае давность срока во внимание не принималась, и владение объявлялось спорным.

Мы уже видели, что дела против покойников были пародией суда: защита там была невозможна и конфискация неизбежна. Дело Герардо Флорентийского показывает, насколько легко разорялись семьи вследствие подобных обвинений. Герардо был человек богатый и могущественный, принадлежал к одному из лучших и древнейших родов. Тайный еретик, он на смертном одре между 1246 и 1250 годом подверг себя обряду еретикации. Казалось, об этом уже забыли, когда в 1313 году инквизитор Флоренции брат Гримальдо возбудил преследование против его памяти и выиграл тяжбу. Последовало осуждение, которое распространилось на его детей и внуков; все они были лишены имущества и подверглись ограничению прав как потомки

еретика.

В Неаполе королевский указ об аресте шестидесяти девяти еретиков в 1269 году приказывал сразу отобрать их имущество в пользу короля. Чиновники заранее были так убеждены, что суд завершится осуждением обвиняемых, что, не дожидаясь окончания дела, произвели конфискацию. И такое случалось часто.

Это злоупотребление восходит к первым дням инквизиции. В 1237 году Григорий IX запретил поступать таким образом. В 1246 году собор в Безье осудил наказания без суда, разрешив, однако, конфискацию до осуждения в том случае, если заведомо ясно, что подсудимый еретик. В 1259 году Людовик Святой смягчил это суровое условие, запретив досудебную конфискацию и предписав чиновникам во всех случаях, когда обвиняемый не был осужден на тюремное заключение, допускать его или его наследников ходатайствовать о снятии ареста; но если имелось подозрение в ереси, то имущество могло быть возвращено только при условии предоставления залога. В случае, если в течение пяти лет подозрение в ереси подтверждалось, имущество (или залог) переходило государству. Все эти установления довольно часто не принимались во внимание, и досудебные конфискации производились по-прежнему. Чиновники действовали по простому подозрению, поскольку инквизиция прочно внедрила в их умы идею о виновности всякого обвиняемого.

Светские правители, получавшие выгоду от конфискаций, сознавали все издержки такого подхода, однако всеми силами поддерживали инквизицию, столь необходимую для пополнения их казны. Их религиозное рвение было тесно связано с желанием заполучить как можно больше денег.

Конечно, было бы несправедливо говорить, что жажда к грабежу была главным двигателем инквизиции, но нельзя отрицать, что низкие страсти играли в ее деятельности видную роль. Алчность и фанатизм подали друг другу руку и в течение целых столетий способствовали жестоким массовым гонениям.

Глава XIV

Костер

Смертную казнь, как и конфискацию, в теории инквизиция не применяла. Первоначально приговор был только простым осуждением за ересь и сопровождался отлучением от церкви или объявлением, что виновный не считается больше подсудным суду церкви; иногда добавлялось, что еретик передается светскому суду — что «он отпущен на волю»; это обозначало, что кончилось прямое вмешательство церкви в его судьбу. Со временем в приговорах часто стали упоминать, что церковь ничего не может больше сделать, чтобы загладить прегрешения виновного; передача его в руки светской власти сопровождалась словами: «Да будет наказан по заслугам!» В более позднее время они дополнялись лицемерным обращением, которым инквизиция заклинала светские власти пощадить жизнь и тело отпавшего; впрочем, оно никогда не формулировалось точно.

Воззвание к милосердию было пустой формальностью, к нему прибегали, только чтобы не

казалось, что инквизиторы согласны на пролитие крови, так как это было бы нарушением церковных канонов. Но в то же время церковь зорко следила за тем, чтобы ее резолюция не толковалась превратно, то есть в пользу еретика; она поучала, что не может быть и речи о каком-либо снисхождении, если еретик не раскаялся и не выдал всех своих единомышленников. Один из богословов XIII века провозгласил: «Цель инквизиции — уничтожение ереси; ересь же не может быть уничтожена без уничтожения еретиков; а еретиков нельзя уничтожить, если не будут уничтожены также защитники и сторонники ереси, а это может быть достигнуто двумя способами: обращением их в истинную католическую веру или обращением их плоти в пепел, после того как они будут выданы в руки светской власти».

Светские власти, однако, полагали, что, сжигая еретиков, они исполняют приказания инквизиции. В предписании, данном 9 ноября 1431 года Филиппом Красивым Бургундским своим чиновникам, говорится, что их обязанность наказывать еретиков, «как предпишет это инквизитор и согласно обычаю». Инквизитор XV века Шпренгер, уже не стесняясь, говорит о жертвах, «которые он приказал сжечь». В XVII веке кардинал Альбицио заявлял: «Инквизиторы во всех процессах обычно выносят окончательный приговор, и если это смертный приговор, то он непосредственно и обязательно приводится в исполнение дожем и сенатом» (речь шла о Венеции).

Церковь давала отпущение грехов всем, кто приносил дрова для костра. В XIII веке Григорий IX не стеснялся утверждать, что церковь обязана проливать кровь еретиков. Бонифаций VIII внес в каноническое право напоминание светским властям под угрозой отлучения от церкви, чтобы все, кого передаст им инквизиция, подвергались «быстрому и справедливому» наказанию. Инквизиторам, однако, предписывалось всегда говорить об «исполнении закона» без упоминания о характере наказания, хотя все знали, что единственным наказанием для нераскаявшегося еретика была смерть на костре.

Надо заметить, что светская власть не проявляла отвращения перед исполнением своей ужасной обязанности. Законы всех государств Европы присуждали еретиков к сожжению живыми, и даже свободные республики Италии признавали в лице инквизитора судью, которому следовало повиноваться без рассуждений. Даже Раймунд Тулузский, сам переживший гонения, приказал сжечь живыми в Берлеже, близ Ажана, восемьдесят человек, — правда, произошло это в благочестивом порыве, предшествовавшем его смерти.

Если, однако, по той или другой причине светские власти не решались предать казни еретика, то тотчас в дело вмешивалась церковь. Так, например, в 1237 году во Франции инквизиторы осудили как еретиков десять мужчин и женщин, но чиновники отказались «принять» осужденных, конфисковать их имущество и «поступить с ними, как принято поступать с еретиками», другими словами — отказались сжечь их живыми. Инквизиторы немедленно отлучили этих чиновников от церкви. В 1288 году Николай IV отлучил от церкви и повелел отстранить от должности светские власти многих городов, которые уклонялись от приведения в исполнение приговоров инквизиции, а также наложил интердикт на сами городские общины. В 1458 году в Страсбурге бургомистр и его товарищи отказались было сжечь гуситского миссионера и его служанку, но церковь заставила их исполнить приговор. В 1486 году городские власти Брешии сделали попытку подарить, в обход приговора инквизиции, жизнь нескольким колдунам и колдуньям; более того, они пожелали ознакомиться с делом. Но папа Иннокентий VIII не замедлил объявить, что это желание оскорбительно для веры, и приказал отлучить их от церкви, если они в шестидневный срок не казнят осужденных; муниципальные законы, противоречившие этому требованию, были объявлены недействительными и не имеющими силы. В 1521 году папа Лев X в энергичных выражениях подтвердил инквизитору и епископским судьям Венеции, что их приговоры должны исполняться без всяких пересмотров и дополнительных расследований и что в противном случае они могут налагать на чиновников любые духовные наказания. В общем, светские власти, как правило, были обязаны отправлять людей на костер, иначе они сами могли быть обвинены в ереси.

Постоянно повторяемое учение церкви глубоко убедило лучших ее представителей, что сожжение еретика — это акт величайшей справедливости, а снисходительное отношение к еретикам — ересь, достойная самого строгого осуждения. Таким образом, все были согласны, что

еретиков следует сжигать; это мнение было плодом воспитания, которому подвергались в Средние века поколения за поколениями. Еретиком считался всякий, кто не исповедовал католическую веру, защищал иные верования и отказывался отречься от них; для самых упорствующих и закоренелых было одно только наказание — костер.

Но инквизитор далеко не всегда торопился осудить еретика на смерть. И дело тут не в заботе о возможном спасении души; обращенный в католичество бывший еретик, выдающий своих соумышленников, был куда полезнее для церкви, чем обугленный труп; поэтому не жалели усилий, чтобы добиться отречения. К тому же накопленный с годами опыт инквизиции показал, что фанатически настроенные люди часто жаждали мучений и сами желали смерти на костре; следовательно, инквизитор не должен был являться исполнителем их желаний. Инквизиция знала, что первый пыл часто уступал действию времени; поэтому она предпочитала держать упорствующего еретика, одинокого и закованного, в тюрьме в течение года, а то и более. К нему допускались лишь богословы и юристы, в задачу которых входило воздействовать на его ум, и его жена и дети, которые могли размягчить его волю. И только тогда, когда все усилия не приводили ни к чему, еретика «выпускали на волю»; но даже и после этого казнь откладывалась на день, чтобы он мог отречься, что, впрочем, случалось редко, так как не уступившие до этого времени обыкновенно не поддавались никаким убеждениям.

Если в последнюю минуту упорство еретика оказывалось сломлено и он выражал желание раскаяться, то признавалось, что его обращение было вызвано страхом, и его оставляли в тюрьме пожизненно. Иногда отречение от ереси принимали прямо на костре, хотя относительно этого не существовало определенных правил. Инквизитор Эмерик рассказывает о бывшем в Барселоне случае при сожжении трех еретиков; один из них, священник, сломленный ужасным страданием, когда часть его тела уже подвергалась нестерпимому жару, закричал, что желает отречься; беднягу сняли с костра и приняли от него отречение, однако спустя четырнадцать лет узнали, что он продолжает исповедовать ересь и даже сокрушает других; тогда его без долгих проволочек сожгли.

Еще в 1184 году Веронский декрет папы Луция III предписывал, что всякий еретик-рецидивист, впавший после отречения в ту же ересь, должен выдаваться светским судам без нового допроса. Согласно Равеннскому эдикту Фридриха II от 1232 года, следовало предавать смерти всех, кто снова впал в ересь, — причем особое внимание обращалось на тех, кто отрекся от ереси, имея лишь одну цель — избежать наказания. В 1244 году Нарбоннский собор упоминает о большом числе подобных случаев и еще раз подтверждает передачу виновных в руки светской власти без нового суда. Об этом же говорит в своей булле в 1258 году папа Александр IV. Характерно сделанное при этом замечание, что церковь нисколько не закрыта для покаявшихся во второй раз рецидивистов, так как они могут получить святое причастие даже и на костре, но даже раскаяться не может избавить их от смерти. Мотивированное таким образом папское решение было внесено в канонические законы. В подобных случаях обещание дать причастие в последнюю минуту вносилось в приговор и жертву всегда сопровождали на костер священнослужители, старавшиеся «спасти ее душу».

Мнимое или действительное возвращение в ересь стало с середины XIII века наиболее частым поводом к смертной казни. Еретики-герои, жаждавшие мученического венца, были сравнительно редки, но было много людей, которые не желали отречься от своей веры и, избежав первый раз смерти, надеялись, что в будущем сумеют лучше скрывать свои взгляды. Все это придало новое значение желанию церкви строго определить понятие возврата к ереси и вызвало множество споров. Там, где сама виновность почти неуловима, задача измерить и определить ее, конечно, не из легких.

Бывали случаи, когда первый суд заканчивался оправданием обвиняемого, но он оставался под подозрением без всяких на то улик, и выглядело странным осуждать его на смерть по совокупности двух преступлений, когда он не был уличен в первом. Недоумевая над разрешением этого вопроса, инквизиторы обратились к папе Александру IV, который дал им вполне определенный ответ. Если подозрение по первому делу было тяжелое, ответил он, то следует, «допуская своего рода законную фикцию», рассматривать его как доказательство виновности человека, и поэтому он должен быть осужден. Если же подозрение было легкое, то

обвиняемого следует наказывать более строго, чем наказываются за преступление в первый раз, но не применять к нему полностью наказаний, положенных для рецидивистов. Кроме того, для установления вторичного преступления достаточно было слабых доказательств: хватало уже того, что обвиняемый вступил в сношения с еретиком или выказал ему дружеское расположение. Это разъяснение неоднократно подтверждалось Александром и его преемниками — с настойчивостью, которая показывает, как много возникало недоразумений на этой почве; но в конце концов осуждение рецидивистов было внесено в каноническое право и стало нерушимым законом.

Существовал еще один разряд преступников: те, кто убегал из тюрьмы или небрежно выполнял наложенную на него епитимию. По теории, чистосердечно обратившимися считались кающиеся, «с радостью принявшие епитимию», но, если кто-то из них выполнял ее недостаточно ревностно, считалось, что обращение было неискренним, и это влекло серьезные санкции. На тех, кто был замечен в невыполнении епитимии, смотрели как на рецидивистов. Решительный же отказ выполнить епитимию считался признаком злостной ереси и вел прямо на костер. Валансьенский собор 1248 года постановил, чтобы сначала еретиков усовещивали, но, если и после этого они продолжали упорствовать в своих заблуждениях, с ними следовало поступать самым строгим образом; факт невыполнения епитимии иногда даже вносился в приговор, а нарушители порой приравнивались к клятвоступникам и нераскаявшимся еретикам. Что же до совершивших побег из тюрьмы, то они считались еретиками-рецидивистами, и их без всякого суда передавали светским властям как первых кандидатов на костер. К рецидивистам причисляли и еретиков, которые обратились в католичество и поклялись выдать всех известных им соумышленников, но не сделали этого.

Сжигание человека только за то, что он верит иначе, чем другие, представляется ныне такой драматической жестокостью и так поражает, что в конце концов в нем стали видеть существенную черту деятельности инквизиции. Но необходимо помнить, что среди других наказаний, налагаемых ее приговорами, костер был сравнительно менее употребителен. Инквизитор Бернар Ги за время своей деятельности в Тулузе (1308–1323 годы) отправил на костер шестьсот тридцать семь еретиков и вынес шестьдесят семь приговоров, по которым сожгли останки умерших. При этом тысячи еретиков были обращены в католичество. Дело в том, что инквизиторы более добивались обращений, разоблачений и конфискаций, чем увеличения числа мучеников. Костры поддерживали в населении ужас, который считали спасительным. Главными же наказаниями инквизиции были тюрьмы, массовые конфискации и унижительные епитимии. Да и само существование невидимой, но всезнающей полиции было сущим адом для пребывающих в постоянном страхе обывателей.

Во время казни, когда собиралась толпа смотреть предсмертную агонию мучеников, инквизиторы, чтобы не смягчить фанатизма зрителей, старались не выказывать к несчастным даже малейшей жалости. Виновного не удушали раньше, чем поджигали дрова, как это практиковалось в позднейшей испанской инквизиции; порох еще не был изобретен, и поэтому еще не обвязывали шею жертвы мешком с порохом, чтобы сократить ее мучения, когда пламя охватит ее. Обычно казнимого еретика привязывали к столбу, возвышавшемуся над грудой дров настолько высоко, чтобы зрители могли видеть все его мучения. Священники сопровождали свою жертву до последней минуты в надежде вырвать, если возможно, заблудшую душу из когтей дьявола; если бедняга не был рецидивистом, он мог еще в последнюю минуту отречься и спасти свое тело. Участникам церемонии строго запрещалось убеждать несчастную жертву умереть без сопротивления, или взойти твердым шагом на эшафот, или мужественно отдать себя в руки палача, ибо, давая подобные советы, они могли ускорить ее конец и тем самым допустить «неправильность». Обыкновенно казнь совершалась в праздничный день, чтобы могло собраться больше народа и зрелище выполнило свою воспитательную функцию, ради которой все и затевалось; из боязни, что жертва вызовет в собравшихся чувства жалости или симпатии, ей часто затыкали рот.

Второстепенные подробности известны нам из отчета одного свидетеля казни Яна Гуса в Констанце в 1415 году. Еретик стоял между двух вязанок хвороста; его крепко привязали к толстому столбу, причем веревки охватывали его лодыжки, колени, талию, их продели между

ногами и под мышками; на шею ему надели цепь. Затем заметили, что он повернулся лицом к востоку, а так как это сочли неприличным для еретика, то его повернули лицом к западу. Он был обложен до самого подбородка связками хвороста и соломы. После этого граф-палатин Людовик, наблюдавший за исполнением казни, подошел к эшафоту вместе с констанцским прево и в последний раз предложил Гусу отречься. Когда тот отказался, они отошли и ударили в ладоши, что было знаком поджечь костер. Когда огонь пожрал все, то приступили к окончательного уничтожению обуглившегося трупа; его разорвали на части и перебили кости, а затем останки и внутренности снова бросили в огонь.

Когда опасались, что присутствующие сохранят для поклонения останки мученика, то после того, как огонь гас, тщательно собирали пепел и бросали его в проточную воду.

Сохранились отчеты с указанием расходов, которые потребовались на казнь еретиков. Вот, скажем, подробная запись трат на сожжение четырех еретиков в Каркассоне 24 апреля 1323 года: «Дрова — 55 су 6 денье; хворост — 21 су 3 денье; солома — 2 су 6 денье; 4 столба — 10 су 9 денье; веревки — 4 су 7 денье; палачу по 20 су с головы — итого 80 су...» Немного более двух ливров на каждого казненного еретика.

В 1237 году в Тулузе из могил вырыли множество людей, признанных еретиками после смерти. Их полуразложившиеся трупы протащили по улицам, впереди шел глашатай и кричал: «Всякий, кто поступит так, так вот и погибнет»; затем их сожгли на кострах «во славу Бога, Блаженной Девы Марии, Его Матери, и блаженного Доминика, их служителя». Эта процедура, несмотря на то что была довольно дорога, вошла в традицию и сохранялась все время существования инквизиции, причем на нее тратились немалые деньги.

Костер служил инквизиции еще и для того, чтобы очищать страну от «заразительных и еретических сочинений»; это было начало цензуры, занявшей впоследствии видное место в деятельности инквизиции. В 1210 году был издан приказ сжечь еретические сочинения Давида де Динана, а также «Физику» и «Метафизику» Аристотеля. По приказу Якова I Арагонского сожгли неканонические переводы Святого Писания. Сожгли сочинение Вильгельма из Сент-Амура «Опыты».

Особую ненависть вызывали книги евреев — прежде всего Талмуд; церковь не щадила усилий, чтобы уничтожить их. Эти гонения инициировал обращенный в христианство еврей Никола де Рупелла, который около 1236 года обратил внимание Григория IX на богохульство, заключающееся в еврейских книгах, в особенности в Талмуде. В июне 1239 года Григорий потребовал от королей Англии, Франции, Наварры, Арагона, Кастилии и Португалии, а также прелатов этих королевств, чтобы в субботу грядущего поста, когда все евреи будут в своих синагогах, все книги их были схвачены и выданы монахам нищенствующих орденов. В мае 1248 года в Париже было сожжено четырнадцать возов книг, а затем еще шесть. В 1255 году Людовик Святой приказал сенешалю Нарбоннской провинции уничтожить все экземпляры Талмуда, а также все другие книги, «содержащие богохульства». В 1267 году Климент IV предписал арагонскому архиепископу заставить короля Арагона и его сеньоров под страхом отлучения от церкви распорядиться, чтобы евреи выдали инквизиторам Талмуд и другие книги. Книги, в которых не обнаружится богохульство, следовало возвратить, а остальные опечатать и спрятать в надежное место. В 1299 году Филипп Красивый приказал своим судьям помогать инквизиторам в уничтожении Талмуда. В 1309 году в Париже были публично сожжены четыре воза еврейских книг. В 1319 году понадобились две телеги, чтобы свезти еврейские книги, осужденные на аутодафе в Тулузе. В 1554 году папа Юлий III подтвердил требование инквизиции, обращенное к евреям: им было приказано под страхом смерти выдать все книги, где встречаются богохульственные отзывы о Христе; это папское предписание было внесено в каноническое право.

Заключение

Методы, изобретенные инквизицией, произвели на церковь самое печальное действие. Епископские суды сначала применяли эти методы только к еретикам, но затем нашли, что насилие и произвол дают блестящие результаты, и распространили их абсолютно на все дела, подсудные епископским судам. Уже в 1317 году инквизитор Бернар Ги говорит о пытке как о

явлении, обычном в духовных судах, и задается вопросом, почему надо стеснять епископов в ее применении к еретикам, тогда как пытка свободно применяется к другим обвиняемым?

Привыкнув, таким образом, к безжалостному суду, церковь становилась все более и более жестокой и грубой, все менее и менее христианской. Самые худшие папы XII и XIII столетий не решились бы опозорить мир поступком, подобным тому, в котором Иоанн XXII проявил свою ненависть к Гуго Герольду, епископу Кагора. Иоанн был сыном простого работника из этого города, и весьма возможно, что он питал к Гуго старинную ненависть; во всяком случае, сделавшись папой, он яростно обрушился на епископа. В 1317 году несчастный прелат был лишен звания и осужден на пожизненное заключение в тюрьму. Но этого Иоанну было мало.

Под предлогом того, что Гуго готовил покушение на жизнь папы, его выдали в руки светской власти, которая уготовила ему страшную казнь: в июле того же года с него содрали кожу, затем протащили по улицам и уже полумертвого сожгли на костре.

Привычка к зверскому насилию настолько укоренилась, что некоторые высокопоставленные прелаты стали сводить счеты со своими врагами с такой невероятной жестокостью, какой устыдились бы отпетые разбойники. В 1385 году шесть кардиналов были обвинены в заговоре против Урбана VI; взбешенный папа велел схватить их и поместить вместо тюрьмы в заброшенном подвале в замке Ночера, где находилась его резиденция. Несчастные прелаты находились по пояс в воде; этот подвал, более похожий на канаву, был так узок, что грузный кардинал ди Сангро не мог там даже повернуться. К несчастным были применены методы, введенные в употребления инквизицией. Их мучили голодом, холодом, бросали в воду червей и постоянно допрашивали, побуждая к признанию. Когда они ответили отказом, их подвергли пыткам, и один из них, епископ Аквилы, не вынес страданий и оговорил остальных. Другие продолжали отрицать свою вину, и тогда пытки усилились. От кардинала ди Сангро удалось услышать лишь то, что он страдает заслуженно за зло, которое причинил, по приказанию папы Урбана, архиепископам, епископам и другим прелатам. Когда пытали кардинала Венеции, папа прогуливался по саду мимо окон застенка и громко читал молитвенник, так что звуки его голоса напоминали палачу о приказании мучить жертву. Но тщетно мучители прибегали и к дыбе и к кобыле — признания у кардинала вырвать не удалось. Прелаты сидели в своей ужасной тюрьме до тех пор, пока замок не был осажден одним из противников папы — Карлом Неаполитанским; освобождение было близко, но, на их несчастье, папе удалось бежать, захватив их с собой. Причем во время бегства Урбан приказал убить ослабленного пыткой епископа Аквилы, который был не в силах двигаться в том же темпе, что и остальные; его труп был брошен на дороге без всякого погребения. Другие кардиналы были доставлены в Геную и заключены в тамошнюю тюрьму. Впоследствии один из них, англичанин Адам Астон, был выпущен на свободу благодаря энергичному вмешательству короля Ричарда II, а остальные загадочно исчезли. По одним сведениям, папа велел их казнить, подругам — их повезли морем в Сицилию и по дороге утопили; а третья версия передает, что их зарыли живыми во рву, выкопанном в папской конюшне.

Соперник Урбана, известный под именем антипапы Климента VII, был не менее кровожаден. Когда он был еще легатом Григория XI и назывался кардиналом Робертом Женевским, то из политических соображений поощрял к действию дорожных грабителей. Самым крупным его подвигом была ужасная резня в Чезене; для его характеристики можно вспомнить угрозу, с которой он обратился к жителям Болоньи, обещая «омыть руки и ноги в их крови».

Еще более губительно повлияла инквизиция на светское судопроизводство. Это влияние пришлось на период, когда выходили из употребления старые варварские обычаи: ордалии, судебные поединки и т. п. — и начало вырабатываться новое право. Судебные системы европейских государств вступили на путь полного изменения, и счастье будущих поколений зависело от характера новых учреждений. И если при этой реформе были почти исключительно избраны худшие образцы, а именно инквизиционный процесс и пытка, которые в течение пяти столетий оставались отличительной европейской чертой уголовного судопроизводства, то мы без всякого колебания можем объяснить это санкцией церкви. Эти приемы проникли всюду, куда проникла инквизиция. Наоборот, большинство народностей, не испытавших инквизиции, сохранило свои прадедовские традиции и самостоятельно развило их, вводя, таким образом,

новые обычаи, которые нам кажутся, конечно, очень суровыми, но где мы, по крайней мере, не встречаем инквизиционных жестокостей.

До конца XVIII века в большей части Европы инквизиционное судопроизводство, развившееся в целях уничтожения ереси, было обычным методом, применявшимся в отношении всех обвиняемых. В глазах светского судьи обвиняемый был человеком, стоящим вне закона, виновность его всегда предполагалась, и из него надо было во что бы то ни стало, хитростью или силой, вырвать признание. Так же относились и к свидетелям. Узник, сознавшийся под пыткой, подвергался новым пыткам, чтобы он выдал «других преступников», которых мог знать. Равным образом инквизиция ввела в судебную практику понятие «подозрение в преступлении»; если не удавалось обличить обвиняемого в преступлении, то его можно было наказать как подозреваемого, причем наказание предоставлялось усмотрению судьи и часто равнялось наказанию за преступление. Как назвать всю эту порожденную инквизицией систему, вершившую судьбы беззащитных людей? Она кажется настоящим изобретением дьявола, и недаром знаменитый английский юрист XV века сэра Джон Фортескью назвал ее «дорогой ада».

Оглавление

- [Генри Чарлз Ли Возникновение и устройство инквизиции](#)
- [Глава I Церковь](#)
- [Глава II Ересь](#)
- [Глава III Катары](#)
- [Глава IV Крестовые походы против альбигойцев](#)
- [Глава V Гонения](#)
- [Глава VI Нищенствующие монахи](#)
- [Глава VII Установление инквизиции](#)
- [Глава VIII Устройство инквизиции](#)
- [Глава IX Судопроизводство инквизиции](#)
- [Глава X Свидетельские показания](#)
- [Глава XI Защита](#)
- [Глава XII Приговор](#)
- [Глава XIII Конфискация](#)
- [Глава XIV Костер](#)
- [Заключение](#)